

Улыбнись мне, Артур Эдинбург

АНТОНИНА КРЕЙН

Автор вселенной «Шолох»

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Улыбнись мне, Артур Эдинброг

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Улыбнись мне, Артур Эдинброг / А. Крейн — «Эксмо»,
2023 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-181624-7

Ироничную искусствоведку Вилку перенесло в мир Гало, где набирают ход мрачные события, о которых жители местного университета старательно молчат. Вилке предстоит не только выяснить, что тут происходит, но и разобраться со своей личной проблемой — с тем фактом, что в новом мире ей досталась роль фамильяра при молодом колдуне Артуре Эдинброге, который явно находится в центре грядущих событий. И который, хоть и невозможно хорош собой, но замкнут и одинок. Университетский стиль преппи, юмор, тайны, история искусства и любовь. Новая самостоятельная история от создательницы уютного мира «Шолоха» Антонины Крейн. Атмосфера светлой готики и волшебной академии. Мир, в котором вот-вот случится апокалипсис, атмосфера британского университета, добрый юмор, дружба, любовь и котики. Легкая и ироничная история, полная приключений и внезапных поворотов сюжета, которая унесет вас прочь от забот и подарит несколько волшебных вечеров. Издание дополнено внутренними иллюстрациями от художницы Дарьи Дмитриевой (Markass).

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181624-7

© Крейн А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

1. Уорхол, какого чёрта?	8
2. А жизнь вообще несправедлива	10
3. У больниц есть запах	13
4. Простых путей не ищем – и слава богу!	15
5. В убежище	19
6. Финансист вся университета	22
7. Проверки-проверочки	25
8. Ваш вольер, мисс Виолетта	28
9. Хтыщ!	30
10. За Тучевой дверью	33
11. Внезапное утро, внезапный день	36
12. К ноге!	40
13. Последний приказ	46
14. Первая проба фамилльярства	50
15. О'кей, дэдди!	53
16. Великие маги	57
17. Мир в ожидании конца	61
18. Ангельское дело	66
19. Время взяться за ум	70
20. Прибрался	75
21. Этот парень врёт	78
22. Полёты на нойдиче	81
23. Ты очень дерзкая, Вилка	84
24. Не только маги бывают одиноки	88
25. Снова здравствуй, Каприз	92
26. Неожиданное предложение	96
27. Р-р-р. Моё	99
28. Ешь, что хочешь. И Тонусное зелье!	102
29. Нет тебе веры!	105
30. Рассказ Бориса Отченаша	110
31. Печальные колокольчики	114
32. Идеальный целовальщик	118
33. Романтические танцы с бубном	121
34. Привет, Уорхол	124
35. Это провал	127
36. Экзамен по зельеварению	130
37. Всем нравятся закрытые гештальты	135
38. Ужин в горах	139
39. Я не хочу отпускать тебя	143
40. Нет у меня купальника	147
41. Стылый флигель	150
42. Лишь одно лицо в фокусе	155
43. Новый обряд	159
44. Самый опасный соблазн	163
45. То, что мы подсмотрели	166
46. Dorenmi	170

47. Я боюсь	174
48. Зеркальная конференция	176
49. Бытие на куски	180
50. Право фамильяра	184
51. Путь в столицу	188
52. Шшшшшшшшурх	192
Эпилог	199

Антонина Крейн

Улыбнись мне, Артур Эдинброг

© А. Крейн, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Уорхол, какого чёрта?

Я всегда знала, что в каждом коте скрывается тигр. Но не думала, что это следует понимать настолько буквально!

Поэтому, когда кот по имени Уорхол, взятый мной из приюта меньше месяца назад, вдруг начал расти и менять окрас, челюсть моя отправилась в далёкое путешествие по вертикали вниз, а сердце забилося, как тысяча гонгов в долине Ганга.

– Уорхол, какого чёрта? – застыла я, от неожиданности расплескав кофе.

Дело было у меня дома, в просторной светлой студии, выходящей окнами на зелёный двор. Сонная и крайне раздражённая, какой я всегда и бываю до наступления полудня, я шла от кофемашины к ноутбуку, чтобы приступить к созданию очередного онлайн-урока по истории западноевропейского искусства.

И вдруг начались такие... чудеса.

Кот, валявшийся в гардеробной и упоённо точивший когти о комод с туфлями, сначала тихо мяукнул, а потом вдруг зарычал. Его белая шерсть окрасилась в рыжий с яркими чёрными полосами, килограммы начали набегать, как в страшном сне старлетки, а зубы отросли, будто кинжалы. Но взгляд у Уорхола оставался всё тем же: меланхолично-циничным взглядом помойного жителя, не так давно обретшего благополучие (надеюсь) в моей квартире.

И ладно бы странности с котом, но гардеробная ещё и наполнилась пением.

Хор низких мужских голосов, доносящихся неизвестно откуда, пел а капелла на неизвестном мне языке. Это точно была не латынь (гарантирую, ибо сама я *exegi monumentum* знаний в университетские годы), но явно что-то, обладающее таким же багажом аллюзий. По-настоящему древние языки нельзя не признать: в каждом их звуке – угасшие жизни поколений, кровопролитные войны, смерти, клятвы, мольбы и предательства...

В иных обстоятельствах я бы с интересом вслушалась в мелодику языка – и сами голоса, и песня были чарующими, поистине колдовскими, – но в тот момент сюрреализм ситуации заставил меня лишь безмолвно таращиться на происходящее всё расширяющимися глазами.

Подвесной потолок гардеробной заходил волнами, а по полу пополз багровый туман. Шкафы с одеждой мелко затряслись, от страха отплёвываясь вешалками. Кот продолжал превращаться в тигра, пение становилось всё громче, и я, глядя на всё это, поняла, что стремительно перестаю быть скептиком.

В сердце стучало и горячило кровь лишь одно слово: *магия*.

...Вокруг кота вспыхнул огненный контур пентаграммы.

И тогда что-то во мне переклинило. Нет бы продолжить стоять столбом или отойти, не мешая тёмным силам делать своё странное дело, или, на худой конец, заснять всё на видео и отправиться с этой записью либо к психологу, либо в социальные сети, а лучше всего – и туда, и туда разом.

Нет. Вместо этого я выругалась, с грохотом брякнула чашку о стол, перепрыгнула пробивающийся прямо из пола огненный всполох и вытолкнула удивлённого кошака-тигра наружу.

Чёрт его знает, зачем я это сделала. И почему бывший Уорхол мне это позволил вместо того, чтобы свежесобравшими зубами откладывать мне что-нибудь важное. Голову, например (впрочем, и без того явно потерянную).

Однако Уорхол вывалился прочь из пентаграммы, а вот я осталась стоять в её центре, уперев руки в колени и несколько отстранённо отмечая, что пламя поднялось высоко-высоко, почти до потолка, но почему-то не поджигает шкафы. И правильно делает. Молодец пламя. Так держать.

Наконец загадочное пение оборвалось, сменившись звонким ударом, – так на аукционах молоточками долбят «Продано!» – только гораздо жёстче.

Мир вспыхнул и потух.

Какое-то время я пребывала в благословенной тьме. Кажется, я висела где-то, в каком-то пространстве, инстинктивно свернувшись в клубочек, как эмбрион. Верха или низа здесь не было; света и звука – тоже. Я ничего не видела и не слышала – только чувствовала, как зубы отбивают рваный панический ритм, а руки обхватили колени так крепко, что, кажется, их не смог бы разжать и титан.

«Вилка, ты просто бестолочь, – обречённо подумалось мне. – В следующий раз досчитай до десяти, прежде чем что-то предпринимать. Хотя нет, так ты станешь чересчур тормознутой для экстренных ситуаций... Ладно, тогда просто смиришься с этой ролью: бестолочь. Приз за отсутствие инстинкта самосохранения уходит тебе».

Пока я себя то ли чихвостила, то ли утешала, в темноту закрался странный скрипучий голос.

– И да станет сия сущность сосудом для сил ваших, сир, отныне и во веки веков, пока смерть её не разделит вас, – провозгласил он торжественно. – И да будете вы заботиться о сущности сей, и да будет она поддерживать вашу мощь, жизнь свою положив на благо ваше. Аймен!

– Аймен, – ответил ему другой голос, куда моложе.

– Вы готовы узреть своего фамильяра? Он уже в межпространстве, ждёт встречи с вами.

– Я готов.

– Узрите!

И тут же я ощутила, как в моё бытие возвращается гравитация – лучше бы свет, честное слово, – и полетела вниз, визжа и кувыркаясь, а потом шлёпнулась животом на холодный мраморный пол. Удар чуть не вышиб из меня дух, но я всё же нашла в себе силы кое-как перевернуться: тому изрядно способствовали разрозненные возгласы удивления и парочка криков гнева.

Я снова лежала в центре пентаграммы. Но на сей раз не у себя дома, а в огромном тёмном зале со сводчатым потолком. Идеальный образец пламенеющей готики. Любо-дорого посмотреть! Причём не церковь, что обычно первым приходит на ум, а библиотека: бесконечные шкафы из красного дерева, изящные лестницы, узкие витражные окна с изображениями ключей и свитков, низкие лаковые столы и кресла из потёртой кожи.

Но в них никто не сидел, нет. Никто не читал под светом зелёных ламп.

Все присутствующие, а их было немало, стояли вокруг меня толпой и, кажется, готовились дружно рухнуть в обморок.

– Это ещё что такое?! – выдохнул старик в мантии, находившийся ближе всех к пентаграмме.

Судя по всему, это его голос произносил прежде странную, будто свадебную, клятву.

– Вот и мне интересно, мастер Говерик. Потому что всё выглядит так, будто это – мой фамильяр, – напряжённо изрекли где-то у меня над затылком.

2. А жизнь вообще несправедлива

Я кое-как села и обернулась, чтобы увидеть говорившего.

Стоило мне сделать это, как огонь принялся расти вверх и вширь, пытаясь отсечь меня от окружающих. Одновременно с этим премудрый старец и ещё несколько особо трепетных личностей прянули в стороны, делая какие-то размашистые жесты руками – своеобразный аналог христианского креста.

А вот человек, заявивший, что я – его фамилляр, никуда не двинулся. Даже не шелохнулся, невозмутимо продолжая стоять прямо на полыхающей границе, тогда как остальные находились снаружи. Огонь жадно облизывал его со всех сторон, заключая в трепещущую алую рамку, но не причинял видимого вреда. Щурясь от света и обещая себе устроить истерику попозже, а пока – собрать максимум информации о происходящем, я разглядывала незнакомца. Он – меня.

Он был молод, лет двадцати пяти, наверное. Стоял, скрестив руки на груди, выдвинув одну ногу чуть вперёд и подозрительно прищурившись. Высокий. Подтянутый. Темноволосый и слегка растрёпанный, хотя мой глаз, намётанный на уход за собой, видел: парень честно пытался пригладить это безобразие разными лаками, но оно так же честно вырывалось наружу.

Он был одет в шерстяной костюм английского покроя: брюки, рубашка и жилетка с твидовым галстуком, спрятанным под неё. На груди юноши поблёскивал латунный значок в форме какого-то герба, который мне никак не удавалось толком рассмотреть из-за пляшущих вокруг языков пламени.

Возможно, он студент? Аспирант? Что-то ещё в этом духе? Всё вокруг атмосферой напоминало старый добрый Оксфорд.

– Ты не похожа на тигра, ммм? – сузил глаза незнакомец, постукивая круглым мыском ботинка по мраморным плитам.

Если старики боялись меня, то он, очевидно, пребывал в глубочайшей задумчивости из-за случившегося. Но на меня всё равно априори смотрел как на врага – видимо, на всякий случай. В целом в его манере двигаться и одеваться явно прослеживался сдержанный характер, сейчас обратившийся неприятной ледяной замкнутостью.

– Мой кот тоже не был похож на тигра, пока вы его не извратили, – тряхнув головой, в тон отозвалась я. Потом соскреблась с пола, мимоходом отметив, что никаких лингвистических проблем у нас с местными жителями не возникло.

Хотя стоило мне задуматься об этом, как меня зашекотало странное и неуютное ощущение того, что на самом деле я говорю на каком-то совершенно ином языке, не соответствующем ни одному из земных наречий. Просто в моём мозгу появился фильтр – шустренький и трудолюбивый, переводящий всё так быстро, что я не успевала даже замечать его работу...

Между тем пламя поднялось ещё выше, но я уже определила для себя, что оно безвредно. Поэтому, прижав руку ко лбу, я шагнула вплотную к огненной стене, в противоположную сторону от парня, желая получше рассмотреть происходящее снаружи:

– Кто вы такие?

– Дерзновенная! – хором завопила стоящая снаружи толпа старикашек, отшатываясь ещё чуть дальше и «крестясь» ещё энергичнее.

Я вдруг заметила интересный момент – у них у всех с собой были животные. Те, что поменьше – крысы, белки, ящерицы и птицы, – сидели на плечах хозяев или выглядывали у них из карманов. Те, что побольше – коты, собаки, лань (лань! ничего себе!), мангуст и что-то вроде птеродактиля на диете, – сидели рядышком на полу и честно скалили на меня зубы.

– О господи... Только не говорите, что мы в «Северном сиянии» Филипа Пулмана, – я вновь обернулась к молодому человеку: он единственный пока сохранял спокойствие.

Нехорошее, ледяное, но всё же спокойствие.

– Где? – ещё на пару градусов холоднее переспросил он, щелчком пальцев стряхивая со своего плеча совсем уж наглый огненный язычок.

– В книге про людей, чьи души спрятаны в животных. Британское фэнтези, – уже жалея, что завела эту бесперспективную тему, вздохнула я.

С парня вдруг как рукой сняло всю его недоступность. Он вполне по-человечески, живенько так застонал, расплетая руки на груди и вцепляясь ими в волосы.

– Ты что, с Земли?! – простонал он на сей раз со словами, так убито, что я устыдилась.

– Она с Земли?! – паническим эхом отозвались старикашки, уже столпившиеся где-то вдалеке, на выходе из условной библиотеки.

Только тот, которого звали Говерик, остался маячить рядом, как очень виноватый осёл. Из рукава его пиджака выглядывала озадаченная змейка.

То, что все они знали нашу планету, одновременно утешало и озадачивало.

– Ну да, – я растерянно нахмурилась. – Оттуда.

– Второй землянин в университете... – пробормотал колдун Говерик. – Мы этого просто не выдержим! Они же невыносимы!

– Кто, мать вашу, настроил телепорт на Землю?! – тут же вспыхнул какой-то старичок поодаль. – Мы не работаем с этими козлами!

– Я-я-я-я... – донеслось совсем издалека. – Там лучшие тигры, и я подумал, что...

– Нам конец!

– А что с ней делать-то?!

– Дайте мне валерьянку!

– Простите, ну простите!..

Шум поднялся невообразимый.

Я, в первый момент совсем растерявшаяся, теперь поджала губы:

– Может, вы всё-таки объясните мне, где мы и что происходит?

Все мгновенно замолкли и вновь уставились на меня с опаской и недоверием, но на мой вопрос никто не спешил отвечать. Прошло несколько томительных секунд, пока наконец парень, чьего имени я так и не узнала, легко шагнул вперёд и неожиданно оказался прямо передо мной.

– Объясняю, – донельзя мрачно сказал он, положив руки мне на плечи. Я, ошарашенная его внезапной близостью, попыталась спастись в языках трепещущего за спиной пламени.

Стало ещё хуже: огонь, весело запрыгавший вокруг нас, лишь добавил жуткую нотку преисподней в атмосферу нашей беседы. – Если коротко, то у тебя огромные проблемы.

– Почему?! – опешила я. – Потому что я явилась вместо тигра? Так это же вы меня вызвали! Сами!

– А жизнь вообще несправедлива, – проворчал незнакомец и вдруг очень нежно провел рукой по моей шее.

Касание было настолько деликатным – будто пёрышком, – что у меня невольно перехватило дыхание.

– Dorenmi, – проговорил юноша, и я уснула, упав ему на руки.

3. У больниц есть запах

У больниц есть запах – и с этим согласятся не только те, кто лежал в них или навещал там кого-нибудь, но даже те, кто просто видел их в кино. Этот запах проникает сквозь экран. И сквозь миры, судя по всему, тоже.

Я поняла, где нахожусь, ещё до того, как открыла глаза.

А открыв их и увидев, что меня окружает, убедилась в правильности своего вывода: белые, туго затянутые койки, шкафчики, полные склянок с лекарствами, и хорошенькая медсестра в крахмальном наряде и чепце с полями, загнутыми, как крыша пагоды. Меня по-прежнему окружало такое же царство готики, как и в библиотеке, но здесь интерьер был выполнен в светлых тонах.

– Привет, – кивнула мне медсестра.

– Привет, – ответила я. – Жутковато, что ты стояла тут и смотрела, как я сплю.

– Это моя работа, – просто сказала девушка и присела на краешек кровати.

Вблизи стало видно, какое симпатичное у неё лицо: типаж Энн Хэтэуэй. Глазищи огромные, губы улыбочивые, и что-то вроде сострадания (что совсем не лишнее для медсестры) сквозит в общем облике.

В руках она держала фарфоровую чашечку с таблетками.

– Меня зовут Мэгги, – представилась медсестра.

– Я Вилка.

Она непонимающе нахмурилась:

– Столовый прибор?

– Нет, Виолетта.

– Фиалка?

– Хм. Ещё можно Ветка – это тоже сокращение, – но, боюсь, и оно тебе не понравится, – немного смешалась я.

– Мне всё нравится! – энергично запротестовала Мэгги и накрыла своей ладонью мою. – Особенно то, что ты с Земли. Я просканировала твой мозг, твоё прошлое – таково было задание от ректора, – и я в полном восторге. Люблю землян, хотя 99 % жителей университета со мной не согласятся.

Я села в кровати, и Мэгги тотчас отобрала у меня подушку, чтобы взбить её как следует. Честно говоря, она слегка пугала меня своим дружелюбием.

– Мэгги, может быть, хоть ты расскажешь мне, что тут случилось? – вздохнула я, устало потирая глаза.

На моих пальцах мерцали какие-то невесомые, похожие на пластиковые перстни с переливающимися кристаллами. Кажется, местные аналоги измерителей кислорода и прочих бытовых датчиков.

Ещё меня переодели. Ни любимых джинсов, ни свободной белой рубашки, в которой я распеваю по дому, ни тапочек с помпонами.

Вместо этого на меня надели огромную ночнушку-колокол белого цвета. Приподняв одеяло, я увидела, что по подолу идут нарядные рюши. И волосы – мои русые волосы заплели в то, что называют колоском. Коса щекотала мне шею и доходила до груди.

Пока я с миной недовольного покупателя оценивала свое преображение, Мэгги сбегала за кофе. Потом снова села на край кровати и – ура! – заговорила:

– Мы находимся в магическом университете под названием Форван. Это самое замечательное учебное заведение для магов в нашем мире. А наш мир называется Гало, но ты вряд ли о нём слышала: от Земли до нас далеко, а у вас ведь нет магии.

Я вспомнила свою соседку – предприимчивую старушку Клавдию, продающую всем расклады Таро и называющую плату за это не «ценой», а «обменом энергией». И приятельницу Михаэлу, голодающую по тридцать дней, чтобы распахнуть наконец-то все семь чакр сразу и телепортироваться напрямик в Убуд.

– Магии нет, – подтвердила я.

– А у нас есть. А ещё, хотя мы сами пока и не особенно умеем путешествовать в другие миры, мы уже научились вызывать из них предметы и фамильяров. Фамильяры – это магические животные, которые содержат в себе часть нашей магической силы, чтобы давать нам её, когда нужно. Одновременно с этим отданная фамильяру сила постепенно копится в нём, по чуть-чуть...

– Это как вклад в банке с частичным снятием? – прикинула я.

Не то чтобы я не знала, кто такие фамильяры – фэнтези я в своё время перечитала немаленько. Но лучше уточнить: не всё и не всегда во вселенной идёт по канону. И слава богу.

– Именно! Как вклад! – радостно согласилась Мэгги. – То, что дано фамильяру в момент призыва, колдун не может забрать обратно – в этом случае фамильяр умрёт. Но остальную силу можно вкладывать и забирать без проблем. Так, в тебе теперь есть часть энергии Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего.

– Кого? – опешила я от столь громкого имени.

Мэгги надулась и повторила с такой интонацией, будто отчитывала меня:

– Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего – лучшего студента нашего университета.

– Это такой взъерошенный красавчик?

– Да, – Мэгги заулыбалась. – Ему должны были вызвать волшебного тигра, а получилось тебя. Это плохо: теперь вы связаны, и пока эту связь не разорвёшь, Артур не сможет получить нового фамильяра. У всех зрелых магов есть фамильяры – это традиция, а уж в случае Артура... – она запнулась, подбирая слова. – В случае Артура это особенно важно.

– Почему? – Я нахмурилась. – И почему у тебя самой нет фамильяра?

Мэгги изящно проигнорировала первый вопрос, но на второй ответила:

– Я учусь на четвёртом курсе, на кафедре целительства. А фамильяров мы получаем в конце пятого года обучения. Нам даётся несколько недель на то, чтобы привыкнуть к ним, после чего уже с фамильярами сдаются финальные экзамены. Без фамильяров – не вариант.

– Так, ладно. И что теперь делать? Как порвать нашу с Артуром связь?

– Ну, проще всего тебя убить, – улыбнулась Мэгги. – Сейчас принесу тебе каталог возможных вариантов казни, выберешь по своему вкусу.

4. Простых путей не ищем – и слава богу!

Я много раз видела в интернете ролики, где люди под действием адреналина делают чудные вещи: поднимают машины, бегут быстрее Усейна Болта или высказывают начальнику в лицо всё, что о нём действительно думают... Оказалось, я тоже не из робкого десятка.

Услышав слова Мэгги про то, что меня следует убить, я резво слетела с койки, запрыгнула на соседнюю и, скача прямо по кроватям, составленным в ряд, с боевым кличем индейцев апачи рванула прочь.

– Э-э-э... – протянула Мэгги где-то сзади. И отчаянно крикнула мне в спину: – Да не бойся ты! Я просто пошутила!!!

Хреновое же у тебя чувство юмора, Маргарет, если так.

В общем, на всякий случай я ей не поверила.

Ведь я, судя по всему, – типичная «попаданка», как это принято называть в современном фэнтези. И пусть книги о девушках, провалившихся в другую реальность, никогда не привлекали меня как читателя, изредка я оказывалась втянута в процесс их создания. Одна моя подруга пишет такие романы – очень простые и очень востребованные – и иногда является ко мне в студию, разводя руками: «У меня небольшой затык в сюжете. Можно я *об тебя подумаю?*» И хотя в её умненькой голове бродит немало восхитительно-диких идей, чаще всего для своих историй она выбирает простые, как топор, шаблонные решения. Так принято в её нише лёгкой литературы, в которой она уже преуспела и на которую подсела, не решаясь экспериментировать с чем-то другим из-за риска провала. Она нередко меланхолично шутит о том, что продать свободу в обмен на славу было самым смелым решением в её жизни. И может быть, самым глупым. С другой стороны, эти книги приносят радость читателям. Весьма простую, односоставную, зато быструю, как бокал шипучего шампанского.

Так или иначе, я знала, что большая часть типичных сюжетов про попаданок сводилась к двум крайностям: либо попаданку пытались уничтожить, либо соблазняли.

Соблазнять меня Мэгги вряд ли станет, а вот убить уже пообещала. Так что пошутила она или нет, а я сваливаю. Койка, койка, прыжок, еще койка.

Впрочем, далеко убежать не получилось.

Я домчалась до высоких резных дверей в конце зала и распахнула их. Впереди ждала воля, пахнувшая книгами и стариной, а мной двигала безбашенная смелость человека, попавшего в сказку.

Кто же знал, что в сказке будет порожек.

Незаметный.

Как в дурной комедии, я полетела вперёд и вниз, морально готовясь второй раз за день встретиться с полом. Но нет. Дурная комедия вдруг превратилась в мелодраму: кто-то бросился ко мне сбоку с невероятной скоростью, чьи-то руки успели подхватить меня и резко вернуть в вертикальное положение. Потом спаситель так же нечеловечески шустро сделал шаг назад и застыл с мрачной рожей: мол, не было ничего, вам показалось.

...И только в воздухе остался мерцающий серебристый след, признак свершившегося колдовства.

Меня спас не кто иной, как Артур Ван Хофф Что-то Там.

Высокомерный франт стоял навтыжку в лучах солнечного света, проникающего сквозь высокое арочное окно, а рядом с ним в тени горбился другой знакомый персонаж: крючконосый мастер Говерик.

Я посмотрела на них, вздрогнула и деловито кивнула:

– Спасибо! А теперь мне надо идти, – что бы это ни значило в моём положении.

После чего попыталась шагнуть прочь. Чёрта с два! Артур протянул руку и схватил меня за плечо.

– Стой, – сухо произнёс он.

С тем же успехом он мог ничего не говорить: его хватка – безболезненная, но совершенно стальная – в любом случае не оставляла мне шансов.

– О'кей. Стою, – пробормотала я и, чтобы исправить неравную ситуацию, гордо задрала подбородок.

Наши взгляды встретились – по-настоящему, надолго, впервые с момента моего появления в этом мире, – и я вдруг отчётливо поняла, что разразилась *катастрофа*.

Я всегда была падкой на красоту – поэтому и стала искусствоведам, – и вот при ближайшем рассмотрении оказалось, что рядом с Артуром я совершенно не могу нормально функционировать.

Мы уже выяснили, что в общем и целом он выглядел хорошо: презентабельно, слегка чопорно, так и хочется вырезать этого типа из местного интерьера и вставить в какой-нибудь эстетский сериал о студентах-гуманитариях.

Но теперь, заглянув ему в глаза, я осознала, что у меня реальные проблемы. Несостоявшийся художник во мне требовал рисовать этого чужака, а не ругаться с ним. Рисовать, любоваться, описывать всевозможными метафорами и, может, ваять в мраморе...

Лимон и мёд, а не глаза, вот что это было. Патока и карамель. Тридцать тысяч тонн ледяной нуги, соблазнительной и будто обжигающей, столь она холодна; бездонный провал в другое измерение, полное шелков, кашемира, коньяка и солнечного света на закате.

Кажется, Эдинброд порядком удивился, когда чокнутая землянка замерла с таким ошарашенным выражением лица. Я сумела моргнуть, только когда в дверях показалась запыхавшаяся, покрасневшая Мэгги. Догнала-таки.

– Я просто... Попробовала... Пошутить, говорят, земляне любят чёрный юмор... Сказала, что... – Мэгги кратенько пересказала наш недавний диалог. – А она...

Артур покосился на мастера Говерика. Тот пожал плечами и набросил на седую голову капюшон: я в домике.

Артур закатил глаза, потом сузил их и мрачно сказал Мэгги:

– Чувство юмора у тебя отстой.

Я было одобрительно кивнула, но колдун тотчас перевёл суровый взгляд на меня:

– Никто тебя не будет убивать. А жаль: это было бы очень удобно.

Ах ты, засранец.

Поджав губы, я максимально независимо дёрнула плечом:

– Ну и каков тогда план? Как я понимаю, вы все тут не очень-то рады, что вызвали меня вместо тигра? Кстати! – Я всполошилась, вдруг вспомнив о своём коте и квартире. – А что сейчас с Уорхолом?! Предназначенный для другой планеты зверь в новостройке – это же кошмар! Кого хотя бы вызывать в такой ситуации – МЧС? Гостбастеров? НАСА?

Глаза Артура в очередной раз наполнились изумлением, но он тотчас же профессионально его потушил. Мастер Говерик проворчал что-то вроде «Изыди, дух землянский!», а Мэгги достала блокнотик и записала туда пару слов. (Как я узнала позже, она собирала словарь иномирных терминов. Мой краткий бенефис дал ей аж четыре новые штуки. Мэгги была довольна.)

– Тигр превратился обратно в кота, – мрачно отвечивал Ван Хофф Гордый. – Ты забрала себе всю энергию, которая должна была закрепить его новый облик. *Мою* энергию, между прочим.

Жлоб.

– Когда животное становится фамильяром, его физические показатели улучшаются, чтобы он стал достойным своего *хозяина*.

– А почему мне новый облик не достался? – переспросила я, стараясь не морщиться при слове «хозяин».

– Видимо, ты и так достойна! – радостно заявила Мэгги, и Артур с Говериком немедленно смерили её такими взглядами, что медсестричка охнула и сразу же удалилась лунной походкой.

То, что кот снова кот – радует. А вот то, что он там один – не очень. С другой стороны, завтра утром ко мне должна прийти Марья Петровна – она трижды в неделю помогает мне с глажкой, готовкой, закупками и прочим.

Да-да, я из тех людей, кто, даже живя в студии, пользуется услугами приходящей домработницы. *Ненавижу* домашние дела. Лучше я заплачу кому-нибудь за их выполнение, а сама заработаю денежный эквивалент каким-то более приятным для меня способом. Фриланс тем и хорош, что я могу выбирать. Даже больше: жизнь тем и хороша, что мы можем выбирать.

Но я отвлеклась. Итак, будущее кота в надёжных натруженных руках Марьи Петровны – она его точно покормит. А вот моё будущее...

– Итак, землянка, что касается плана... – прокричал мастер Говерик. Змея – его фамильяр, который я успела разглядеть ещё во время вызова, высунулась из рукава мантии и нежно обвила вокруг руки старика.

– Безопасно разорвать вашу с Артуром связь – наша конечная цель, но мы не сможем сделать это раньше конца июня, – продолжил он. – Сначала придётся тебе помочь ему сдать финальные экзамены, увы.

– Почему? Разорвите связь сейчас и вызывайте ему другого тигра. Проверните всё быстро. В чём проблема?

– В том, что...

Но договорить он не успел. Где-то вдалеке, в глубинах здания вдруг раздался низкий тихий гул. Артур и Говерик встревоженно переглянулись. Гул тем временем всё нарастал, пока не завершился рокочущим звоном – будто разбили медную джазовую тарелку.

И тотчас же – крики, какой-то грохот... Завизжала сирена. По всему коридору начали распахиваться двери, из них толпами потекли студенты, профессора, многие – в сопровождении фамильяров.

Непонятно откуда – как будто отовсюду сразу – зазвучал мягкий женский голос:

«На университетский кампус напали.

Повторяю: на Форван напали.

Прорыв на нижних уровнях главного здания.

Всем студентам укрыться в комнатах Защиты.

Профессору и Младших Мёрклых мы ожидаем к бою».

Что?!

Мастер Говерик неожиданно прытко выхватил из складок мантии какой-то изящный ключ и кинул его Артуру.

– Спрячьтесь в моей защите! – рявкнул он. – Вместе с фамильяром! Не вздумай высовываться, Артур! Ты должен быть в безопасности!

Змея извивалась у него в рукаве. Без дальнейших объяснений старик помчался прочь, на ходу колдуя что-то грандиозное: шипящее и плюющее искрами.

Здание тряслось и стонало. Артур без лишних слов схватил меня за руку и потащил прочь, расталкивая толпу. Я оглянулась на бегу и увидела, как Мэгги захлопнула двери в лазарет. Тут же они покрылись сетью каких-то чар, оскалившейся призрачными черепами.

– Что происходит?! – отчаянно пыталась выяснить я, но Ван Хофф Безответный упрямо молчал.

Вдруг лампы по всему коридору погасли. Чуть ли не на ощупь мы добежали до какой-то двери. Артур открыл её, толкнул меня внутрь и сразу же захлопнул дверь снаружи. Здесь тоже не было света.

– Эй!!! – Я забарабанила по двери кулаками. – Да какого чёрта тут творится!!!

– Сиди здесь! – рявкнули с той стороны. – Юридически ты моя собственность, а значит, находишься под моей ответственностью. Я же присоединяюсь к бою.

– Собственность? Хам ты, Артур! Эй! Объясни мне, что происходит! Немедленно!!

Но снаружи уже никого не было.

Я осталась в полной темноте, но не тишине – за дверью продолжался бой...

Я села на пол и обхватила себя руками.

5. В убежище

Это оказалось очень странным ощущением – сидеть неизвестно где, запертой в темноте, пока снаружи идет бой. Идеальные условия для того, чтобы впасть в панику.

Хотя поначалу я держалась довольно бойко, пружина страха сжималась во мне с того момента, как я увидела пламя в своей гардеробной. И сейчас она была готова распрямиться, пробив мне сердце насквозь ужасом осознания: Я. Неизвестно. Где.

«Магия же?» – снова с надеждой промелькнуло что-то в груди, какое-то давнее, забытое ощущение надежды на чудо.

«Задница», – мрачно подумала я в ответ.

Да, в детстве я обожала сказки и надеялась, что колдовство существует. Я помню, как клялась себе перед зеркалом, что, если увижу портал в другой мир – прыгну. Что ж, мечты сбываются. Забавно, что та установка вот так легко сработала во мне годы спустя.

Забавно и трагично, чёрт подери.

Потому что ни один взрослый человек, находящийся в здравом уме и твёрдой памяти, не захочет провалиться в другой мир без надлежащей подготовки. Да ещё и в роли чьего-то котика. Тем более (*бабах* за стеной!) в место, где идёт что-то вроде войны.

Смогу ли я вернуться домой? Как и когда? Кто напал на университет? Переживу ли я этот день?

Радовало только одно: дома меня никто не ждёт, а значит, некому обо мне волноваться. Суммарно меньше грусти во вселенной.

Хотя нет. Зачем я вру?

То, что меня никто не ждёт, не радовало *ни на грош*. Наоборот, вводило в ещё большую тоску. *Ты пропала, а миру всё равно. Кто ты после этого, если не жалкая неудачница?*

Вопреки всякому здравому смыслу я продолжала мазохистски пережёвывать эти бесплодные мысли и, в конце концов выбесив саму себя – ненавижу своё одиночество, ненавижу свою слабость, – я вслух зарычала. Потом, вспомнив, что негативные эмоции лучше проживать, а не копить, честно попробовала заплакать.

Как бы не так. Мне всегда было проще злиться, чем горевать.

– Твою ж мать, – процедила я тихо, а затем, набрав полные лёгкие воздуха, в отчаянии заорала, сжав кулаки: – АААААААА!!!! – как, бывало, просто писала эту букву в «Ворде», много строчек подряд, зажав кнопку и не отпуская её, пока, в свою очередь, не отпустило меня.

Стоило мне прерваться, чтобы набрать ещё воздуха, как рядом внезапно раздался мужской ехидный голос:

– М-да-а-а, вот так вопль! А я, когда услышал, что в университете появилась землянка, обрадовался. Думал, зажжём с соотечественницей! Кончилось моё одиночество! А тут, если мы что и зажжём, так это погребальную свечу, когда меня хватит удар от громкости твоего крика.

Я так и подпрыгнула.

– Кто здесь?

Раздался характерный щелчок, и напротив меня вспыхнула зажигалка. Над бледным огоньком я разглядела заросшее каштановой щетиной улыбчивое лицо, огромный нос, густые брови и два весёлых чёрных глаза. Всё остальное тонуло во мраке.

– Я – первый землянин, познавший мир Гало и Форван! – гордо ответил чужак и шутовски поклонился, причём даже не поднимаясь на ноги. – Это из-за меня тут побаиваются наших. Тебе ведь об этом уже сказали, надеюсь? Не хочу, чтобы эти чудики преуменьшали мои достижения на ниве разрушительства. Я тут пол-университета как-то в руинах оставил. Твёрдо намерен закрепиться в летописях как Кошмар С Голубой Планеты. Гордись мной!

Признаться, я была ошеломлена.

– Хорошо. Горжусь. Может, хоть ты тогда сможешь мне всё объяснить?

– *Естественно*, – оскорблённо фыркнул весельчак, поднялся и протянул мне руку. – Если кто-то и может, то я. Только давай уйдём во второй круг Защиты, чтобы не слышать взрывов, – поморщился он, когда здание вновь трянуло. – Жаль, что этот придурок Артур не довёл тебя до комфортной безопасности. Он дико халтурит с дамами.

– Он не считает меня дамой. Он назвал меня своей собственностью, – наябедничала я.

– Я же говорю – придурок! – легко согласился парень.

Так между нами было установлено понимание. Я протянула незнакомцу руку.

Он сделал несколько шагов вперёд. Огонёк зажигалки выхватывал из темноты книжные полки, кресла, рабочий стол... Видимо, кабинет. Потом появился огромный люк, как в банковском хранилище. Землянин набрал код, открыл дверь и впустил меня внутрь. Потом зашёл следом и закрыл люк за нашими спинами.

Было всё так же темно, но теперь стало ещё и тихо.

– Сорри, света пока не будет, – парень уселся прямо на пол и приглашающе похлопал рядом. Я тоже села. Всё ещё в дурацкой лазаретной ночнушке, кстати. – Когда происходят нападения, все генераторы отрубаются. И живой огонь тоже не горит – только в моей зажигалке, потому что она иномирная.

– А что это за нападения? – напряжённо переспросила я.

Парень звучно почесал подбородок.

– Ну, если вкратце, то этот мир враждует с миром Тварей, как их тут называют. Эти Твари – всякая демоническая хтонь – то и дело нападают на Гало, надеясь прибрать планету себе. Открывают порталы и прут, размахивая щупальцами. А маги запикивают их обратно, – он пожал плечами.

– Ты так спокойно говоришь об этом...

– Здесь это бытовуха. Один-два раза в месяц нападают.

– Но... – я смешалась. – И что, люди *гибнут*?

– В Форване редко. Профессора в университете мощные, хотя выглядят как сморчки. Они легко отражают атаки. Жертвы бывают, если суются студенты.

– Но этот Артур – он как раз туда побежал. А он студент.

– Артур не считается, – фыркнул землянин. – Он всегда лезет в пекло и всегда выживает. Неубиваемый пацан с непробиваемым эго.

Весьма чёткое определение.

– А почему тогда мастер Говерик волновался о нём?

– Потому что Артур – большая шишка, сын крутого папочки, – буркнул землянин слегка оскорблённо. И засопел.

И я вдруг поняла, что допустила страшную ошибку. Вместо того, чтобы узнать побольше о своём собеседнике, я начала говорить о *другом* мужчине...

Эх, Вилка. Будто коучей в «Телеграме» мало читаешь.

6. Финансист вся университета

Я поспешила исправиться. Мной двигали не только корыстные устремления: личность землянина действительно была мне интересна. Тем более, он обо мне уже кое-что знал – пока я валялась в лазарете, новость о моём появлении облетела весь кампус. «Воплощённое невезение Артура» – так меня успели прозвать, но это я обнаружила гораздо позже.

А пока мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я начала лучше различать своего собеседника. Землянин оказался достаточно высоким, широкоплечим, волос у него было просто немерено: не только хипстерская борода, но и лохматая макушка. Эдакий секси-барашек с лукавыми чёрными глазами. Из одежды, кажется, что-то вроде жилета поверх светлой рубашки и кожаных брюк.

Парень явно сам от себя тащился. Таких категорически противопоказано обижать невниманием.

– Ну да что мы о сырых и местных! – откашлявшись, преувеличенно бодро заявила я. – Тебя-то как зовут, земляк?

– Бóрис Отченаш, – представился курчавый.

– Как?..

Он повторил это удивительное имя, а потом рассказал свою историю. Говорил он быстро и складно, было видно, что он не в первый раз выступает перед слушателем с этим моноспектаклем.

Бóрис – он же Бор – попал в Форван три года назад.

– Я здесь сразу освоился, потому что это далеко не первый мой переезд, – говорил Бóр, наставительно подняв указательный палец. – Уже на Земле меня помотало. Я, знаешь ли, космополит.

Оказалось, он родился на территории бывшего СССР, а детство провёл в Литве, в городе Каунас. Играл в баскетбол, что было там весьма и весьма популярно. Потом семья эмигрировала в Штаты (баскетбол сменился на плавание). Оттуда они с завидной регулярностью уезжали в длительные командировки по Ближнему Востоку (не до спорта), а дальше Борис отправился за высшим экономическим образованием в Лондон (гольф). Закончил и... заскучал.

– В Лондоне заскучал? – с сомнением уточнила я. – Половина России тебя бы убила за такое кощунственное заявление.

– Истинно так, – резко кивнул Бóрис.

Щетина у него была как у медвежонка, и я всё ждала, когда её подпалит пламя зажигалки. Заискрится, наверное. Красиво будет.

– И, заскучав, я поехал в Москву. В иллюзорных поисках родины и, соответственно, лучшей жизни. Ведь мысль о том, что у тебя где-то есть родина, очень утешает. На неё можно повесить все свои житейские неурядицы. Убеждать себя: это здесь я неудачник, потому что я на чужбине. А вот как перееду домой, так сразу же заживу, человек человеком.

Я усмехнулась. Мои знакомые частенько говорили что-то подобное. И в то же время – противоположное. Хотели переехать, да.

Вот только из дома *куда-то*, а не *откуда-то* домой.

– И что, помогло? – спросила я, уже зная ответ.

– Не-а, – посетовал-подтвердил Борис. – Оказывается, побеги не работают, потому что от себя не сбежишь. В Москве мне было так же тухло. Я работал аудитором на Белой площади, а ночами кутил. А потом не кутил, а качался. Но смысла не обнаружилось ни в том, ни в другом. Зато он появился, когда я попал сюда! – Бор подмигнул.

...Это случилось так: однажды поздней ночью Борис возвращался домой и вдруг увидел, что скамейка в парке *ползёт*. Двигается боком прочь по дорожке, будто её тащит кто-то невидимый. При этом скамейка слегка сияла синим цветом в стиле ранних фильмов Спилберга.

Борис заинтересовался и подошёл. Услышал странный шёпот – будто на латыни... И такое у него было тоскливое настроение, и так всё задолбало (особенно друзья, оружие, что он «зажрался и нормальных проблем не знает»), что он взял и сел на эту скамейку. Закурил. Включил «Twenty One Pilots» в наушниках.

Ехали они вместе с лавочкой по тропинке, ехали паранормально... А потом шёпот усилился, и вдруг – *бац!* – темнота.

И какое-то мгновение спустя Борис вместе со скамьёй вываливается посреди старинной учебной аудитории, обшитой дубовыми панелями и украшенной гербами. А в ней сидит полсотни студентов в щегольских костюмчиках и смотрит на него в ужасе.

– Потом они как начали визжать да разбегаться... – хмыкнул Борис. – А я что? Сижу, курю тихонько, удивляюсь. Оказалось, это была лекция по извлечению предметов из других миров. Тебе уже сказали, да? Тут умеют изымать вещи и животных. И всё. Каким образом они сумели перетащить меня – никто так и не понял, впервые такое случилось. В нормальной ситуации скамья бы пропала, а человек бы плюхнулся на землю задницей. Собственно, с тех пор я здесь и живу.

Я почувствовала, как у меня каменеет лицо.

– То есть за три года тебя так и не смогли вернуть на Землю? – неожиданно сиплым голосом протянула я.

– Ну, вот так прямо с ходу не смогли, а потом, когда появилась возможность, уже намеренно возвращать не стали. Я сам сказал: не надо. Оказалось, что здесь мне самое место. И я счастлив, и университету со мной выгодно.

Я непонимающе нахмурилась. Из обрывков диалогов местных жителей у меня сложилось впечатление, что Борис – это огромная проблема, множественные разрушения и чёрное пятно на репутации всей Земли. Я сказала об этом собеседнику, и он горделиво зафыркал.

– Нет, Вилка, – он покачал головой. – В первую очередь я не проблема, а главный финансист. Я их денежный гуру, их бухгалтер от бога, их Энди Дюфрейн из Шоушенка и Волк с Уолл-стрит... В этом мире много хорошего, но с деньгами тут обращаются спустя рукава. А я начал разбираться. Улучшать. В общем, теперь я отвечаю за казну университета. Веду все приходы-расходы. Помогаю им наращивать капитал. Разбираюсь с банками, землями и так далее. Даже стипендии учредил! И кредиты на обучение. Они на меня молятся, считай. Почему я и говорю, что здесь у меня появился смысл жизни – я ведь действительно делаю что-то важное.

Не бумажки в офисе перебираю, не какую-то трансконтинентальную маету на партнёрских ужинах обсуждаю, а воочию вижу результат своих трудов.

Я подозрительно сощурилась:

– Но почему тогда местные стонут при слове «земляне»?

– Дело в том, что за труды мне платят возможностью обучаться магии. А получается у меня... бомбически, – развёл руками Борис. – Часто всё взрываю. Говорят, это из-за того, что я иномирянин. Якобы у землян не такая аура, как у местных, и поэтому заклинания получаются неправильно. Точнее, это у *местных* проблемы с аурой в последние пару тысяч лет. В этом мире, будь он хоть сто раз магический, есть свои факапы, помимо Тварей. Энергия тут... поистрепалась, скажем так, чтобы не вдаваться в лишние детали. Ну а ещё у меня так себе репутация, – предыдущую фразу он проговорил задумчиво и хмуро, но тут снова взбодрился и затараторил, – потому что я очень обаятельный! Это многих бесит.

– С чего бы это? – я вскинула бровь.

– Не могут смириться с тем, как быстро и решительно я увожу их девушек, – ухмыльнулся Борис. – И, пожалуй, фамильяров тоже... – промурлыкал он и хищно ухмыльнулся.

А потом подмигнул:

– Тише, – и погасил зажигалку.

Мне прямо как-то резко поплохело. Мы же заперты в железном псевдобанковском хранилище, да?... А все вокруг заняты войной?...

«*Бестолочь*», – в который раз за день саму себя припечатала я. На сей раз совсем безнадёжно.

Голос Бóриса превратился в шёпот, когда он наклонился ко мне и тихо сказал:

– Не сопротивляйся, и я сделаю так, что Артур потребует приступить к разрыву вашей связи уже сегодня. Не дожидаясь конца июня. Потому что экзамены экзаменами, а он слишком щепетилен для некоторых вещей. Ты будешь свободна. Хочешь?

7. Проверки-проверочки

– ... Всего-то и надо... Сама понимаешь, наверное, да?

Под конец голос Бориса расцвел всей палитрой хрипотцы, доступной половозрелым самцам.

Намёк был прозрачен до неприличия. Землянин еще и дополнил его жарким, чуть табачным дыханием с расстояния десяти сантиметров. Чтобы до меня уж наверняка дошло.

Какая мерзость.

«Естественно, не хочу», – содрогнулась я, явственно чувствуя свою незащищенность в этой дурацкой лазаретной ночнушке.

Я приготовилась дать Борису отпор всей силой двухлетнего изучения джиу-джитсу. Конечно, я не в восторге от своего положения «зверюшки» и пока не знаю, чем оно мне грозит, тем более отягчённое дракой с местным финансовым гением, но подобные способы... Нет. Просто нет.

Некоторые вещи – табу для меня. И если Артур шепетил в этом смысле – что ж, это в плюс Артуру.

– Только посмей меня тронуть, Борис, – громко и жёстко сказала я. – И поверь, последствия тебе не понравятся.

Мой голос, в отличие от пальцев, намертво вцепившихся в подол ночной рубашки, не дрожал, а звучал очень даже убедительно. Это радует.

Темнота ответила задумчивым молчанием.

А потом мне внезапно прилетел тычок по плечу. Я уж решила – да начнется бой не на жизнь, а на честь – как вдруг поняла, что это был дружеский жест.

– Молодец, Вилка! – добродушно и даже торжественно заявил Борис Отченаш, стремительно отодвигаясь. – Тест пройден.

– Извини, что?..

– У меня аллергия на шлюх и жертв. Хотел сразу проверить: есть ли у нас с тобой шанс на дружбу.

– И ты вот ТАК обо мне подумал?!

– Ты тоже ТАК обо мне подумала! – хохотнув, парировал Борис.

Один – один.

Хотя в нормальном мире за такую «проверочку» я бы отправила в бан.

– А свет ты зачем погасил? – возмутилась я.

– Потому что бой с Тварями кончился! – хмыкнул Борис. – Чувствуешь? Пол больше не дрожит. Генераторы сейчас заработают. Так зачем бензин в зажигалке зря тратить! Ты хоть представляешь, с каким трудом я его тут добываю? Приходится кафедре Межпространства бухгалтерию вне очереди вести, чтобы они для меня потихоньку магазины Zippo обносили...

И действительно: не успел Бор договорить, как вокруг нас вдруг вспыхнули лампы.

От неожиданности я зашипела и зажмурилась, а когда открыла глаза вновь, Борис уже живописно раскинулся в позе эдакого расслабленного курортника: полулёжа, закинув руки за голову и разбросав ноги по сторонам.

Кстати, его одежду я разглядела, несмотря на темноту, достаточно точно: бордовая замшевая жилетка, рубаша с завязками, кожаные штаны, на запястьях – браслеты. Всё выдержано в тёплых коричнево-мускатных тонах. На указательном пальце – толстое бронзовое кольцо. Борис явно и не пытается выглядеть серьёзным дядькой-финансистом. А вот «своим парнем» – стается, да. Стиль бохо в голову ударил, и всё такое. Отрывается клерк на чужбине вне рамок дресс-кода. Детский сад, штаны на лямках.

...Я поняла, что мой внутренний диалог становится злее.

И причина этому была простой:

– Получается, на самом деле ты не знаешь способа освободить меня раньше июня?

Борис тяжело вздохнул.

Хранилище, в котором мы сидели, при свете оказалось абсолютно пустым помещением примерно три на три метра. (Потом мне расскажут, что так выглядят все комнаты Второй Защиты – это что-то вроде местных бомбоубежищ.) Вздох Отчენаша запрыгал по стенам, порождая причудливое многосоставное эхо.

– Как разорвать вашу магическую связь, я не знаю. Но! Попробуй вести себя как чокнутая дура, – пожал плечами Бор. – Визжи, верещи, перемажься грязью, кусай его и все такое. Артур, конечно, хладнокровный тип, но и он не железный. Тонкая, в сущности, натура.

Я с сомнением вскинула бровь, Борис развел руками и продолжил:

– Думаю, в этом случае он сам отречётся от тебя и постарается не приближаться! Если бы мне какая-то долбанутая иномирянка ночью попробовала оттяпать большой палец или что похуже, то я бы точно послал экзамены и всё прочее на хрен ради собственного здоровья, – здраво рассудил Бор.

Я скривилась.

– Нет, если что, переспать мы с тобой тоже можем, я же не против! – встрепенулся землянин. – И, думаю, это тоже подействует, особенно если проделать это прямо в спальне Эдинбруга. «Я твой дом труба шатал» – кому такое понравится? Но тактику ты сама выбирай.

Не успела я обдумать карьеру Опасной Безумицы, как дверь в хранилище со страшным скрипом распахнулась.

На пороге стояли Артур и мастер Говерик, оба слегка потрёпанные, будто присыпанные пеплом.

Ну с ума сойти. Они что, всегда ходят парой?

– Что, снова все выжили? – нарочито развязно зевнул Борис.

– А ты что тут делаешь? – замер Артур, раздув ноздри.

– Чаи гоняю, с фамиллярчиком твоим знакомлюсь, – осклабилсЯ землянин. – Что это ты такой щедрый – сам мне цыпочку привёл, а? Спасибо за подарок, Эдинбруг.

И, подмигнув, финансист послал мне воздушный поцелуй. Звонкий, тот тоже запрыгал по всему помещению...

Артур вдруг побелел.

Кровь отхлынула с его лица, и без того всё ещё бледного после нападения, и, не успев мастер Говерик ничего сказать своему студенту, как тот рванул вперёд.

Но не к Борису, а ко мне. Артур быстро опустился рядом со мной на корточки, резко втянул носом воздух возле моего уха, а потом спросил, глаза в глаза:

– Он тебя трогал?

– Нет, – опешила я.

– Тебя никто не будет осуждать за это. Просто скажи, он тебя трогал?

– Да нет же! – совсем растерялась я.

На этот раз встречу с глазами Артура Эдинброга я пережила весьма достойно, даже не оцепенев от их вселенской красоты. Возможно, этому поспособствовало ещё и то, что взгляд у студента сейчас был просто *беиеный*. Столько ярости я не видела ещё никогда.

Это же до какой мне стадии безумия надо доизображаться, чтобы его перещеголять?

– Хорошо, – сказал Ван Хофф Нервный и встал на ноги, снова стремительно превращаясь в ледышку. Потом он протянул мне руку: подъём.

Я обратила внимание, что, в отличие от Бориса, мой условный «хозяин» носил одежду холодных тонов: синий, изумрудно-зелёный, серый. И, да, она выглядит, как мечта перфекциониста. Отглаженная рубашка (правда, весьма припыленная после боя). Идеально завязанный галстук. На жилете выделяется герб-нашивка, который я наконец смогла рассмотреть. Видимо, это был символ университета Форван: бирюзовый четырёхлистный клевер, вписанный в серебряную шипастую звезду странной формы, весь увитый лентами с кучей непонятных слов и символов.

Я проигнорировала ладонь Артура и поднялась сама. Тот недовольно поджал губы, но промолчал. А затем сказал:

– Наверное, ты устала и хочешь переодеться. Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь жить.

– Долго и счастливо, я надеюсь? – пробормотала я.

– Нет. До конца июня.

Я вдруг почувствовала, что и впрямь чудовищно устала. Вообще плевать, что будет дальше. Просто хочется поспать. И в душ. Видимо, весь адреналин выветрился.

Разбираться, что тут происходит, буду завтра, с новыми силами. Может, на свежую голову это лучше получится.

Или, возможно, это и вовсе окажется сном. Предположим, что в последние дни я просто слишком увлеклась работой над онлайн-уроком о Босхе, и теперь мне снится всякая чужь. Уже хорошо, что не голые люди, пляшущие с маракасами наперевес внутри совы, как в «Саду земных наслаждений».

На прощание махнув Борису, я поплелась за Артуром к выходу. Бор вернул мне жест. Мастер Говерик снова шарахнулся от меня, как от прокажённой, но уже не так далеко, как утром, не на противоположную сторону комнаты. Привыкает, похоже.

У порога Артур обернулся. Тонкая неприятная улыбка плясала на его губах:

– Тронешь моего фамильяра – заживо закопаю, ясно? – очень тихо пообещал он Борису. Тот отвернулся и промолчал.

8. Ваш вольер, мисс Виолетта

Вслед за Артуром я шагала по гулким коридорам университета.

Судя по всему, здание было старым – *по-настоящему* старым. Каменные стены потемнели, истёрлись и приобрели нежелательную для готики мягкость форм. У многих ангелов, стоящих в глубоких нишах, виднелись сколы на носах и пальцах.

А ещё у половины из них имелась примечательная особенность... Я остановилась, чтобы рассмотреть одну из этих скульптур подробнее.

– Что? – тотчас же оглянулся Эдинброг.

Он шествовал примерно в метре передо мной, прямой и молчаливый, и я, признаться, уже думала, что он обо мне забыл. Но нет, смотрите-ка. На страже имущества.

– Ваши ангелы. Они улыбаются, – задумчиво протянула я.

Это действительно было так: скульптура стояла, наклонив голову набок, кокетливо расправив крылья, приподняв руку в благословении и растянув губы весёлой скобкой.

Она жутко напоминала «Улыбку Реймса» – фигуру с Реймского собора, которая была покалечена в годы Первой мировой войны, получив строительной балкой по макушке.

Тот прискорбный факт, что статуя лишилась головы, в итоге пошёл ей на пользу: голову отреставрировали, и ангел вдруг стал знаменит, сначала как символ антифашистской пропаганды, а потом – просто сам по себе.

Потому что теперь не только учёные, но и общественность пригляделись к нему и поняли: чёрт, да он улыбается! Да ещё и так озорно!..

Тогда как нормальным средневековым ангелам *не пристало радоваться*. Чай, не в сказке живут. У нас на земле таких улыбочивых можно чуть ли не по пальцам рук сосчитать. В Средневековье это были первые робкие ростки возрожденческого гуманизма.

А тут – целый ряд улыбок в одном-единственном университете. Интересно у них развивался мир, наверное. Похож на наш, да не совсем.

Я рассказала Артуру о Реймсе.

Эдинброг выслушал мое объяснение с неожиданно цепким любопытством. Потом подошёл и встал рядом, тоже смотря на скульптуру. Потом растерянно хмыкнул.

– Что? – на сей раз спросила я.

– Я живу в Форване уже пять лет, но никогда не замечал, что они улыбаются, – сказал он. – Ужас какой. Ты весьма наблюдательна. Ты сама скульптор? Там, у себя?

– Нет. Я преподаю историю искусств.

– Но почему не скульптор? Разве создавать своё не интереснее, чем описывать чужое?

– Всё интересно по-своему, – деликатно возразила я. – Я умею и рисовать, и работать с глиной и мрамором, но в целом мне познание ближе, чем созидание. Во всяком случае, сейчас... Тебе тоже, наверное? Раз ты лучший студент и всё такое.

Артур почему-то неожиданно помрачнел... Потом неопределённо пожал плечом и ещё раз скользнул взглядом по ангелу:

– Это важная деталь – про улыбки. Спасибо. Учту её.

– Ух ты, ты умеешь говорить «спасибо»?

– Случайно вырвалось, – он вновь натянул свою равнодушную маску. – Идём дальше.

* * *

Вскоре мы оказались в спальном крыле Форвана. Здесь было поуютнее: пушистые ковры, вытертые в центре усердно топчущимися студентами; разноцветные гобелены на стенах; на лампах – абажуры, придающие их свету тёплый оранжевый оттенок.

Я вдруг поняла, что все, кого нам довелось встретить по пути, – мужского пола. Причём смотрели они на меня очень удивлённо, некоторые и вовсе застывали столбами. Чей-то фамильяр – огромный чёрный пёс – тихо зарычал при моём появлении.

Я спросила Артура о причине подобной гендерной ситуации. Артур сказал, что мы в мужском флигеле. Я спросила, с какой это радости мы в мужском флигеле, если я очевидно девушка. Артур сказал, что я заблуждаюсь: с юридической точки зрения я фамильяр.

– А фамильяры живут со своими хозяевами.

Я встала как вкопанная.

– Я не собираюсь с тобой спать.

Парочка мимо проходящих студентов сдавленно хихикнула в рукава.

– У тебя будет своё место. Не переживай, – отрезал Артур.

– Приготовленное с расчётом на тигра? Что это? Коврик? Пуфик?

– Вольер.

– Вольер?! – Я задыхнулась. – Ты издеваешься? О нет, пожалуйста, скажи мне, что ты издеваешься!..

Эдинброд посмотрел на меня взглядом задолбанного в край человека. И молча открыл дверь в спальню, к которой мы уже успели прийти.

Чёрт, там действительно был вольер.

Чёрт.

9. Хтыщ!

Впрочем, им комната не ограничивалась.

Спальня Артура оказалась неприлично, невероятно большой. Здесь приятно пахло дубом и сандалом. Стены были обшиты деревом, потолок украшала синяя геометрическая роспись. Два больших арочных окна зашторены, кровать – скрыта под тёмно-зелёным балдахином. Кроме всей этой роскоши, ещё в комнате расположились пузатый комод, трюмо, массивный стол и хрустальный шар на подставке.

Мало какой из земных университетов может похвастаться такими спальнями для студентов.

В комнате было ещё две двери. На одной красовалась латунная табличка с изображением ванны. Табличка со второй двери была сорвана – только и остались две неаккуратные дырки.

Артур заметил мой интерес и тотчас встал так, что закрыл мне обзор на эту дверь:

– Это моя территория. Тебе запрещено туда заходить, – ледяным тоном оповестил он.

Взгляд при этих словах у него стал такой, что сразу понятно – парень готовился в дрессировщики.

– Хтыщ! – сказала я, имитируя звук хлыста. А потом фыркнула и отвернулась.

Передо мной снова воссияла неизбежная *она*.

Клетка.

Огромная. Под неё выделили добрую треть покоев. Железные прутья чуть светятся – тоже магия? Внутри – какая-то непонятная фигня типа матраса с бортиками, ассортимент мисочек и гора мячиков. Большие котики тоже любят играть.

– Ну что ж... Капец! – заключила я по итогу осмотра. Потом решительно направилась обратно в коридор: – Я тогда в лазарете посплю, спасибо.

– Ты не можешь, – Артур покачал головой.

– Ещё как могу.

– Ты не переживёшь эту ночь, если меня не будет рядом.

Моя рука застыла на дверной ручке.

– Почему?

– Таковы последствия ритуала.

– О'кей, – флегматично отозвалась я. – Тогда вместе идём в лазарет, на соседние койки.

– Тоже не вариант, – Артур туго сплёл руки на груди. – Сегодня ночью тебя ждёт что-то вроде ломки. Адаптации. Та моя сила, что уже находится в тебе, пробудится и потребует выхода. Ты будешь как лунатик: сознание спит, а тело действует. До утра я должен быть рядом и... – он нахмурился. – И *подпитывать* тебя. Мы называем это правом первой ночи.

Я аж поперхнулась от такого названия.

– Это единственный случай, когда фамилляр получает доступ к хозяйской магии, а не наоборот. Маленькое лакомство для зверя. Обычно животные просто спят и во сне бесси-

стемно рассылают вокруг энергетические волны, а хозяин сидит рядом и даёт им силу на эту блажь. Если не даст – животное истощит само себя... Поэтому первую ночь фамильяры проводят в защищённых магических вольерах. А хозяева охраняют их снаружи.

– То есть сегодня я буду спать и что-то там колдовать, а ты будешь на меня пялиться?

– Конечно. И дарить тебе свою силу, – поморщился он.

Я помолчала. Потом со вздохом потёрла глаза.

– Так, Артур, а напомним, почему мы не можем разорвать нашу связь немедленно? Кажется, мы так и не дошли до этого принципиально важного вопроса в наших беседах?

– Не дошли. Разорвать связь мага и фамильяра может либо гибель фамильяра, либо – одно-единственное существо, которое живёт *очень* далеко от университета. Не меньше полутора месяцев пути в одну сторону. По опасной заброшенной местности, без дорог и селений. И никаких телепортов, естественно.

Я издала нечленораздельный печальный звук, мгновенно представив все прелести похода в подобных условиях.

– Но, – продолжил Ван Хофф Рассудительный, – это существо само прибудет в Форван после того, как закончатся экзамены. Поэтому дожидаться его здесь – самый простой вариант. Вот и всё. Поэтому и конец июня. Завтра мы с тобой ещё обсудим детали нашего сотрудничества, но сегодняшнюю ночь тебе в любом случае придётся пережить. И да, если ты думаешь, что я в восторге от нашей ситуации, ты глубоко заблуждаешься.

На время своего монолога Артур взял со стойки тот хрустальный шар и зачем-то демонстративно крутил его в руках.

– Зачем ты его держишь? – вот что было первым моим вопросом в итоге.

Артур изогнул бровь:

– Это детектор лжи. Чтобы ты убедилась, что я говорю правду. У вас что, таких нет?

– *Таких* нет.

– Он бы помутнел, соври я. Лови!

Эдинброд кинул шар в меня. Я кое-как поймала его и дотошно проверила, высказав по очереди несколько разнообразных лживых и правдивых фраз. Всё было честно. Шар мутнел и светлел обратно.

Итак, Артур говорил правду. Значит, план Бориса с Чокнутой Земляной не прокатит: какой смысл изображать юривую, если так и так придётся ждать какое-то время?.. Уж лучше пребывать в адеквате.

Пусть и в клетке...

Я снова оглянулась на вольер, застонала и тихонечко, профилактически попробовала побиться головой об стену. Артур жёстко пресёк сие, оттащив меня от дорогой дубовой обшивки. Беспокоился он явно за неё, а не за мою черепушку.

Потом Эдинброд пальцем указал на одну из двух внутренних дверей.

– Там ванная. Иди туда. Можешь торчать там сколько угодно, но не меньше получаса.

– М-м-м. Не *меньше*?...

– Именно. Молодец. Твой слух в порядке.

– А твоя вежливость – нет. Почему это «не меньше»? Иначе я помешаю твоему драгоценному отдыху? Или что? – вскинулась я.

Он сузил глаза:

– Я планировал, что за это время слуги успеют поменять тигриную подстилку на нормальную постель. И принести тебе женскую одежду. И еду. И...

Он перечислил ещё какие-то мелочи. Мои брови удивлённо поползли вверх. О. Я пого-ричилась с отрицательными оценками.

– ...Но я отменю эти хлопоты, раз тебя устраивает нынешний уровень комфорта, – жёстко завершил Артур и недвусмысленно потянулся к колокольчику на стене.

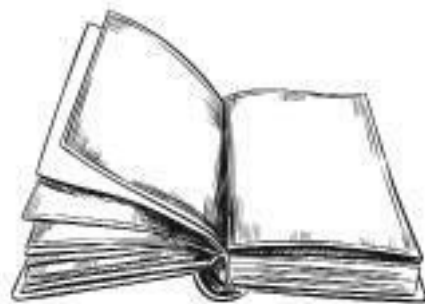
– Нет! – Я быстро перехватила его за руку и крепко сжала её. – Пусть улучшают! Я только «за».

Студент внимательно посмотрел на мои бледные пальцы, стиснувшие его запястье. Выдержал паузу и... больно щёлкнул по ним. Так сгоняют муху.

– Пусть улучшают, – повторил он, соглашаясь, и вроде как даже улыбнулся уголком рта. Впервые за день.

Но мне стало вдруг так обидно от этого щелчка, что я лишь поджала губы, отступила в ванную и с грохотом захлопнула за собой дверь.

10. За Тучевой дверью

В ванной я позволила себе оторваться по полной программе.

Комната была отличная, на уровне отелей Four Seasons: длинная мраморная тумба с раковиной, отдельно стоящая купальня, панорамное окно, этажерка с пушистыми полотенцами и зеркало во всю стену. Даже фикус в горшке стоял.

Для меня стало огромной радостью то, что в мире Гало обнаружилось нормальное водоснабжение. Пожалуй, в списке моих приоритетов по уровню комфорта именно оно стоит на первом месте.

А так... Хм. Если найти способ *не* быть на роли животного... И не вляпываться в бои с Тварями... И отправить на землю пару писем с необходимыми объяснениями – раз уж у них здесь есть кафедра Межпространства: эдакие маги-добыватели, мелкое колдунское ворьё... То, может, я и не против провести тут несколько недель до конца июня?

Попаданство как отпуск? Необычно, рискованно, но приятно.

Пока наполнялась ванна, я подошла к окну и отдернула шторы. И ахнула. Мир снаружи оказался *великолепен*. Уже наступил поздний вечер, закат давно догорел, но небо над Форваном было полно звёзд, столь ярких, что даже диджитал-художники обычно стесняются рисовать их такими сочными. Незнакомые созвездия белели в синем бархате ночи, между ними элегантно вуалью плыла лёгкая дымка – как у нас вдоль Млечного Пути. Лун имелось целых три штуки: одна большая и две маленькие, катящиеся следом за ней, как дети за матерью.

Вдалеке частоколом поднялись горы. Их тёмные громады накалывали небеса скрежещуще-рваными пиками. Ещё ниже – загадочные массивы притихшего леса с редкими огоньками селений. А прямо под окном – территория кампуса.

Лужайки и фонтаны, подсвеченные искрящимися фонарями. Тёмные силуэты шепчущихся студентов. Архитектура – бесконечное торжество готики: главное здание было огромным, как пять Нотр-Дамов, и щедро изобиловало контрфорсами. Я стояла на каком-то из верхних этажей, не ниже десятого – надо же... Вокруг возвышались ещё постройки. Все они, даже оранжереи, были выдержаны всё в том же пламенеющем стиле, и все – строгого белого цвета.

Иглы, иглы, иглы.

Птицам падать тут противопоказано – нашьпилятся в секунду.

– *«Я всегда твердил, что судьба – игра. Что зачем нам рыба, раз есть икра. Что готический стиль победит как школа, как возможность торчать, избежав укола»*... – пробормотала я. – И это вы, Иосиф Александрович, тут не бывали!.. Вам бы понравилось.

Наплевав на приватность и оставив окно открытым нараспашку, я долго принимала ванну.

А когда вышла в спальню, там никого не было. Ни Артура, ни слуг (хотя кровать, еда и одежда в вольере уже появились. И даже шторы, ну надо же).

Я быстро сменила уже надоевшую ночнушку на комплект одежды из стопки. Он был сшит в таком же стиле преппи, какой носили все студенты Форвана: юбка в клетку, рубашка с

острым воротником и шерстяная жилетка, в нагрудный карман которой так и хотелось запихнуть какие-нибудь изящные часы на цепочке.

Какое-то время я без особого интереса ковырялась в тарелке с едой, а затем пала жертвой реверсивной психологии... То есть, *конечно же*, сунулась в дверь без таблички, за которую мне запретили заглядывать.

* * *

Открыв ее, я в первый момент отшатнулась.

За дверью была какая-то жуть.

А именно: стоящая вертикально тёмно-серая вихрящаяся масса, мясистая туча, да ещё и разрываемая молниями в придачу. Внутри её что-то грохотало.

– Оу, – сказала я. А потом: – Aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa!!!!

Потому что, конечно же, не будучи самоубийцей, я не пыталась шагнуть вперёд, не дергалась и даже не шевелилась. Но долбаная туча вдруг закрутилась водоворотом и буквально вырвала меня из спальни, втянув в себя.

Какое-то время я летела в неизвестном направлении, визжа и размахивая руками. Но через несколько секунд водоворот сюрреалистично выплюнул меня на пол в прежней позе: я вновь стояла у открытой двери, а туча благообразно перекатывалась за ней.

Открывшаяся передо мной комната была *другой*. Не спальней Артура, а скорее кабинетом сумасшедшего учёного.

На стенах висели карты и схемы, рисунки на которых светились и перемещались, как им угодно. Раскрытые книги на полках листались сами по себе, таинственно шелестя страницами, а одна из них, внезапно решив сменить шкаф, стремительно взлетела и чуть не стукнула меня по голове. Я еле увернулась. На огромном и тяжелом рабочем столе был бардак из бумаг, посреди него булькали какие-то алхимические, судя по виду, установки. Реторты, перегонные кубы, колбы и пробирки... Там же – множество измерительных инструментов и – внезапно – лютюня; парадоксальный комплект, будто сошедший с картины «Послы» Гольбейна Младшего.

Хорошо хоть, искажённого черепа, как на знаменитом немецком полотне, здесь не было.

Мой взгляд упал на фотографию в рамочке, стоящую на углу стола. Значит, и некие конкуренты «Никона», «Кодака» и прочих в мире Гало имеются.

Люди на снимке двигались в лучших традициях вселенной «Гарри Поттера»: махали мне руками и всячески привлекали внимание. Заинтригованная, я подошла поближе и взяла рамку в руки.

На фотографии были изображены трое.

Они стояли на лужайке перед главным зданием Форвана и казались до неприличия счастливыми. В центре кадра находился Артур Ван Хофф Эдинброг – он широко, искренне улыбался, чуть вскинув подбородок. В глазах мага плясали шальные искорки, очень неожиданные, а тёмные волосы раздолбайски и бодро торчали во все стороны – видимо, когда-то Артур и не пытался их приглаживать (пусть даже безуспешно). Одной рукой парень махал в камеру, другой – крепко, по-хозяйски обнимал за талию какую-то блондинку.

Судя по одежде, она тоже была студенткой. Девица стояла в профиль, прижавшись к магу своими внушительными формами и эдак «романтично» согнув ногу в колене (понятия не имею, как это правильно называется, но я постоянно вижу такую позу на фотографиях. Дамы в интернете именуют её «ножкой эть»). Незнакомка целовала Эдинброга в щёку, или, скорее даже, в уголок улыбающегося рта. Из-за того, что кадр был «живой», она повторяла это снова и снова. И снова.

И снова.

Чмок!

Сфотографированный Артур явственно млел и балдел, заливаясь лёгким румянцем.

А вот третий человек в кадре... Он стоял справа от Эдинброга и покровительственно-дружески трепал мага за плечо.

И у него не было головы.

Точнее, как: она, конечно, подразумевалась, но кто-то буквально вымарал её перьевой ручкой. Исчеркал намертво, с яростью, чуть ли не продырявив фотографию. Штрихи были резкие, злые, размашистые.

Однако отсутствие головы не мешало мужчине в знакомом бордовом жилете энергично топтаться на месте и озорно чиркать зажигалкой «Зиппо» в свободной руке.

Это совершенно точно был Борис Отченаш.

Приплыли. Получается, раньше Артур и Борис дружили? А эта блондинка, видимо, встречалась с Артуром?

Мне вспомнились слова землянина: *«Они не могут смириться с тем, как быстро и решительно я увожу их девушек»*.

Если предположить очевидное – что Борис отбил подругу Эдинброга, вследствие чего они рассорились, – то остаётся вопрос: почему Артур не выбросил фотографию, а изуродовал её, но всё равно хранит на своём рабочем столе?

Разве что у него больше нет кадров с этой блондиночкой... Куда же она делась?

Чмок. Чмок. Чмок. Девушка между тем продолжала целовать Эдинброга.

Меня это раздражало, и я, бросив осуждающий взгляд на её возмутительно короткую юбку (о да, ханжа во мне просыпается каждый раз, когда я завидую чьей-то раскрепощённости), поставила фотографию обратно.

Побродив ещё немного по фантастическому кабинету, но на всякий случай ничего не трогая, шагнула обратно к Тучевой Двери.

Та всосала меня, как родную.

* * *

Когда Артур какое-то время спустя вернулся в спальню, я, как послушная девочка, лежала в кровати в вольере. Закрыв глаза, укутавшись в одеяло, будто сплю. Я не хотела, чтобы маг понял, что я была в той комнате. И видела тот кадр.

От фотографии веяло какой-то грязной историей, и я сомневалась, что Эдинброд будет рад моему о ней знанию.

Артур ещё долго ходил по комнате, мрачно меряя её шагами. Я подглядывала. Переодевшись он ушёл в ванную. Вернулся в элегантной полосатой пижаме с отглаженными лацканами. Из-под полуприкрытых век я наблюдала, как он сел у моего вольера спиной ко мне и затылком прижался к сияющей решётке. Приготовился сторожить, вестимо.

– Фамильяр, ты спишь? – спросил он тоном строгого ректора, и я еле сдержалась, чтобы не огрызнуться: «У меня имя есть вообще-то!»

– Что ж, – не дождавшись ответа, пробормотал Эдинброд. – Посмотрим, насколько твоё подсознание изощрённей, чем у стандартного зверя.

И щелчком пальцев погасил свет. Магическая клетка вокруг меня загорелась красным цветом.

Так началась моя первая ночь в Форване.

11. Внезапное утро, внезапный день

Похоже, у меня обнаружился талант к тому, чтобы быть лунатиком.

Я отключилась очень быстро, хотя думала, что вообще не смогу уснуть. Я и дома-то страдаю бессонницей: невролог честно прописывает мне таблетки, а уж здесь, в другом мире, в клетке, в предчувствии загадочной «ломки»... Ничего не предвещало крепкого сна.

Тем не менее именно он со мной и случился. Мой организм послал всё далеко и надолго и, презрев глобальную невозможность минувших суток, вышел в Полный Покой.

Когда я поняла, что просыпаюсь, то, не спеша окончательно выныривать из царства Морфея, попробовала сладко потянуться... И замерла.

Кто-то обнимал меня. Очень крепко. И – хуже того – я отвечала полной взаимностью. И вообще: вот это твёрдое под моей щекой – это не подушка, а мужская грудь.

Я испуганно открыла глаза и узрела полосатую пижаму Артура. Что называется, в максимальном приближении. От неё приятно пахло свежестыранной тканью и тонко – вербеной. Видимо, местный аналог кондиционера оставил свой след.

Твою ж налево!!

Моё копошение не прошло незамеченным.

– Проснулась? – холодно осведомились откуда-то сверху. И рукой провели по моему затылку. Я бы даже сказала «погладили», но человек глядящий обычно не говорит таким тоном.

– Почему мы обнимаемся? – охнула я, откатившись в сторону, запутавшись в одеяле и закономерно рухнув с постели на пол.

На полу было не так уж и плохо. Я решила полежать там до выяснения обстоятельств.

Артур зевнул и сел, чуть не поставив ноги прямо на меня. Он выглядел ещё более растрёпанным, чем вчера. Под глазами синяки, в глазах – неугасимый огонь аристократизма. Эдинброд казался совершенно вымотанным.

– Мне пришлось зайти в клетку и лечь с тобой, потому что ты оказалась непредсказуемо ненасытной девицей, – равнодушно объяснил маг. – А так я одновременно успокаивал тебя и мог передавать энергию напрямую. Это позволило уменьшить мой энергический расход и не угробить нас обоим. Так что я бы на твоём месте сказал «спасибо».

– Передавать энергию «напрямую» – это как? – напряглась я, исподволь ощупывая свое тело на предмет... ну не знаю. Каких-нибудь следов. – Насколько, блин, напрямую?!

– Через касание, – презрительно фыркнул Артур. – Мы знакомы меньше суток, но я уже впечатлён степенью твоей сексуальной озабоченности. Все земляне такие?

– В подобных обстоятельствах – большинство. А почему ты сказал, что я «ненасытная»?
– А ты оглянись, – нежно посоветовал он.

Я так и сделала. Й-о-о-о-охан Штраус...

Комната выглядела так, будто в ней долго и упорно отжигал пьяный полтергейст, празднующий ошеломительные кассовые сборы фильма с его участием. Всё было сдвинуто с мест, порушено и перекошено.

– Да-да, это сделала ты, фамильяр. Вопреки магической решётке. И это ещё полбеда... – лениво протянул Эдинброд, услышав мой сдавленный писк удивления. – Потом, как видишь, твоё подсознание увлеклось украшательством.

И впрямь: потолок был перекрашен в стиле полотен Боттичелли, круглые светильники на стенах сменились витражными лампами Тиффани, гобелены на стенах «перешили» в стиле Дамы и единорога из парижского аббатства Ключни... И так далее, и тому подобное.

А вместо пола был наполовину мох, наполовину песок.

– Что же касается ванной, – бесстрастно продолжил Артур, – то там ты устроила море. Судя по твоим сонным комментариям – Средиземное. И ещё ты наполнила его иллюзорными людьми. И надувными фламинго. Люди лежали на них на воде, попивая коктейли из треугольных бокалов на тонких ножках.

Я вытаращила глаза. Вот что значит – давно не бывала в отпуске...

– Когда начался фирменный потоп и ко мне пришли студенты с нижних этажей, тогда я и решился войти к тебе в клетку. И переключить твоё внимание на себя.

– Как именно?

– Большинство людей, если их крепко обнять и начать гладить определённым образом, перестают видеть сны. Это нам вполне подходило. Правда, когда я уже собирался уйти, ты с какой-то стати намертво вцепилась в меня. Как за соломинку – утопающий. Пришлось смириться.

– Ничего себе соломинка, – я окинула его придирчивым взглядом. – М-да. Признаться, жаль, что я не создала чего-нибудь полезного.

Внешний вид комнаты, конечно, не вдохновлял.

– Да уж, *так* бессмысленно мне ещё не доводилось тратить силы, – поморщившись, прокомментировал Артур. – Зато теперь мы знаем, что потенциал у тебя огромный. Ты очень хороший, очень качественный сосуд, фамиль... Вилка. Пожалуй, даже лучше волшебного тигра.

Он всё-таки назвал меня по имени – это плюс.

Он обозвал меня сосудом – это жирный, жирнящий минус!

Где-то вдалеке зазвенели часы.

– Пора идти: я хочу провести тебе небольшую экскурсию перед завтраком, – Артур спрыгнул с кровати и деловито направился к ванной.

Когда он открыл дверь в неё, меня чуть не хватил инфаркт: нам навстречу немедленно бросились три девицы в бикини.

– Эти тоже твои! – укорил Эдинброд.

Иллюзии прошли сквозь него и полопались, будто мыльные пузыри.

* * *

Часа два, наверное, мы гуляли по кампусу. Как говорится, день начинается не с кофе.

Ван Хофф Дотошный показал мне все основные корпуса, научил пользоваться межэтажными телепортами и позволил минут пятнадцать позагорать на солнышке на лужайке. Я видела, как студент присматривается ко мне: следит немигающе, как птица, и всё время находится на чеку... С одной стороны, я понимала его. С другой – меня бесила эта пристальность.

Как будто охранник в дорогом бутике, что подглядывает за тобой из-за вешалки, подозревая воровку.

Неприятно.

К тому же я была голодна.

Уж не знаю, чем питается этот гордец – солнечной энергией? чужим настроением? – но я привыкла с утра закидывать в себя хоть какое-то углеводное топливо.

Когда мой живот начал неприлично громко урчать, а реплики стали уже не ехидными, а откровенно злобными, Эдинброк понял, что с экскурсией надо завязывать.

– Сказала бы раньше, что проголодалась, – вскинул бровь он.

Я фыркнула.

– Хорошие хозяева сами знают, когда покормить своих фамилъяров, разве нет?

– Ещё вчера тебе не нравилось твое положение, а теперь ты апеллируешь к нему? – сощурился студент.

– Я легко переключаюсь между разными тактиками.

– Это называется двойными стандартами.

– Нет, – я бы хотела добавить ещё что-то, но не смогла придумать ничего колкого.

Поэтому просто повторила: – Нет.

Эдинброк хмыкнул и повёл меня навстречу долгожданной еде.

* * *

Увы, в Форване не было общего зала для благочестивых студенческих трапез. Жаль: я уже готовилась к четырём длинным столам, разделённым по факультетам (хотя их здесь тоже не было: сначала все учились на общем потоке, а после третьего курса распределялись по кафедрам).

Все ученики и сотрудники университета ходили за едой и покупками в крохотную деревушку, располагавшуюся в центральной части кампуса. Деревушку называли Сироппинг, и своей атмосферой она напомнила мне земные парки развлечений – то ли Диснейленд, то ли Порт Авентуру. Все в Сироппинге было до чёртиков хорошеньким. Цветные домики с черепичными крышами, большие клумбы. В фонтане на главной площади резвились русалки. Павлины ходили прямо по улицам парами, как полицейские. Студенты сидели за трёхногими столиками, выставленными на брусчатку, загорали на утреннем солнышке и поедали блинчики с кленовым сиропом.

– Эй! Привет! – окликнула нас из-за одного столика медсестричка Мэгги. – Давайте ко мне!

Мы с Артуром подсели к ней. Подошёл официант с меню. Эдинброк заказал омлет и кофе, я – те самые блинчики, главное блюдо Сироппинга. Я *очень* люблю делать вещи, подходящие месту по стилю и образу. Есть багеты в Париже, возиться с цыплятами в деревне или ездить на велосипеде по Амстердаму. Сразу чувствую себя героиней красочного фильма.

– Ну что? – Едва официант отошёл, глаза Мэгги зажглись любопытством. – Вы уже поледили?

– Нет, – на удивление слаженным хором отозвались мы.

– Она крайне сомнительный фамилъяр, – снисходительно объяснил Эдинброк.

– Он вообще не человек, а заноза в заднице, – чуть многословней выступила я.

– Почему же вы пришли завтракать вместе, если вам настолько неприятно общество друг друга? – удивилась Мэгги, подмигнула мне и облизала ложку из-под йогурта.

– А что нам остаётся-то? – хмыкнул Артур, крадя ягодку малины, украшавшую завтрак Мэгги. – Испытания тоже вместе проходить придется. Имеет смысл привыкнуть к... неизбежным неудобствам.

Я пнула его по ноге под столом, и он подавился. Потом, откашлявшись, процедил:

– Впрочем, не факт, что меня вообще допустят к экзаменам в столь сомнительной компании.

– Допустят, конечно! Как же иначе? – Маргарет пожала плечами и вновь макнула ложку в стеклянную розеточку. – Будто они не знают, *что* стоит на кону. После твоего отца ты единственный, кто...

Артур сверкнул на неё глазами в стиле: «Тихо, не говори об этом!», и медсестра мгновенно, поразительно технично перевела тему, будто провернула полицейский разворот на лэнд-ровере.

На протяжении всего завтрака я всё сильнее понимала, что Мэгги с Эдинбродом – по-настоящему близкие друзья. Хотя манера общения у них была совершенно разной: Мэгги всё больше улыбалась и светилась, как доморощенное солнце, а Артур отстреливался отстранёнными, чуть пессимистичными репликами или язвил.

Но обоих это, похоже, устраивало. Они тоже, наверное, казались себе киногероями, поражающими зрителя искромётными диалогами.

– Ой! – Мэгги вдруг посмотрела мне за спину, широко распахнув глаза. – Арти, боюсь, это к тебе.

Эдинброд проследил за её взглядом и еле слышно выругался. Я развернулась, снедаемая любопытством.

12. К ноге!

К нашему столу приближался очень колоритный персонаж: явно ещё один студент, по виду ровесник Артура.

Но он не был человеком. Длинные заострённые уши, длинные же золотистые волосы, у лица заплетённые в две косички, глаза глубокого синего цвета. На кардигане – зелёный узор в виде листьев, ремень кожаной сумки украшен цветочным орнаментом, и даже декоративная цепочка на туфлях-оксфордах сделана в виде лозы плюща. Эдакий ходячий гимн флористике.

– Это нимфин, – шепнула мне Мэгги. – Лесной житель. Несколько таких учатся в Форване. Конкретно этого зовут Каприз.

Ничего так имечко.

– У них с Артуром своеобразные отношения. Будь готова, – быстро закончила Мэгги.

К чему именно, интересно?

Рядом с нимфином шёл его фамилляр. Великолепная песчаная пума. Такая же гибкая и мускулистая, как её хозяин.

– Эдинброд, Эдинброд, Ээээдинброд... – мелодично-издевательски пропел Каприз, подходя. – Говорят, что ты вызвал себе бракованного фамиляра, лишь бы привлечь побольше внимания. Что тебе уже не хватает той горстки восторженных дураков, которые прилюдно провозглашают тебя мессией: твои аппетиты неуклонно растут, да, Артур? А реальных дел все ещё по нулям.

– Каприз, давай не сейчас, – сквозь зубы процедил Эдинброд.

Тот якобы сокрушённо покачал головой, продолжая подначивать:

– Должно быть, ты боишься, что не успеешь как следует порезвиться в лучах славы до наступления Судного дня. Это можно понять. Ведь всем разумным людям ясно, что будет дальше: апокалипсис настанет, а ты ни хрена не сделаешь, жалкий забитый щеночек... Очевидно, иномирная девица – это не только твоя последняя возможность незаслуженно почувствовать себя звездой, но и отличное оправдание тому, что весной у тебя ничего не получится. Какой жалкий ход, Артур!

– Всё не так! – вспыхнула Мэгги, подсакивая.

– О, ты ещё и позволяешь медсестричке защищать твою честь? Прелестно! – тотчас отозвался Каприз, будто ждал именно такой реакции.

В нежных руках Маргарет зажглись искры боевого заклятья, но их потушил встречным заклинанием сам Артур.

– Сядь! – рывкнул он на Мэгги, а потом встал и шагнул к нимфину так, что их носы едва не столкнулись.

– Что тебе надо, Каприз?

– Хочу проверить твой боевой дух, конечно же. А ещё напости, где собираются те идиоты, которые продолжают считать тебя спасителем? – приторно разулыбался нимфин, а его пума оскалилась, обнажив клыки. – Принесу им болотные таблеточки от слабоумия.

– А сам-то что их не пропьёшь, гений? – огрызнулся Артур.

На нас с нескрываемым любопытством смотрели другие студенты. Ложечки больше не звенели в чужих чашечках с кофе. Я сидела над своими блинами и ни черта не понимала. Особо меня смутили слова «мессия» и «Судный день», произнесённые с очевидной большой буквой в начале.

– Артур, я бы на твоём месте, – сладенько протянул нимфин, – всё-таки не стал ждать своего эпического провала, который неминуемо случится, сколько бы ты его ни откладывал всяческими *трагедиями* и *случайностями*, а вместо этого открыто признал бы свою несостоятельность. Просто чтобы потом не пришлось, скуля и плача, совать голову в петлю, как это сделал...

Нимфин не успел закончить фразу. Лицо Артура вдруг исказилось. Он вытянулся как стрела, и – удар, вскрик!

Лесной житель дёрнулся, когда ему в скулу прилетел кулак Эдинброга. Потом чертыхнулся, зашипел и в ответ толкнул Эдинброга в грудь двумя руками. На ладонях его полыхнуло зелёное пламя, немедленно перекинувшееся на джемпер Артура. Тот погасил его резким жестом и выкрикнул заклинание. Нимфина тут же окутало облако тьмы, но оно мгновенно замерзло и осыпалось льдом. Сражавшиеся стали бросать друг в друга проклятья, отражать их, гасить... Цветные стустки энергии вспыхивали по сторонам, как шутихи.

Некоторые из студентов, сидевших за уличными столиками, повскакивали со своих мест и разбежались в стороны, но эдак лениво, пятясь, и с подбадривающими криками в стиле «Давай! Мочи его!». Другие и вовсе остались сидеть, только спрятали посуду под скатерти. Официант вышел из кафе, оперся плечом о дверной косяк и закурил...

Понятно. Драки тут – дело привычное.

Я смотрела за битвой, как заворожённая, забыв даже донести ложку до рта. Ладно. Предположим. Интересное шоу. Только можно мне билет на балкон, а не в партер?

Зря я отвлеклась, конечно.

– Прячься! – вдруг взвизгнула Мэгги, стаскивая меня со стула.

Едва я успела рухнуть на землю, как на мое место запрыгнула истекающая слюной пума. Шаткий стул под ней развалился. Низко зарывав, животное мягко и опасно припало на передние лапы, готовясь к новому прыжку...

– Х-х-хорошая киса? – проблеяла я, экстренно отползая в стиле таракана.

– Для тебя – *нет!* – ахнула Мэгги, ползущая рядом со мной. – Принцип дуэли: маг против мага, фамилляр против фамильяра!

Офигенно.

– Она что, реально меня убьёт? – неверяще ахнула я.

– Ну... Потреплет, наверное, – ещё тише пробормотала Мэгги.

Пума прыгнула.

Я уже попрощалась со всеми и вся, но зверюга вдруг замедлилась в полёте, будто внезапно из воздуха попала в воду. А ещё точнее – в смолу: так медленно перебирала кошка лапами.

Я скосила глаза туда, где шла дуэль между Артуром и нимфином. Одной рукой мой Эдинброд продолжал швырять файерболы, бьющиеся о стеклянный щит Каприза, а вот от второй его руки исходило белое сияние. Оно достигало пумы и сдерживало её прыжок.

– Ох! – воскликнула Мэгги, увидев это. – Трогать чужого фамильяра – это же нарушение всех правил!

– А вся эта драка в целом – не нарушение правил?.. – обескураженно пробормотала я, вскакивая на ноги и прячась за ближайший фонарный столб.

Ответ пришёл, откуда не ждали. Посреди площади, внезапно превратившейся в боевую арену, вдруг открылся портал, похожий на синий вихрь, и из него выступил низенький чародей средних лет в лиловой накидке поверх скучного коричневого костюма. Короткие русые волосы, ничем не примечательное лицо.

– Ректор Хомхи Бавтелик, – сдавленно прошептала Мэгги. И, поспешив подняться с брусчатки, вытянулась по стойке «смирно».

Я оглянулась: все вокруг сделали то же самое. Эдинброд и нимфин тоже прекратили бой. Отпущенная Артуром пума грохнулась на землю и свернулась тоскливо подвывающим клубком.

– Артур Ван Хофф Эдинброд Третий! Проявив агрессию в отношении чужого фамильяра, вы нарушили правила университета. В мой кабинет. Живо, – бесцветно сказал ректор и приглашающе указал на портал.

Артур поджал губы и молча пошёл к воронке.

– Своего фамильяра взять не хотите? – осведомился ректор, глядя прямо на меня. Так же невыразительно, как смотрят на тумбочку или солонку.

– Вилка, пойдём, – позвал меня Эдинброд.

– Да нет, спасибо, я здесь подожду, – с максимально возможным достоинством отозвалась я из-за столба.

– Она вас не слушается, – равнодушно отметил ректор.

Ну с ума сойти. Привет, капитан очевидность.

– Вилка, пойдём, – повторил Артур чуть разозлённо. Из носа у него текла кровь. – *Пожалуйста.*

– Вы говорите «пожалуйста» своему фамильяру? – тотчас неприятно удивился ректор. – Как-то это... либерально. Пахнет подкаблучничеством. Прикажите. И всё.

Мы с Артуром вспыхнули одновременно.

От ярости.

– *Пойдём*, – проговорил Эдинброд с нажимом, взглядом метая в меня гром и молнии.

А ректор пренебрежительно фыркнул и вдруг хлопнул себя по бедру: «*К ноге!*»

– Вот так надо, Эдинброд! – самодовольно объявил Хомхи Бавтелик. – Вы что, не помните этого из учебы? Повторите.

У меня аж челюсть отвисла.

Он сейчас серьёзно?!

Это что за жест?!! Я человек, эй!

Артур покосился на поехавшего крышей колдуна с ясно читаемым отвращением и, хвала небесам, не стал за ним повторять.

На нас смотрели все, вообще все на площади. Нимфин Каприз – с кривой улыбочкой. Ректор – оценивающе, как на жуков. Мэгги – сочувствующе. Остальные – кто во что горазд...

Ректор уже нахмурился и вновь хотел что-то сказать Артуру, но тут я сама вышла из-за столба. Сыграю по их правилам, ладно.

Но вообще надо перевоспитать этих дикарей. Пожалуй, добуду им копию конвенции о защите прав человека, подключу Бориса к процессу, и, возможно, вместе мы сменим мест-

ную мировоззренческую парадигму. А нет – так хоть отлупим ректора свёрнутыми в трубочку бумагами.

Душу, так сказать, отведём.

Молча приблизившись к Эдинброгу, я вслед за ним шагнула в спираль синего пламени и мгновение спустя очутилась в кабинете главы Форвана. Я уже прикидывала, в какое из бархатных кресел уместить свою невезучую задницу, когда вышедший следом мистер Бавтелик заявил брезгливо:

– Фамильяры ждут в приёмной, – и указал тощим пальцем на дверь.

Я закатила глаза. Вот что с ним не так, а?.. Ну он же должен мозгом понимать, что я человек? Что это ни разу не галантное поведение?

Впрочем, пока я выходила, у меня появилась теория на сей счет: я вдруг поняла, что у ректора не было своего фамильяра. Либо был, но настолько маленький, что и не разглядеть. Комар какой-нибудь. Гусеница. Лягушонок, уютно устроившийся в кармане.

Комплексует кое-кто, вероятно. Не может спокойно смотреть на чужого, несомненно *ишкарного* фамильяра.

Моя мысль вполне могла быть неверной, но по крайней мере она утешала.

Я плюхнулась на один из стульев, стоявших в приёмной. Кроме них тут был дубовый стол, а за ним – неприлично красивая ведьма-секретарша, наблюдающая за тем, как елозят по документам самопишущие перья. Перья уютно поскрипывали. За открытыми окнами всё было залито весенним светом. Ветер гулял по коридору, как у себя дома, и шибал мне в нос то хвойными запахами леса, то головокружительной свежестью гор...

Вдруг издалека донёсся весёлый посвист.

Секретарша стала экстренно прихорашиваться. Дверь приёмной распахнулась, и перед нами во всей красе предстал Борис Отченаш.

– Земля-я-я-янка! – замурчал он радостно и мимо секретаря потопал ко мне, раскрыв объятия. Ведьма за столом одарила меня таким взглядом, что я всерьёз забеспокоилась – ими тут прожигать не умеют, надеюсь?.. – Что ты тут делаешь, Вилка? – поинтересовался Бор, устраиваясь рядом со мной.

Я рассказала.

Вчерашняя фотография с Борисом, Артуром и девушкой всё ещё стояла у меня перед глазами, но я всё же не знала подробностей. Да и в целом это было не моё дело. Ко мне же Бор пока относился хорошо, так что я не видела причин чураться его. К тому же вчера в комнате Защиты он рассказал мне много важных вещей.

Так и сейчас – мы как-то сразу же разговорились.

И даже мрачная секретарша не мешала мне чувствовать колоссальное облегчение от присутствия второго землянина. Всё-таки хорошо, что я здесь не одна. Бор тоже был рад моему присутствию: он жадно расспрашивал меня о последних земных новостях.

– Лучше расскажи мне ещё о мире Гало! – наконец попросила я. – А то я пока плохо понимаю, что и как тут устроено. Эдинброг мучил меня экскурсией на голодный желудок, и поэтому КПД у неё был ниже нуля.

– М-да, тебе не повезло стать фамильяром для страшного зануды, – с энтузиазмом закивал Бор. – Значит, так, смотри, как всё будет! Этот муд... чудаек ректор обязательно отправит вас с Артуром на задание-наказание из-за дуэли. Вероятно, оно угробит вам несколько дней, и по вечерам ты будешь такая убитая, что ни о чём больше и думать не сможешь. А в пятницу с утра Хомхи Бавтелик заберёт Артура на конференцию учёного совета, но тебя прикажет оставить здесь. Конфа затянется на весь день и перерастёт в торжественный ужин, Хомхи ни за что не отпустит Артура до его финала, так что ты надолго останешься в университете сама по себе.

– Оу? – Я поразилась детальности его прогнозов. – Бор, ты что, прорицание тут освоил? Или у тебя матчество – «Вангович»?

– Да нет, – отмахнулся Борис. – Ректор просто предсказуемый, шо пипец. А на собрания всегда приходят без оружия, в том числе без фамильяров, и учёные торчат на них бесконечно, потому что скорость принятия решений не входит в число их сильных сторон. К чему я веду: зачем тебе в пятничный вечер скучать одной? Приходи ко мне, я закатываю небольшую вечеринку. Развеешься, и я как раз нормально расскажу тебе про Гало! И Мэгги там будет – знакомое тебе лицо.

Я пообещала подумать.

Борис щёлкнул пальцами, взяв меня на мушку, всучил секретарше финансовые отчёты, с которыми и пришел, и, подмигнув – «увидимся!» – отчалил в неизвестном направлении. Шлейф тяжёлого мужского парфюма, колоссальной самоуверенности и табака тянулся за ним, как подол мантии.

У секретарши аж ноздри затрепетали. У меня тоже, но без восторга.

Это дело гормональное...

Вскоре после этого Артур вышел от ректора.

– Ты умеешь плавать? – спросил меня Эдинброг без предисловий. И, дождавшись моего кивка, заявил: – Отлично. Нам с тобой нужно будет украсть зачарованные жемчуга у русалок.

И тут же направился к выходу из приёмной.

Вытащив глаза, я рванула за ним:

– Прости, что ты сказал?

– Ректор Бавтелик предпочитает выдавать наказания, которые приносят практическую пользу университету. У нас неподалёку есть озеро. В нём – русалки. У русалок – заколдованные жемчуга. Ректор считает, что будет здорово преподнести их в подарок нашей королеве. Которая, как и многие другие государственные лица, прибудет в университет к концу экзаменов, дабы лично узреть выпускников – будущую гордость страны. Волшебные жемчужины её наверняка обрадуют, – хмуро объяснил Эдинброг, гулко и быстро шагая по старинным коридорам Форвана. – Времени нам дали до четверга.

– А с каких пор подарки крадут, а не покупают или делают своими руками? Русалки вообще не обидятся, нет? – возмутилась я.

Артур резко остановился. Быстро покрутил головой, убедившись, что мы в коридоре одни, взял меня за плечи и наклонился ко мне близко-близко, серьёзно заглянув в глаза.

– А разве ты ещё не поняла, что в магическом обществе не принято думать о чувствах других?

И такая внезапная горечь прозвучала в его словах, что у меня сжалось сердце.

Я нахмурилась:

– Артур, почему этот нимфин назвал тебя мессией?

Эдинброг дёрнулся, как от пощечины.

– Потому что он клинический идиот. Не обращай внимания на подобные глупости, – после паузы вдруг кривовато улыбнулся он.

– Но я хочу знать.

– Да не о чем тут знать. Пойдём.

Глаза у Артура были чертовски печальные. Как последние всполохи осени, уходящей во тьму.

– Спасибо, что защитил меня от пумы, – только и сказала я.

Он неловко кивнул.

Какое-то время мы шли молча.

Я неожиданно почувствовала, как мои плечи, прежде постоянно поднятые, будто ворота при осаде замка, опустились, а челюсть разжалась. Впервые за всё моё время в Форване я ощущала не то чтобы спокойствие, но то, что рядом со мной идёт человек, с которым мы находимся в одинаково паршивой ситуации. С которым мы заодно.

Это было невероятно утешающее чувство, и когда я вновь покосилась на Артура, мне показалось, что с ним произошла такая же метаморфоза.

Ощув мой взгляд, он приосанился и поправил пиджак, на лацкане которого вновь блеснул значок с гербом университета.

– Нет, ты серьёзно?! – наконец не выдержала я. – Мы будем красть жемчужины у русалок?!

– Да.

– Хорошо хоть не икру...

13. Последний приказ

К вечеру того дня я почувствовала странную слабость, что было неожиданно и пугающе, но Артур заверил меня, что это совершенно нормально – «отходняк» от колдовства первой ночи. Поэтому я просто валялась на койке в своём вольере, драматично и чуть ли не в стихах кляня свою непростую судьбу, а Эдинброд, подавляя смехи, в паузах между моими монологами пытался рассказывать мне теорию взаимодействия магов и фамильяров.

Увы, я могла лишь красочно жаловаться на жизнь, но никак не впитывать новую информацию. Осознав, что я пропускаю мимо ушей практически всё, им сказанное, Артур отпустил какой-то ядовитый комментарий на этот счёт (его я тоже пропустила мимо ушей) и в итоге, поколебавшись, махнул на меня рукой.

– Какое мороженое ты любишь? – вдруг спросил он.

– Внезапный вопрос. Малиновое.

– Не подойдёт, – качнул головой студент.

– В смысле?!

– Назови что-то из сливочных сортов, а не шербет. Это поможет тебе с восстановлением сил.

– Малиновое бывает и сливочным.

– Всё равно нет: в Сироппинге такое не продаётся.

– Черничное.

– Тоже нет.

– Да Йохан Штраус, Артур! Зачем тогда спрашивать?! – Я даже на локте привстала от возмущения.

Эдинброд неожиданно насмешливо прищурился.

– Ну а вдруг ты была бы хорошей девочкой и сказала: «С орехом pekan»?

И он вышел из комнаты.

– Эй! Я ненавижу pekan! Никаких орехов, Эдинброд!..

Он не вернулся. Вместо него мороженое (клубничное) принесла какая-то незнакомая мне медсестра из лазарета. И она же объявила, что посидит со мной сегодня, поскольку у Артура запланировано много дел на вечер.

Меня это задело. Раз он мой «хозяин», ему со мной и сидеть, разве нет?

Я поделилась этой мыслью с медсестрой. Добрая девушка расхохоталась.

– Господин Ван Хофф Эдинброг очень красивый молодой человек, не так ли? – как мне показалось, невпопад ответила она.

* * *

К следующему полудню я была в полном порядке.

Мы отправились на поздний завтрак в Сироппинг. Как оказалось, Эдинброг, проснувшийся ещё в семь утра, забыл поесть (для него это, как выяснилось, вообще было нормой; пища интеллектуальная прельщала его куда больше, чем еда. Бедняга, не понимает истинных наслаждений!) и поэтому составил мне компанию, когда я, едва пробудившись, возжаждала кофе и всяческих гастрономических радостей.

Артур был в шоке от моих отношений с едой.

– Как ты можешь столько есть и при этом оставаться такой худой? – недоумевал он.

– Невроз заменяет мне аэробику, – отвечала я словами Вуди Аллена. – Пойду возьму ещё кофе. Прихватить тебе круассан?

– Господи, *нет*. Я сейчас лопну. Ты монстр.

– Спасибо за комплимент.

В очереди за второй порцией лучшего в деревушке капучино, продающегося в отдельном киоске, я встретила Бориса.

– Ну что, надумала прийти на вечеринку в пятницу? – подмигнул Бор.

– Пока не знаю, – цокнула языком я. – Мне бы хотелось больше узнать о мире. Посидеть в библиотеке и всё такое.

– Пф! Вилка, что с тобой не так, если ты собираешься информацию искать в книжках, а не добывать у людей? Так, как мы с ребятами, тебя никто и ничто не просветит. Реальная жизнь больше энциклопедий, ау. Или ты просто боишься, что твой «хозяин» тебя не отпустит? – Борис шаловливо толкнул меня локтем. Энергетика у этого парня, конечно, была потрясающая: Отченаш вселял бодрость одним своим присутствием, кажется, от него можно было подзарядиться, как от батареек. – Тебя же считают *подневольной*... – намеренно провокационно пропел он.

– И глубоко заблуждаются в этом, – вскинула брови я.

Затем мы с Артуром, чопорно предпочетшим чёрный чай с молоком, отправились на разведку перед эпической миссией по краже жемчужин.

Погода вновь была чудесной. По дороге к озеру мы миновали несколько лужаек, на которых, как на университетских рекламках, красочно развалились студенты в окружении учебников.

Многие книги парили в воздухе под такими углами, чтобы было удобно читать лежащим; другие тихо бубнили, в два счёта выдавая свои секреты; третьи, наоборот, отращивали ножки и разбегались кто куда, а молодые маги с воплями и огненными шарами на изготовку носились за ними, высоко поднимая колени.

– Учебный год уже закончился, – объяснял Артур, – младшие курсы разъехались по домам. Остались только те, кого ждут испытания. Лекций и семинаров тоже нет. Только предэкзаменационные консультации со свободным посещением. Я надеялся, что мы с тобой сегодня сходим на одну такую – она как раз посвящена практической отработке общения мага и фамильяра, но... – он цокнул языком. – Из-за наказания мы её пропустим. Так что будем тренироваться в полевых условиях. Вернее, в лесных.

Мы как раз зашли в сосновый бор.

Деревья тут были умопомрачительно высокие, просто гигантские. Толстый слой опавшей хвои покрывал землю хрустящим ковром. Мне казалось, я уменьшилась до размера Дюймовочки и весело шагаю по спине дикобраза.

– А почему вы сдаёте финальные экзамены с фамильярами, а учитесь без них? – заинтересовалась я.

– Вот у вас на Земле есть такая штука, как калькулятор, верно? На занятиях им запрещают пользоваться, чтобы вы отточили навык счёта в уме. Но в жизни с калькулятором куда удобнее, и при вступительных тестах в университеты никто не имеет ничего против: ведь это ускоряет процесс. Нечто похожее и с фамильярами. Мы умеем с ними обращаться – учимся этому с детства, – но полноценный доступ получаем лишь в выпускной год.

– То есть фамильяр – это всего лишь инструмент?

– Нет, – Артур убрал руки в карманы и со вздохом пнул случайную шишку. – Это ещё и друг. Иногда советчик. Всегда – тот, о ком ты заботишься, за кого несёшь ответственность. И это важнее, чем может показаться. Большинство чародеев склонны к одиночеству и рациональности, которые легко мутируют в эгоизм и жестокость. Фамильяры же волей-неволей заставляют нас думать не только о себе... Даже если ты ненавидишь весь мир, к своей пуме ты будешь добр. И это не даст загнуться доброте в тебе как таковой. Что, в целом, неплохо для общества и вселенной.

Среди деревьев замаячило озеро. Его серебряная пластина нестерпимо блестела под солнцем, составляя дивный контраст с тихой и тёмной чащей.

Артур продолжал рассказывать о фамильярах, и по тому, как внезапно его прорвало на столь длинный монолог, я вдруг поняла, что он говорит всё это не для меня, а для себя... Не инструктирует прилетевшую хрен-пойми-откуда чужестранку, а, скорее, выговаривается, как на сеансе у психолога.

Да, кажется, маги и впрямь тут довольно одиноки.

Как минимум этот.

– Как тебе уже объяснили, фамильяр носит в себе часть магии своего хозяина, вложенной при обряде призыва. Этот вклад нельзя забрать назад, однако при этом он обычно очень велик. Ведь он создаётся на самый чёрный день. На самый крайний случай: когда уже всякая надежда потеряна. Когда рана в бою смертельна, когда страшная болезнь доконала, или когда ты старик, и смерть – ожидаемая, но нежеланная, всегда нежеланная, – подобралась так близко, что жадно лижет тебя в затылок. Когда наступает такой момент, колдун может отдать последний приказ своему фамильяру. Он звучит очень просто: «Умри за меня». И фамильяр умрет. Отдав всю некогда вложенную силу, а с ней – все набежавшие проценты, и всего себя заодно... Так маги нашего мира обретают вторую жизнь.

В лесу было тихо-тихо. Ни птичьего пения, ни стрекота насекомых.

Артур замедлил шаг, потом вовсе остановился и, прижавшись плечом к стволу сосны, посмотрел на меня долгим взглядом. Я застыла напротив него. Эти три слова... Такие простые, короткие – они прозвучали столь пронзительно, что мурашки побежали у меня по рукам.

«Умри за меня».

Что за страшная, горькая фраза, что звучит так пробирающе даже в солнечный ясный день?

– Половина магов из тех, кому довелось отдать такой приказ, уже никогда не заводят других фамильяров, – продолжил Артур. – Ещё треть бросает магическую практику навсегда. И я знаю нескольких, кто в критический момент так и не смог произнести эти слова.

Он вздохнул:

– Хотя всем известно: если хозяин погиб, фамильяр погибает тоже. В течение года. Он обречён. Но они всё равно... *не смогли*.

Я тяжело сглотнула.

– Это я к тому, – подытожил Артур, – что вы отнюдь не просто инструмент.

Потом он отлип от дерева и с деланой улыбкой поднял указательный палец:

– А теперь, когда ты прониклась важностью своей роли, я обучу тебе двум базовым приёмам, которые позже пригодятся нам вон там, – он кивнул в сторону озера. – И, конечно, впоследствии на экзаменах. Ты когда-нибудь пускала солнечные зайчики с помощью зеркала? Отлично. На их примере мы разучим технику «Тернистый Путь Энергии Хозяина». А мячи хорошо ловишь и кидаешь? Прекрасно. Это похоже на «Внезапную Атаку с Оборота». Ну, поехали.

* * *

Мы провозились до глубокой ночи, но так и не добились необходимого результата. Поэтому следующее утро началось не с самой кражи, как предполагалось, а с повторной тренировки, и, честное слово, в какой-то момент я подумала, что мне легче будет застрелиться, чем стать магом. Или фамильяром. Или кем там они хотят меня видеть – пофиг вообще.

– Ты сможешь. Давай! – подбадривал меня Артур, но сам при этом тихо скрежетал зубами, явно не впечатлённый моими потугами.

Но вот на третий день наконец-то всё получилось.

Надо сказать, по энергозатратности наши тренировки оказались сравнимы с неделей пребывания в танцевальном лагере. Был у меня однажды такой опыт: когда ты скачешь и скачешь, и скачешь, как проклятый, среди кучи других таких же влюблённых в спорт людей, забываешь читать, есть и проверять соцсети, только спишь и пляшешь, а вечером последнего дня вдруг обнаруживаешь, что мыслей в твоей голове не осталось. Звонящая, хотя и приятная, пустота усталости. Палёная нирвана, не иначе.

Так и тут: после того, как у меня наконец-то всё получилось, я долго просто лежала под кустом пластом и пялилась на верхушки сосен, скрывавшие небо. Озеро так и маячило на горизонте.

Артур терпеливо ждал, пока я оклемаюсь, чтобы повести меня на наше воровское и ни разу не благородное дело.

– Больше ждать нельзя. Данное ректором время выходит, – уведомил он. – Ты молодец. Сделаем всё сегодня, и можно будет выдохнуть.

– Слушай, – вдруг задумалась я, – а русалки вообще не слышали тут наших приготовлений? Мы так шумели...

(Мы и впрямь шумели: Артур учил меня отражать и пасовать его *плетения*, и первые десять минут я обучаться отказывалась, хронически улепёгывая с воплями: «Ёжики!!! Ты что, поджарить меня собрался?!»)

– Вдруг они догадаются, что мы идём к ним? – закончила я. – Так себе воровство получится.

– Не догадаются. Днём наши русалки спят среди водорослей. Спят так крепко, что их не разбудит ни звук, ни касание, ни даже мгновенное пересыхание озера...

«Зачем же мы тогда всё это учили, если опасности ноль?» – подумала я.

– ...Только прикосновение к их заколдованным жемчугам. Вот оно их поднимет мгновенно.

– То есть наша кража – это на самом деле бой? – сглотнула я.

– В идеальном раскладе – нет, но боем всё вполне может закончиться. Ты как, оклемаешься? Мне надо наложить на тебя заклинание подводного дыхания и нарастить тебе хвост. Какой хочешь: зелёный или синий? Ну, или могу сделать серый, под цвет глаз, – серьёзно предложил Артур.

Стоп.
Что?!

14. Первая проба фамиллярства

«Кто бы мог подумать ещё несколько дней назад, что я буду с накладным хвостом и жабрами ползать по иномирному дну... Дно, привет», – думала я, раздвигая водоросли руками.

Вокруг чуть ли не стопками лежали тела русалок.

Я не шучу: они действительно спали вповалку, как очень мокрые и склизкие котята. У некоторых чуть подрагивали хвосты: снилось что-то тревожное. Я пробиралась между подводными жителями вперёд, туда, где в подводной пещере, в остове утонувшей лодки, хранился сундук со всякими артефактами. В том числе с искомыми жемчужинами.

Найдя подходящее местечко, я вклинилась между несколькими русалками (они недовольно всхрипнули, пустив пузырьки) и попробовала расслабиться. М-да-а-а.

Сильнее всего мешал лиф. Артур сделал его из двух раковин, подобранных на берегу (увеличил их и закрепил заклинанием), и я чувствовала, как эта штуковина натирает мою нежную кожу. Но единственной альтернативой было нырять топлес, а я не была на это готова.

И поэтому всё-таки выбрала ракушки.

И да – серый хвост. «Под цвет глаз».

Я увидела, как спокойную толщу воды прорезает силуэт нырнувшего Артура в трусах-боксерах. На поверхности было солнечно, а на дне темно, и скользивший по диагонали вниз маг напоминал какое-то сказочное существо, темнеющее с каждым метром. Артур проплыл мимо меня, нырнул в пещеру и пропал из виду. Я знала, что сейчас он вскрывает сундук... Всё ещё вскрывает... Ещё немного...

Готово!

Это я могла сказать с уверенностью, потому что несколько десятков русалок вокруг меня вдруг одновременно распахнули глаза. Крипово. Кукла Чаки рядом не стояла.

Вместе с остальными русалками, мгновенно принявшимися тревожно булькать и скалить неприятно острые зубы, я рванула к пещере.

Навстречу из темноты туннеля к нам вылетело заклятье – Ослепляющая Вспышка Помешательства. У него был широкий угол поражения, захватывавший первый ряд русалок – и меня заодно.

Когда *плетение* подлетело – оно выглядело как доморощенное светящееся НЛО, – я двинула правой рукой так, как научил меня Артур, и заклинание рассыпалось каскадом, отражаясь и множась, затрагивая вообще всех вокруг... Кроме меня.

А левой рукой я будто поймала муху – это пригодится позже.

Вспышка сверкнула, как молния. Русалки шарахнулись и, гневно визжа, забили хвостами по водорослям, камням и друг другу (они тут оказались не шибко умными. Не оправдываю наше воровство, но намекаю – не стоит ждать от русалок человеческой смекалки). Пока они были дезориентированы, я выплыла вперёд, чуть-чуть подкорректировав своё положение так, чтобы точно первой спуститься в пещеру.

– После заклинания Помешательства их зрение, нюх и слух будут шалить некоторое время, – объяснял Артур, пока мы готовились. – Из-за этого русалки не поймут, что ты чужачка, хотя в нормальной ситуации – и вне толпы – сразу почуяли бы человечину.

Итак, когда русалки вновь открыли глаза и потекли в пещеру, их предводителем оказалась я. Вполне убедительно встревоженная и гневная.

– Йа! Йа! – взвизгнула я пронзительно и по-чаячьи, указывая на открытый сундук и пустое место в углу. Мол, нет жемчужин, беда. – Йааааа!

– А-ай-я? – завертели башками русалки, набившиеся в пещеру, как селёдки в бочку.

– Йаааа! – Я тыкнула пальцем в сторону подводно-подземного туннеля, убегающего вбок. И метнулась туда. Русалки яростной кавалькадой, сталкиваясь боками и теряя чешуйки, рванули за мной – догонять преступника.

Посреди туннеля нам катастрофически «не повезло». Я, всё ещё плывшая в авангарде, неприметно открыла свою ладонь, до того сжатую в кулак – и осколок сияющего *плетения* вырвался на волю.

– Ни один чародей не может использовать боевые заклинания против своего фамильяра, – обучал меня Артур. – Даже если я швырну в тебя Мучительную Гибель Каптулота, она не причинит тебе вреда. Но ты можешь поймать её или часть её и потом обрадовать кого-нибудь неприятным сюрпризом.

Так что...

– А-а-а-а-а! – хором завизжали мы с русалками, решив, что на нас вновь нападают, и дружно пряча лица в ладонях. Несколько секунд тишины и ожидания, после чего под моим чутким руководством мы осторожно продолжили преследование.

Вскоре мы выплыли из туннеля... всё там же на озёрном дне, но метров на пятьдесят правее главного входа в пещеру. К чему это я говорю? К тому, что сам Артур ни по какому туннелю не плыл: украв жемчужины, он спрятался под лодкой с сокровищами и ждал, пока я уведу русалок. И сейчас активно грёб прочь по поверхности, в противоположном от нас направлении.

И да, теперь русалки увидели его над собой...

– Йаайайай! – С боевым кличем берсерков они развернулись и торпедами метнулись за Эдинбругом.

Я же позорно дезертировала, незаметно юркнув в водоросли, а оттуда – к ближайшему берегу.

Я уже выбралась на поверхность и теперь, пыхтя и фырча, пыталась вместе с неудобным хвостом докатиться до прибрежных кустов, когда на той стороне озера загромыхали заклятья.

Это русалки догнали Артура на последней паре метров, и теперь он отбивался. (Исключительно Ошеломляющими и Парализующими заклятьями. Мы договорились об этом заранее. Да и не в интересах студента уничтожить местную экосистему.)

Я всё-таки доползла-дошлёпала до кустов жасмина и теперь тихонько лежала в них, с интересом изучая свой хвост и радуясь, что он со мной не навсегда. Тяжёлая и неприятная

штука. Минут пять спустя на озере всё стихло, а ещё минут через двадцать до меня дотопал Артур.

Мокрый, сильно исцарапанный, но довольный. Заверив себя, что я всего лишь оцениваю «боевые раны», я с интересом разглядывала тело своего временного партнера – его верхнюю, обнажённую половину.

Хорошее тело, надо отдать ему честь!

Ой. Как-то двусмысленно прозвучало.

Меж тем Артур церемонно протянул мне руку. Я с сомнением на неё уставилась.

– Спасибо. Отличная работа, – пояснил он.

Впервые жму человеку руку в такой дебильной ситуации: я с хвостом, парень в трусах.

Потом Эдинброг всё-таки расколдовал меня: ноги после «русалчества» свело по-страшному, и я долго шипела, растирая икры. Колдун сел на траву рядом со мной и принялся разглядывать наш трофей. В руке у него была коробочка, ну а в ней – сами жемчужинки, штук тридцать. Мелкие и корявые. Я бы такие королеве не дарила – позорище.

– А в чём магия этих жемчужин? – спросила я.

15. О'кей, дэдди!

– Понятия не имею, – Артур задумчиво покрутил одну жемчужинку между пальцами. – Вроде бы они применяются в фармацевтике, но я не знаю, как именно.

– Офигеть ты не любопытный! – поразилась я. – Ты даже не спросил, что именно мы крадём?!

– А ректора бессмысленно о чём-либо спрашивать. Он только обрадуется тому, что ты не знаешь чего-то, что знает он, и будет гаденько ликовать из-за этого, внешне изображая отвратительное лицемерное сожаление, что тайна-де слишком тайная. А я не люблю давать падалыщикам поводы для лишней радости.

Падалыщикам, значит. Насколько же критически настроенный студент. А ещё говорят – лучший... Хотя одно другому не мешает. Может, даже способствует.

Критическое мышление – наше всё. Главное, не путать его с критиканством.

Артур достал одну жемчужинку из коробки и невозмутимо положил в карман брюк, пока ещё лежащих рядом в стопке с другой сухой одеждой.

– Вор-р-р-руешш-ш-шь? – заинтересовалась я.

– Нет. Беру образец для исследования.

– Тогда дай и мне штучку! Мой фамильярий процент, пожалуйста.

Артур хмыкнул и протянул мне жемчужину, предупредив:

– Только не вздумай её применять, не зная эффекта.

Я покатила кривенький шарик на ладони.

– А как я вообще могла бы её применить?... Ну, в теории? Съесть? В колечко вставить? Может быть, растолочь и дорожкой снюхать?

– Никак! – отрезал Эдинброд, хотя я едва вошла во вкус гипотез.

Потом он прикрыл глаза и подставил лицо солнцу, мелко просеянному сквозь сосны. Сох после купания.

Я снова принялась исподволь наблюдать за своим возмутительно привлекательным спутником. По-моему, это стало входить у меня в привычку.

Да, щедра земля галианская на красивых мужчин, конечно. Что Артур, что нимфин Каприз. Причём если второй брал необычностью, то мой «хозяин», наоборот, поражал классической точностью черт. Золотое сечение строили по нему. Голливудских актёров с него лепили.

Ван Хофф Эдинброд всё ещё был без рубашки. Капельки воды стекали с мокрых волос и блестящими дорожками пересекали загорелую грудь и спину. Рискую словить косоглазие, я с дотошностью топографа следила за их траекториями. Не то чтобы я не была знакома с гравитацией – направление падения капель известно заранее – вниз да вниз – но...

Я вздрогнула, когда Артур резко открыл глаза и повернулся ко мне:

– Может быть, ты всё-таки скульптор, Вилка? А то я даже не представляю, кто ещё, кроме скульптора, станет так откровенно изучать чужие мышцы и анатомию, – прищурился Ван Хофф Прямолинейный.

Я скорчила рожу.

– Не лсти себе. Я не только на мышцы, а на весь мир так внимательно смотрю. Л – любознательность, – вывернулась я и, подтверждая свои слова, пристально уставилась на ближайший куст, пытаясь прожечь его взглядом.

Куст чуть не сгорел. Вместе с моими щеками.

* * *

Когда мы вернулись, уже близился закат. Золотая дымка залила долину, в которой располагался Форван, и белоснежный университет окрасился в тревожный багрянец. Казалось, шпили его искупались в крови. Артур отправился по своим делам, а я посвятила остаток дня поиску информации об Эдинброге.

Что же он за мессия такой...

Подобные слова не произносят на пустом месте. Я пыталась прорваться в библиотеку, но сторожившая вход горгулья меня не пустила. «Пропуск», – занудно бубнила она. Мэгги, которую можно было бы хорошенько расспросить, нигде не было, а все попытки завести разговор с другими студентами разбивались о тот печальный факт, что они, едва увидев меня, начинали шушукаться и разбегаться. Если же мне всё-таки удавалось прижать кого-нибудь из форванцев к стенке, то дальше вежливой беседы о погоде мы не заходили. Местные жители крайне умело переводили темы, одновременно разглядывая меня с диким любопытством. Мне было от этого неуютно.

Я даже мастера Говерика отыскала, но он быстро вытолкнул меня из своего кабинета и заклятием запер дверь.

На следующее утро – это была пятница – я всё-таки оказалась в библиотеке. Горгулье пришлось смириться с тем, что Эдинброд привел меня чуть ли не за ручку, и, проходя мимо каменного стража, я не удержалась и показала ей язык. Глаза живой скульптуры лишь полыхнули красным светом.

Артур выдал мне с десятков энциклопедий о мире Гало, потом притащил откуда-то внушительное блюдо с целой армией микросэндвичей, кистями лилового винограда и причудливыми пирожными.

И заявил:

– Сегодня меня ждут важные дела.

Он сказал это таким тоном, что, не зная я от Бориса, что он идёт на конференцию с преподами, решила бы, что в планах Эдинброга – спасение мира, не меньше.

Артур продолжил:

– Я вернусь только к полуночи. Поизучай здесь что-нибудь, а когда надоест – возвращайся в спальню. Только учти: выйдешь отсюда – вернуться не сможешь.

– Ибо горгулья, – кивнула я.

– Ибо она. С любыми вопросами о библиотеке тебе поможет Инес, – он кивнул на миролюбивую светловолосую женщину за библиотечной стойкой.

Та перехватила взгляд Артура, помахала нам обоим и сделала серию каких-то жестов.

Артур в ответ тоже пожестикулировал и объяснил:

– Инес глухонемая. Я предупредил, что тебе потребуется помощь. Книги можешь взять с собой, но не заляпай их соусом. Дальше: кроме спальни, никуда не ходи, ясно? В полночь ты должна быть на месте. Никого к себе не приглашай. С незнакомцами не разговаривай.

– О'кей, дэдди, – закатила глаза я.

– Что? – не понял Артур.

– Восхищаюсь твоей заботой и предусмотрительностью.

Эдинброк сложил руки на груди и навис надо мной, загораживая свет от лампы:

– Ты перестала меня бояться, да?

– Я тебя с самого начала не боялась. Ты меня бесишь, а не пугаешь.

– Что ж. Адаптивность – признак развитого интеллекта, – проигнорировав мою реплику, заключил он и подбородком указал на книги. – А сейчас я прошу тебя поднапрячься и узнать о нашем мире и магии как можно больше. Это важно для экзаменов. Надо подготовиться как следует.

– Чувак, это тебе надо! – со значением напомнила я. – А моё дело маленькое: слушаться и не отсвечивать, разве нет?

– Столбом прикинуться не выйдет, – покачал головой Артур.

– Ну да, ведь эта роль занята тобою.

– Не фамильярничай, фамильяр! – возмутился он.

А потом вдруг подмигнул мне. Я сначала умудрилась подмигнуть в ответ, а потом спохватилась – зачем это?

Но Артур уже развернулся и ушёл. Выждав минут десять для верности (вдруг он вернётся с какой-нибудь ещё едой? Или водой? Почему он не принёс мне воду? Что за безответственность?), я встала и решительно пошла к Инес.

Женщина улыбнулась: «Чем помочь?» и указала на огромный фолиант, похожий на книгу жалоб и предложений. Хотя по сути это был местный чат: куча посетителей писала в ней свои вопросы, а Инес так же письменно отвечала на них...

– «Я могу где-нибудь найти информацию о Судном дне?»

– «Нет», – мгновенно написала Инес в ответ.

Лицо её оставалось таким же спокойным и приветливым. Я покрутила перо в руках.

– «А о мессии?»

– «Нет».

– «Почему?».

– «Засекречено».

– «А может, вы мне поведаете что-нибудь? Неофициально».

Инес беззвучно рассмеялась. На сей раз она не стала писать, только пальцем указала на своё предыдущее «нет».

– «Об Артуре Эдинброге?..» – предприняла последнюю попытку я, уже догадываясь, каким будет ответ.

И да, я не ошиблась в своем предсказании.

С досадой покинув Инес, я сама весь день ковырялась в библиотеке, перекопав всё подобно бешеной землеройке и потом с чертыханием расставляя десятки книг по местам. Но да – монографий или хотя бы газет на темы, волновавшие меня сильнее всего, обнаружить не удалось. Поэтому, когда часы с маятником, стоявшие в конце читального зала, пробили восемь вечера, я прибегла к последнему способу добычи информации.

Прости, Артур, но установленные тобой правила придётся нарушить.

– «Мой товарищ сказал, вы можете проводить меня к покоям господина Бориса Отченаша?» – вернувшись к стойке регистраторши, написала я на новой странице талмуда.

Была велика вероятность, что Инес сейчас возмутится: «А не в Артуровы покои, нет? Лгунья!», но она лишь кивнула и поманила меня за собой.

Уходя, я сделала две вещи:

– разумеется, вырвала из книги страницу со своей просьбой;

– прихватила блюдо с оставшимися пирожными: ведь с пустыми руками в гости не ходят.

Совесть моя была почти что спокойна. Ведь я действительно не пойду никуда, кроме как в спальню. Просто в чужую, вот и всё. А к полуночи я стопроцентно вернусь, попросив кого-нибудь меня проводить.

Артур ничего даже не узнает, зато я наконец разобью своё чёртово неведение.

16. Великие маги

Оказалось, Борис жил в местном аналоге пентхауса. То есть в пафосных апартаментах на чердаке.

Чтобы попасть туда, нужно было воспользоваться межэтажным порталом. Таких «лифтов» в Форване было множество.

Каждый портал выглядел как огромный цветок лотоса, растущий посреди искусственного пруда. Рядом на табличке указывались этаж и крыло университета, куда этот портал вёл. Ты вставал в сердцевину мясистого, прохладного бутона, и лотос резко хищно захлопывался. Несколько секунд бело-розовой тишины и паники, а когда лепестки открывались вновь, ты был уже на другом этаже.

Это был интересный способ перемещения, единственный минус – даже вдвоём в такой цветке тесно. Приходилось пользоваться им по очереди. В часы пик перед лекциями, как объяснял мне Артур, легче взбежать по лестнице.

Когда мы перелетели наверх, Инес подвела меня к деревянной двери с табличкой «Спальня Бориса Отченаша. Вход на ваш страх и риск». За дверью было изумительно тихо... Как и во всём коридоре. Я резко засомневалась: а существует ли вообще упомянутая вечеринка?

Но отступить было поздно: Инес уже кивнула мне и ушла. Мне не хотелось догонять её и огорошивать новой просьбой: мол, я передумала, верните меня обратно, я такая непостоянная, ходячий махровый стереотип о женской логике, – поэтому я всё-таки постучалась.

Несколько секунд спустя дверь открылась...

Изнутри вырвались густые клубы дыма, неразборчивые разговоры и некая этническая музыка. От такого внезапного контраста с пустым коридором я отшатнулась и чуть не обсыпала себя эклерами.

– О! Ты пришла! – хрипло промурлыкал Борис, стоявший в дверях. На сей раз он был облачён во что-то вроде импровизированной греческой тоги. То есть, фактически в простыню, небрежно завязанную на плече. Поверх болталась серебряная цепочка с портретом Гомера.

Бор сграбастал меня за руку, приветственно чмокнул куда-то в район уха и втащил в комнату.

– У меня звуковая глушилка на двери стоит, чтобы никому не мешать, – объяснил он. – Ты еду притащила? Ну ничего себе! Эй, народ, это Вилка, знакомьтесь! Дружите с ней, но не трогайте: это будет моя девочка, – и тотчас чуть тише, только мне: – Да шучу я... Шучу: пусть трогают тоже, конечно же, ахаха! Да не, не смотри на меня так, я же снова шучу. Или нет? Хм, какой я загадочный, а?

Смотрела я и впрямь диковато, потому что от дыма у меня с непривычки немедленно заслезились глаза. Что касается шуточек Бориса – я просто не успевала на них отреагировать. Для этого требовалась особая сноровка, которая, возможно, была у меня в студенческие годы, но за время мирной жизни после выпуска успела полностью испариться.

В центре спальни я разглядела несколько силуэтов. Юноши и девушки расслабленно полулежали среди подушек. Тут и там стояли свечи, чёрно-красные блюда с фруктами и сырами, кувшины для вина и глиняные бокалы. На полу валялись игральные кости, в пепельницах возвышались шаткие башни из окурков, а в углу комнаты сидел кто-то маленький и бородатый и играл на лире.

– Это Орфей, он гном и фанатик, – кивнул на него Борис и усмехнулся, узрев моё удивленное лицо. – Я люблю развлекаться по-разному: народ потихоньку просвещаю, да и самому прикольно. То вавилонскую пати закачу, то римскую – чтобы с конями, пожаром и рыболовной сетью обязательно. Ну а сегодня мы вжарили по Греции. Орфей каждый раз так вдохновляется, что меняет имена сообразно случаю.

– Привет, Орфей, – только и смогла ответить я.

Гном зыркнул на меня из-под густых чёрных бровей и вдохновенно ударил по струнам.

– Привет, Вилка! – меж тем радостно окликнула меня одна из девушек на полу. Это оказалась Мэгги – тоже в тоге, с лавровым венком на макушке. Какой-то парень натирал ей ноги маслом, а Мэгги между тем увлечённо декламировала стихи из маленькой кожаной книжечки. «Сапфо», – прочитала я на обложке.

Вот это да. Кажется, Бор и впрямь их просвещает: нашёл же где-то лирику поэтессы с острова Лесбос...

*– Приди, Киприда,
В чащи золотые, рукою щедрой
Пировой гостям разливая нектар,
Смешанный тонко, —*

с восторгом завывала Маргарет.

– Иди в ванной переоденься, – велел Бор, вручая мне простыню и венок.

* * *

Мы познакомились с ребятами.

Помимо Бориса и Мэгги, на вечеринке было пятеро студентов и один парень в преподавательской мантии, который представился скрежещущим голосом:

– Иньч, Младший Мёрклый.

– А что это за должность? – заинтересовалась я, потому что вспомнила, что во время нападения Тварей на кампус этих самых Младших Мёрклых звали в бой наравне с преподавательским составом.

Иньч выглядел очень болезненно: худой, маленький, с глазами навывкате и дыбом стоящими седыми волосами, хотя он был очевидно молод. В центре обеих ладоней у него были... даже не знаю, как объяснить... будто вживлены лиловые аметисты.

Инкрустированные руки. Не пирсинг, не тату, а форменное издевательство.

– Младшие Мёрклые изучают и тестируют Позабытые Заклинания, – объяснила Мэгги. – И решают, можно ли их вернуть в обращение.

– А что такое Позабытые Заклинания?

– Те, которые не использовались больше двух тысяч лет.

– Всё еще непонятно, – вскинула бровь я.

Этого в моих сегодняшних книгах тоже не было. Надо сказать, с каждой минутой я всё сильнее разочаровывалась в библиотечном фонде Форвана. Зато убеждалась в мощи цензуры миленького мира Гало.

Борис тут же взялся за ликбез и в этом вопросе. Он налил мне вина, разбавленного водой (чтобы получилось аутентично, по-гомеровски), и выдал горсть грецких орехов (кажется, он не знал, что, вопреки названию, они не из Греции, раз притащил их на тематическую вечеринку. Хотя, может, они просто ему нравились. Или это был такой тонкий стёб).

Потом землянин деловито улёгся на полу рядом со мной, по-свойски устроив голову в венке мне на колени, и принялся объяснять:

– Короче, Вилка! Краткий экскурс. В мире Гало, чтобы ты знала, две тысячи лет назад случился апокалипсис.

– Вот так начало! – опешила я.

– Ага. А до него тут была так называемая Эпоха Расцвета. Именно тогда здесь жили *великие маги*. Они колдовали очень рьяно. Слишком. Переизбыток колдовства негативно влиял на реальность, и в итоге жажнул Катаклизм. Дальше было что-то вроде двухсот лет упадка, а потом цивилизация начала потихоньку восстанавливаться. Но всех великих магов на всякий случай перебили, чтобы неповадно было. Ясен-красен, куча их заклинаний была утеряна навсегда. Ещё больший процент *плетений* оказался записан типа на салфетках, на заборах, в ежедневниках между адресами любовниц... И всё это без комментариев. Вот в этом всём и пытаются разобраться Младшие Мёрклые.

Теперь я с куда большим любопытством смотрела на Иньча.

– Звучит интересно, – протянула я.

Иньч в ответ неопределённо пожал плечами, затянулся и вдруг выдохнул клуб едкого дыма мне прямо в лицо.

– В первую очередь не «интересно», а рискованно, – скрежещущим голосом процедил он, пока я пыталась возмущённо откашляться. – Никогда не знаешь, что за заклинание у тебя перед носом: ведь у великих магов не было единой системы. Каждый из них был демиургом и создавал плетения, как хотел. А ещё очень много заклиний бессмысленны. Например, я тут недавно долго изучал формулу, а оказалось, что она нужна, чтобы колокольчик над твоей дверью звенел, если соседская корова подойдёт слишком близко к забору между вашими пастбищами. А я угробил на расшифровку три месяца!.. – Он раздражённо нахохлился.

– Ну, это лучше того раза, когда ты по ошибке чуть не снял с себя скальп, – тактично поправила его Мэгги. И чуть дёрнула ногой, тормозя того улыбчивого студента, который умищал ей щиколотки маслом, а сейчас, увлечшись, пополз выше.

– А зачем вы вообще это изучаете? – прищурилась я.

Мэгги смирилась с поползновениями однокурсника и откинулась на подушки.

– Миру нужны новые заклинания, Вилка, – сказала она. – Всегда нужны. Всё растёт, всё меняется и расширяется: потребности, задачи, запросы.

– А почему нельзя просто придумать новые плетения? Зачем копаться в мусоре?

– Землянка, ты что, правда считаешь, что мы идиоты? – сквозь зубы процедил Иньч. – Мы бы придумали, если бы могли. Но только великие маги были способны *создавать* новые заклинания. А теперь их время ушло... Все наши знания – из книг, и мы не можем этого изменить. Никто из жителей Эпохи Заката не умеет разрабатывать плетения. Естественно, мы пробовали, миллионы раз. Но это просто невозможно. Чего-то не хватает, магия не слушается. Великие маги были колоссами, а мы лишь тень от их тени. И никому из нас не дано стать демиургом. Увы.

Он замолчал, и это «увы» повисло в воздухе, будто петля для удушения. Все, кажется, в некотором изопрённом роде наслаждались тоской и тленом обречённости. Прикрывали глаза, пили, курили, страдали. Гном Орфей заиграл нечто меланхоличное...

Привет Донне Тартт, не иначе.

Только Мэгги вдруг кашлянула, поправив венок:

– Не говори «никому», Иньч. У нас ведь есть Артур, верно?

17. Мир в ожидании конца

Не успела Мэгги договорить, как комната наполнилась негодующими криками и бранью. Кто-то даже на ноги вскочил, демонстрируя крайнюю степень возмущения.

Борис со стоном приподнялся с моих колен и обвиняюще выпростал длань в сторону медсестрички:

– Пошто, неверная?! Нормально же общались!

Мэгги пожала плечами:

– Ну просто вы вводите Вилку в заблуждение, утверждая, что никто в мире Гало не может придумывать новые заклинания. Артур ведь может. Он – наш мессия.

– Это ещё не факт! – почти выплюнул Иньч, чьё лицо неприятно заострилось при упоминании студента. – Всё, что мы знаем пока, – так это то, что папаша Эдинброд устроил глобальный пипец с Тварями!

– Неправда! – вскочила Мэгги. Её хорошенькое лицо разругалось от праведного гнева. – Порталы с Тварями появлялись и раньше, отец Артура всего лишь пытался их закрыть!

– Ага, а вместо этого размножил!

– Он не специально! Все допускают ошибки!

– Но не такие, которые стоят жизни тысячам людей! – зашипел Иньч, тыча костлявым пальцем Мэгги в грудь.

– Большим делам – большие риски! – уперлась та.

– Народ, наро-о-од! – Борис по-барски раскинул руки и нахмурился, пытаясь утихомирить гостей. – Как по мне, беда не в том, что старый мистер Эрик Эдинброд заявил всем, что он изобретёт заклинание, которое навсегда закроет дыры между мирами... Да здравствуют уверенные в себе люди и всё такое. Беда в том, что, когда у него это не получилось, он пошёл путём, недостойным истинного самурая.

Все закивали, хотя вряд ли многое знали о наших земных самураях. И об их понятиях чести.

Как и Борис. Ибо он повернулся ко мне и пояснил:

– Чтобы ты знала: повесился папка Артура два года назад.

– Господи... – пробормотала я ошарашенно.

Так вот о ком говорил нимфин Каприз.

– Ага, – тяжело вздохнул Борис. – Что почему-то не убило его пошатнувшуюся репутацию, а, наоборот, укрепило её: для многих самоубийство стало признаком того, что чувак был гением-пророком, покинувшим нас, грешников, в назидание.

– Он и был гением, Бор! – закричала Мэгги, но Борис лишь отвернулся.

Пара студентов недовольно поднялась, одёрнула тоги и пробормотала:

– Мы пойдём. Не любим политику. И разговоры о конце света.

– Не-не-не! – Бор ухватил их за руки. – Всё, тема исчерпана. Развлекаемся дальше. Мэгги просто мирра в голову стукнула: прямо сквозь поры на коже к мозгу примкнула и закоротила там что-то. Мэг, вечеринки – время наслаждений, а не политических споров... Тем более, греческие вечеринки. Кстати, рассказать вам, что такое настоящая дионисийская оргия?

– Рассказать! – обрадовались студенты.

Мэгги поморщилась было, но потом пожала плечами и плюхнулась обратно на ковёр.

Ребята начали болтать, смеяться и придуриваться, более не касаясь темы Артура. Меня же, наоборот, волновала только она.

Поэтому, когда разговоры и танцы сменила карточная игра с непонятными правилами и очень фривольным подтекстом, и мы с Мэгги выбыли в первом же раунде, я попросила её показать мне террасу:

– Хочу подышать свежим воздухом.

Мы нырнули под шторы и вышли на балкон. Вновь горы и звёзды, прохладная майская ночь, красота. И мы – две дуры в простынях и с голыми плечами.

– Мэгги, ты знаешь, что мне от тебя нужно, – деловито сказала я.

– Вилка, я хоть и медсестра, но таблетками не торгую.

– Что?! Да нет! Мне нужно продолжение про Артура!

– А... Прости, вечеринки Бора всегда вносят смуту в моё представление о реальности.

Медсестричка оперлась локтями о широкие перила, уставленные кадками с пионами, и заговорила...

История оказалась простой. Отец Артура – Эрик Эдинброк – однажды понял, что может создавать новые заклинания. Совсем как великие маги древности. Его талант проверили, после чего пришли к выводу: это правда. В нём есть что-то, что делает его *творцом*. Вот только независимые творцы никому не нужны, конечно же: так Эрик Эдинброк стал королевским чародеем, волшебным соловьём в золотой клетке. Ему заказывали заклинания: сначала мелочь, потом всё более сложные. Самым важным стал заказ на закрытие порталов...

Тех самых, что ведут в мир Тварей. Раньше эти порталы – бич мира Гало, наследие апокалипсиса – открывались всегда в одних и тех же местах. Там сутками караулила армия, готовая в любой момент вступить в схватку с чудовищами.

Эрик взялся за *плетение*. У него ушло на формулу много лет, и ушло бы ещё больше, однако... У короля закончилось терпение:

– Мне надоело ждать, – сказал он. – Закрывай порталы сейчас. У тебя было достаточно времени.

– Но... – сказал Эрик.

– Закрывай.

И когда ткань между мирами была прорвана в следующий раз, Эрик Эдинброк в одиночку вышел к Тварям навстречу и стал плести формулу. Один-одинёшенек, потому что специфика колдовства его была такова, что никто другой не мог воспользоваться придуманными им заклинаниями. Хотя пробовали, конечно.

Сначала казалось – все получится. Когда колдун закончил чары, все порталы в стране захлопнулись одновременно. Общество возликовало, но... Не прошло и пары минут, как порталы открылись вновь.

Но теперь их было *во много раз больше*. И они открывались в *непредсказуемых* местах: в городах и деревнях, школах и магазинах, церквях и больницах...

Люди стали гибнуть. Массово. Кто-то говорил: ничего, Эрик, дерьмово, но бывает, вернись в лабораторию и продолжи работу, зря король вытолкнул тебя раньше времени. Но куда больше было тех, кто твердил: мы ненавидим тебя, ненавидим, умри, убийца. И Эрик, сдавшись, решил умереть...

– Это ужасно, – сказала я.

– Да, – согласилась Мэгги. – А ещё через некоторое время после ухода Эдинброга учёные выяснили: порталы растут – и в размерах, и численно. Они стали появляться чаще. Ткань бытия превратилась в труху, и... Согласно прогнозам, скоро прохудившаяся реальность порвётся окончательно. Королевский совет магов провёл необходимые расчеты, и теперь у нас в столице, на главной площади, установлены Часы Судного Дня, отсчитывающие время до апокалипсиса. Ужасающая вещь, поломавшая психику многим...

– Зачем же они тогда сделали их?

– Чтобы мы ценили оставшееся время, – с нажимом и злостью сказала Мэгги. – Чтобы не тратили его зря... Гибель Гало назначена на апрель.

«Через десять месяцев», – содрогнувшись, прикинула я.

– Я видела эти часы, Вилка: зрелище пробирает до костей. Невероятная конструкция: и циферблат, и сыплющийся песок, двойное, чтоб тебя, устрашение... – Маргарет нервно хохотнула.

На её милом лице вдруг проступило нечто горькое и безнадежное. Какая-то скорбная тень, будто накинувшая Мэгги несколько лет и заставившая её устало опустить плечи. Эта тень, невыразимо глубокая, в то же время казалась такой странно органичной, что я поняла: она поселилась в Мэгги уже давно. Она всё время была где-то внутри, но обычно медсестра её успешно прятала – от других и даже от самой себя.

Вслед за этим осознанием ко мне пришло ещё одно: такие же тени есть и в остальных жителях Форвана. Студенты могли смеяться, болтать, устраивать вечеринки или нарываться на драки – но внутри у каждого шёл один и тот же обратный отсчёт, и все они помнили об этом...

Я судорожно вздохнула.

– Мэгги, а Эрик Эдинброк не оставил никакого наследия?

– Оставил, – медсестричка с силой потерла глаза руками, а когда она убрала их, её голос вновь стал деловитым. – После его самоубийства все ломанулись исследовать бумаги Эрика и поняли, в чём была ошибка формулы, но... Беда в том, что никто не может её применить. В них нет этой *искры* великого мага. Колдовство специфично и не даётся никому, кроме... – она выдержала торжественную паузу и вдруг улыбнулась, – Артура.

– Обалдеть, – только и произнесла я.

– Именно поэтому мы называем его мессией. Он – тот, кто может нас спасти. Но не все верят в это. Некоторые злятся, шепчутся, что мы – готовые идти за ним – чокнутые фанатики и мечтатели в розовых очках. И таких большинство, к сожалению. Когда всё это только выяснилось, были такие дебаты, Вилка! Да что дебаты: потасовки. Настоящие бунты. После этого газетам запретили писать обо всём этом, но тут, в Форване, мы, конечно, каждый день видим Эдинброга и не можем не надеяться на то, что он сумеет нас спасти в марте...

– В марте? – переспросила я. – Притом что апокалипсис наступит в апреле, как я понимаю? А почему бы сейчас этим не заняться? Зачем ждать, пока часики покажут десять секунд до взрыва, как в плохом боевике?

– Как в плохом чём?.. – рассеянно спросила Мэгги, но не стала дожидаться ответа и пожала плечами: – Он пока не готов. Только в дурацких сказках неопытные «избранные» спасают мир каким-то совершенно левым образом. Сейчас Артур – всего лишь студент. Пока есть время, он будет тратить его на то, чтобы нарастить свои знания и навыки. Заметила, что он

каждый день куда-то уходит, пока все наслаждаются отдыхом? Учится. Тренируется. Он даже из своей комнаты сделал отдельный телепорт в кабинет, в котором работает чаще всего – ты, наверное, видела... Лучше не ходи туда: там опасные приборы, убиться на раз-два можно.

Я не стала хвастаться тем, что уже сходила и выжила (так себе достижение), просто продолжала внимательно слушать.

– Король сказал: пусть Артур окончит Форван, пусть экзаменаторы признают, что он обладает необходимой квалификацией, и тогда я допущу его к бумагам в Антрацитовый библиотеке. И он не выйдет оттуда, пока не вызубрит подправленное плетение. А вызубрит – попробует вновь закрыть порталы. Вот, собственно, и всё, – Мэгги пожалала плечами.

Я покачала головой, не спеша отвечать.

Мне нужно было переварить эту информацию. Лёгкий ветер плясал по балкону, качая розы и играя с нашими тогами, за окном шумела вечеринка, принявшая совсем разухабистый характер. Под нами простирался Форван – ночной, безмолвный, совсем не похожий на мир в ожидании конца...

– Как-то это странно, – произнесла я наконец, – доверять судьбу мира одному человеку. Что, если Артур ошибется так же, как его отец?

Мэгги кивнула:

– Конечно, такое может случиться. Тогда всех, начиная с королевской семьи и членов правительства, поведут в другие миры – у нас в столице есть большой телепорт для этого. Его начали строить уже очень давно, завершили в этом году, и теперь дотошно тестируют... Но, конечно же, мощи телепорта хватит лишь на часть населения, – она безнадежно махнула рукой. – Кто останется – а таких окажется большинство, – будет доживать, как получится. Собственно, поэтому люди и разделились на два лагеря. Тех, кто верит в Артура, и тех, кто подозревает, что он нас добьёт. И думает, что лучше бы застрелить его, как воплощение ложной, бесящей надежды, и просто... смириться. А потом попробовать как-то выжить самим. Без дополнительного риска в лице Эдинброга.

Я помолчала.

Как Артур мог не рассказать мне обо всём этом?

Прекрасный пейзаж, расстилавшийся перед нами, теперь казался мне горестным, заранее оплакивающим свою глупую скорую смерть.

Я вздохнула:

– А сам Артур что думает на этот счёт?

– Понятия не имею. Он не любит говорить на эту тему.

Я хотела расспросить её ещё, но тут из комнаты к нам шагнул Борис, «поражённый в самое сердце нашим нежеланием проводить время в его обществе». Землянин толкнул монолог на тему нашей жестокости, и он получился настолько напористым и настолько выгодно отличался от тоски, разлитой по балкону, – живым, он был настолько живым!.. – что мы с Мэгги позволили подхватить нас под локотки и утащить обратно в комнату. Уже мерещившийся мне шорох песка в Часах Судного Дня утих, подарив невиданное облегчение.

– Безобразия, говорю я, полнейшее безобразие! – шутливо ругал нас Бор. – Уж полночь миновала, а мы ещё не пляшем!

Я сначала рассмеялась той физиономии, которую он скорчил, а потом вдруг спохватилась.

– В смысле, «полночь миновала»? Ты серьёзно?!

Только сейчас я сообразила, что в апартаментах Бора не было часов. Нигде. Как в грёбаном казино или торговом центре.

– Да. Терпеть не могу все эти ускользающие секунды, – отмахнулся Бор. – Только в полночь и полдень у меня на стене зажигаются зачарованные надписи «12 AM» и «12 PM», чтобы я совсем уж не терялся во времени.

Я выругалась. После полуночи я должна быть в комнате, а значит...

– Мне надо бежать! – ахнула я, кидаясь к дверям.

– Куда! Комендантский час! – переполошилась Мэгги.

Но я уже ничего не слышала. Я выбежала в коридор и рванула туда, где был портал-цветок. Я добежала до лотоса: он вёл на первый этаж. Мне надо будет телепортироваться туда, а потом оттуда к нам на десятый. Я вскочила на бортик бассейна, потом шлепнулась в центр цветка...

И тотчас из темноты коридора на меня прыгнул Борис, выбежавший, оказывается, вслед за мной. Он чуть не сшиб меня с ног – если бы не закрывающиеся уже лепестки, я бы точно выпала из портала. А так – лотос сжал нас, как двух пассажиров метро в час пик, не позволяя ни вдохнуть, ни шевельнуться.

– Какого чёрта?! – возмутилась я. Голос был глухой, ибо меня слегонца расплющило о мощную грудь Отченаша.

– Спасая тебя, дурёха!! – взревел тот. – По первому этажу университета *нельзя* бродить после полуночи. Ночь – время ангелов.

– В смысле? – не поняла я.

– Долбанные статуи в коридорах. Оживают и жрут всё, что движется, – буркнул Бор. – Обычно крыс, но человеку будут *очень* рады. Такая вот ночная охрана от незваных гостей.

Не успела я подумать, что это чем-то напоминает мне сериал «Доктор Кто», как телепортация завершилась: лепестки цветка стали раскрываться.

– Вышли из лотоса – и сразу обратно, чтобы перезапустить телепорт! Надо вернуться на защищённые этажи! – приказал Бор, таща меня за руку.

Но план его не удался. Едва мы соскочили на бортик бассейна, как сзади раздался странный мраморный скрип... Я обернулась. Возле лотоса стоял каменный ангел.

И улыбался, наклонив голову набок.

– Ёптыть! БЕЖИМ! – гаркнул Борис, дёргая меня за руку так, что, казалось, сейчас из сустава её вырвет.

18. Ангельское дело

Мы рванули вперёд по холлу первого этажа.

Слабая ночная подсветка не столько рассеивала тьму, сколько нагоняла жути. Босые ступни звонко шлёпали по полу. Тоги-простыни трепетали: мы имели все шансы закончить эту гонку в стиле ню.

Борис энергично тащил меня вперёд. Я только тихо попискивала, пытаюсь за ним угнаться. Позади была тишина... Обманчивая, как оказалось. Когда нам встретилось зеркало, я увидела: на нас охотятся уже целых четыре ангела.

Они плыли-скользили над полом, а если встречали ступеньки или другие препятствия, то мигали, телепортируясь на полметра вперёд. Понятно, двери для них тоже не помеха.

И да – они всё ещё улыбались. У одного из уголка рта свисал окровавленный хвостик крысы. Беззвучная, дикая гонка.

– А ты можешь что-нибудь... наколдовать на ходу?! – задыхалась я.

– Не могу! – рявкнул Бор. – Я что, по-твоему, Гэндальф?! Ищем другой портал!

Мы метались по коридорам, пока впереди не показался новый цветок лотоса. Но уже когда мы собирались прыгнуть в него, из темноты нам навстречу выплыл пятый ангел...

– Твою мать! Не вариант! Сюда!

И Борис лихо свернул в неприметный проход. Я за ним. Мы закладывали крутые виражи, но это не помогало – количество наших преследователей лишь росло, а пути отступления всё сокращались. Адские ангелы выскакивали каждый раз прямо перед порталами: точно знали, где подстеречь лакомство.

– Так, может, на лестницу?! – прохрипела я, когда в бок стало совсем уж невыносимо колоть. – Раз другие этажи защищены?

– Нет! На лестнице нас догонят, так как будут безостановочно телепортироваться!

– А если позвать на помощь?

– Смартфонов нет, не серчай!

– На улицу?

– Рванут за нами!

– Р-р-р!! Ну а у тебя какие идеи, Борис?! – рявкнула я, взбешённая его пессимизмом.

Он явственно скрипнул зубами и вдруг резко дёрнул меня за собой. Не знаю, чего он ждал, но я споткнулась о какое-то возвышение.

– Чёрт!

Я грохнулась просто эпично. Растянулась во весь рост – стукнулась даже лбом. Хвала адреналину, упав, я сразу же вскочила обратно, как неваляшка, но колени были ободраны, а из носа немедленно хлынула кровь.

– Вилка! – ахнул Борис. – Больно?

– Скорее кроваво...

– Прости, забыл предупредить о ступеньке! Так, ладно! У меня есть отличная идея! Дуй за мной!

Ещё пара коридоров – и Борис на полном ходу влетел в высокие двери с золочёной табличкой «Зооохранилище». От удара плечом хрустнула щеколда, створки распахнулись, и мы ввалились в огромное помещение со сводчатым потолком. То ли ангар, то ли музей, то ли цирковой прицеп в максимальной комплектации.

Разноразмерные вольеры наполняли зал...

А в них спали странные существа. Грациозные и массивные, текучие и туманные, мигающие и поглощающие свет. Все клетки светились красным: были заперты на магическую защиту.

Мы мчались мимо них, и часть животных начала просыпаться: они потягивались, выли, рычали. Это напрягало. Ещё сильнее я заволновалась, оглянувшись: за нами летел уже десяток оживших скульптур.

– Вот! – крикнул Борис, лихорадочно пожимая мне руку. – Вот, смотри, что нам нужно!

Он доволок меня до огромной длинной клетки, которая стояла в центре помещения. Песок покрывал её пол, в ней были две решётчатые двери напротив друг друга. Но внутри – никого. Бор подлетел к первой двери и быстро набрал на замке охранный код. Клетка перестала светиться и тут же открылась.

– Дамы вперёд! – Землянин решительно втолкнул меня внутрь. – Беги насквозь! И оклики меня, как достигнешь дальней двери! Я дождусь здесь, отвлеку их, чтобы они не зашли с другой стороны!

Я рванула. Дорожка моих следов – хромающих и местами кровавых, сигналила панику азбукой Морзе.

Землянин остался снаружи, размахивая руками и крича:

– Сюда, козлы! А ну ко мне, крылатые ублюдки! Быстрее, ну!

– Бор, я на месте!

Он обернулся и, убедившись, что я и впрямь у цели, рванул за мной с головокружительной скоростью. Раззадоренные ангелы врывались в клетку, отставая от нас совсем ненамного.

– Теперь ты отвлекаешь! – приказал Бор, мчась ко мне. – Будь их целью: у тебя кровь – захотят начать ужин с тебя! А я должен запереть их!

В бешеном темпе пролетев сквозь клетку, он мимо меня выскочил наружу и уже снаружи помчался в обратном направлении, по кругу. Чёрт! Но он прав: за ангелами ему и впрямь надо было закрыть входную дверь...

Я стояла столбом, приманка приманкой, в ужасе глядя на то, как приближаются скульптуры. У меня не было и десятой доли смелости Бориса, чтобы задирать их. Мне было так страшно, что казалось, воздух сгустился, и липкий ужас облизывает меня, изучая. Ангелы уже подплывали: всё медленнее, кровожаднее, явно наслаждаясь предвкушением ужина... Песок в клетке взвился, будто торнадо.

– Выбегай! – гаркнул Бор откуда-то издалека.

Преодолев странное сопротивление, я выскочила наружу и лихорадочно хлопнула дверцей.

Ангелы поняли, что их провели.

Они безмолвно и яростно заматались по вольеру. Они пытались телепортироваться вовне, но защита мешала им – скульптуры лишь дико мигали, как барахлящий телеэкран.

Один из монстров бросился на прутья решётки, да так сильно, что по мраморным крыльям побежали трещины. Его искажённое улыбкой каменное лицо оказалось ужасно близко... Гнев. Безумие. Почему-то отчаянье. Безмолвный улыбчивый крик.

Я застыла в ужасе. Но тут Бор – разгорячённый, бешеный, – подлетел сбоку и чуть не сбил меня с ног, стиснув в объятиях и отвернув от страшной клетки.

– Спасибо... – пробормотала я.

– Это ещё не конец! – крикнул он, уже таща меня прочь из хранилища. – Бегом! Не оборачивайся! Теперь нам надо всё-таки добраться до портала, пока не явились ещё скульптуры!

– Чёрт, а их ещё много? – застонала я, вспоминая, что да – я же сама видела как минимум двадцать штук во время прогулок по университету...

– Со мной ничего не бойся! Бежим, не оглядывайся!

Его уверенность придавала мне сил.

Мы вновь петляли по коридорам. Один раз чуть не столкнулись с новым ангелом, но Бор заметил его из-за угла, резко затормозил меня и крепко обнял:

– Тсс! Ждём... Ждём... Теперь вперёд, быстро!

Мне оставалось только слушаться его и благодарить небеса за то, что Бор оказался здесь со мной. Вероятно, попади я в такую ситуацию одна, я бы уже сошла с ума от ужаса и включила режим беспомощного капитулянта. Но Отченаш не позволял мне сдаваться.

И вот мы наконец оказались у портала-цветка. Шагнули внутрь и несколько секунд спустя вынырнули на каком-то из жилых этажей.

Мы дружно рухнули на бортик бассейна. Здесь было темно и тихо, и только несколько ламп горели вдоль двух коридоров. Их пламя плясало, кружевные тени разбегались по стенам.

Сердце моё билось, как проклятое. Мысли путались, колени ослабели. Адреналин сводил с ума, заставляя заледеневшие от ужаса пальцы мелко подрагивать. Бор тоже тяжело дышал, а глаза у него были горящие и сумасшедшие: ликующие глаза победителя.

– С ума сойти, – наконец выдохнула я, пытаюсь прийти в себя. – В моей жизни никогда ещё не было таких опасностей, боже мой! Спасибо, *спасибо*, что спас меня, Бор!

– Ну а как иначе? – Он хрипло рассмеялся. – Как я мог позволить им сожрать такую прекрасную, неунывающую землянку?

– Прекрасную вряд ли, – чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди, я утёрла разбитый нос. – Как минимум прямо сейчас.

– Самую прекрасную на свете, – галантно возразил Бор. – Только тсс-с! – Он лукаво приложил палец к губам. – Это секрет, договорились?

– Что именно?

Эйфория от пережитой гонки захлёстывала меня с головой. От сидящего рядом Бориса буквально исходили волны жара, и, контрастируя с прохладной водой фонтана, в которую я опустила руку, они одновременно приносили удовольствие и приближали меня к обмороку.

– Всё наше приключение. Я хочу, чтобы детали принадлежали только нам с тобой. Это важно, Вилка! И то, что я такой нежный, – тоже тайна.

– Но ты не кажешься нежным...

– Покажусь, если познакомимся поближе. Признаться, пока ты не появилась, я часто думал, что все последние три года – это вообще галлюцинация, и на самом деле я лежу в коме, попав под машину, и никакого Гало не существует, а я лишь вижу чудный, странный сон, – финансист вдруг вздохнул так горько, что у меня в груди что-то понимающе сжалось. Тень пробежала по его лицу, и Бор, поморщившись, покрутил одно из своих колец на пальцах. – Хотя, возможно, ты тоже мираж, – добавил он, хмыкнув. – Просто усложнённый.

– Я точно не мираж, не надейся.

– Любой мираж сказал бы, что он не мираж!

Я ущипнула его за запястье:

– Видишь? Миражи так себя не ведут.

– Ты ущипнула меня! – наигранно вознегодовал он. – Я тебя спасаю, а ты меня щиплешь! О нет! Коварная!

Я засмеялась.

А потом продолжила хохотать. Это была чистейшая истерика: вечеринка и погоня, кровь и вино, ангелы и сущности, прошлое и будущее, моя сжатая пружиной тоска – одиночество в

незнакомом мире... Вероятно, такое же, как у Бориса. Я смеялась почти до слёз, а Бор смотрел на меня торжествующе и азартно.

– Можно я проверю по-своему? – подмигнул он, выгадав паузу в моём хохоте.

– Что?

– Что ты действительно не мираж, – тихо сказал он и, не дожидаясь ответа, потянулся вперёд и поцеловал меня.

Ох. У меня внутри всё буквально обрушилось.

В смысле, и так, при взгляде на финансиста, ни у кого не возникало сомнений, что он хорош – ходячий тестостерон, чистейший образец альфа-самца, уверенного в своей неотразимости и испускающего такие феромоны, что даже скептически настроенные люди вроде меня чувствуют некое притяжение... Но одно дело теоретизировать, а другое – ощутить на себе.

Дикая смесь из гонки, спасения, страха и облегчения взрывалась внутри меня фейерверком, и поцелуй в теории мог бы стать идеальным, киношным её завершением. Ведь Борис знал, что делает: в первое мгновение я совсем обалдела от нахлынувших эмоций. Я судорожно вздохнула и прикрыла глаза, чувствуя, как сердце обливается горячей кровью – *возможно, такими и должны быть настоящие приключения?*

Но не тут-то было: поначалу ошеломивший меня факт поцелуя уже через секунду растерял всё своё потенциальное обаяние и, более того, вызвал у меня резкое отторжение. Ведь я кое о чём вспомнила. Вернее, кое о ком.

О холодном и строгом юноше, на которого с какой-то радости повесили судьбы мира.

Эта мысль была максимально внезапной, но... Именно появившийся перед моим внутренним взором Артур Ван Хофф Эдинброд в мгновение ока заставил меня прийти в себя, вздрогнуть и отстраниться.

Борис попробовал придвинуться ближе, но я ещё резче рванула назад, чуть не ухнув в бассейн.

– Не надо.

– Почему?..

– Просто не хочу.

– Хм. О'кей, – Борис кашлянул и отодвинулся. Взъерошил волосы и, подумав, подмигнул мне, мол, зря ты так, конечно, но я не обижаюсь. – Однако помни, Вилка, всё случившееся с нами – тайна! Тсс-с-с... – лукаво приложил он палец к губам.

А потом встал и за два быстрых шага скрылся в правом коридоре.

– Вилка! – тотчас услышала я негромкий оклик вдалеке.

И из-за левого угла вылетел маленький шарик-пульсар. Он подлетел ко мне, прочертил вокруг меня дугу, как спутник планеты, и с ликующим визгом унёсся обратно во тьму. Не успела я подскочить и хоть как-то пригладить волосы, поправить долбаную тогу, как шарик вернулся.

На сей раз за ним шёл Артур.

– Ну привет, фамилляр, – ровно сказал он, оглядев меня с головы до ног.

Лёгкок на помине.

19. Время взяться за ум

Представляю, как я выглядела. В простыне, с разбитым носом, босиком и с таким характерным блеском в глазах. Ещё минуту назад он родился как блеск ликования, но теперь стремительно превратился в отблески стыда.

Стыда, разъедающего, как кислоты в фильмах про психопатов.

Артур молчал, продолжая смотреть на меня в упор. От него не укрылось ни моё тяжёлое дыхание, ни припухшие губы.

– И тебе привет, Артур, – наконец выдавила я. И, поскольку он не спешил с ответной репликой, сдавленно добавила: – Наверное, я должна попросить у тебя прощения.

Уточнять, за что, я не стала. За всё сразу. Пакетное предложение.

Эдинброд нахмурил брови.

– При чём тут прощение? – раздражённо процедил он. – Мы не друзья. Не родственники. Просто вынужденные партнёры в неприятной игре. И вроде как собирались сотрудничать. Я просил тебя поступить определённым образом. Ты проигнорировала эту просьбу. Что ж... Я сделал выводы. А извинений не надо. Они интересны только от тех, к кому ты равнодушен. Занимайся дальше, чем хочешь: мне всё равно.

Он говорил, а я медленно заливалась краской. В носу щипало. К горлу подкатил комок.

– Чтоб ты знал, я занималась тем, что пыталась выведать информацию о том, куда попала и чьим фамильяром стала! – неожиданно взбрыкнула я. – Ни ты, ни твои idiotские соотечественники не спешили делиться со мной сведениями, тогда как дураку понятно, что сплетни об *апокалипсисе*, – я выделила это слово, – на пустом месте не рождаются! Я просто хотела узнать о тебе побольше!

– Перепихнувшись с другим? – зло уточнил Эдинброд.

Вот это он зря сказал.

Зря-зря-зря.

Я зарычала, готовая вцепиться ему ногтями в лицо:

– Ты должен был мне всё рассказать, придурок! Ты вёл себя просто бесчестно, укрывая от меня *такое*!

– Ничего я тебе не должен! – рявкнул он в ответ. – Тебя здесь скоро не будет, какая тебе разница? Меньше знаешь – крепче спишь!

– Иди к чёрту! Это мне решать: я имела право на свободу выбора – знать или не знать! А вы тут все ходите, закрыв глаза, рот и уши, как те дурацкие обезьянки, и если бы не нимфин, я бы вообще была не в курсе ваших грандиозных проблем!

– Вот и отлично, говорю же! Провела бы этот месяц как отпуск, без лишних нервов! – Артур сжал кулаки.

– По-твоему, недомолвки способствуют спокойствию?! Да ты вообще ничего не понимаешь!

– А слабо было *ещё* раз меня спросить, раз тебе так приспичило?! Вместо того, чтобы соглашаться с моими планами, а потом уходить на вечеринку к главному козлу всех миров?!

– Твоими *планами*? Скорее, твоими запретами! – Меня уже всерьёз затянула истерика. – А я ненавижу запреты! Хочу свободы: сама решать, куда идти, что узнавать, чем заниматься!

– Ах, запреты тебе не нравятся, значит? Свободы возжаждала?! А ничего, что ты в чужом мире? И не знаешь чёртовых местных правил? Как ещё я должен был обеспечить твою безопасность?!

– И мы снова возвращаемся к тому, что кое-кому надо научиться давать нормальные объяснения! А то: сюда нельзя и сюда нельзя, а ещё я хрен-с-два скажу тебе, кто я такой! Ну почему ты просто не рассказал мне о том, что тебя всерьёз считают мессией?!

– Потому что не хотел! – заорал он. – Знала бы ты, *как* я ненавижу всю эту ситуацию!

Этот крик был настолько отчаянным, что я замерла на полушаге. Во время перепалки мы постепенно сходились, как дуэлянты, которым забыли дать револьверы. И в итоге стояли теперь почти вплотную друг к другу, тяжело дыша. Я с яростью смотрела на Эдинброга снизу вверх. Он отвечал мне таким же гневным, полыхающим взглядом.

Несколько секунд мы молчали, и эхо последней реплики будто плясало под готическим сводом коридора. Наконец я опустила глаза. Артур отвернулся и сделал шаг назад.

Потом кашлянул, пригладил волосы и скрестил руки на груди.

– Ты идти можешь? – уже спокойно, хотя и сипло, спросил он, посмотрев на мои расквашенные колени.

Я кивнула.

– Тогда пойдём. И где твоя одежда? В смысле, – спохватился Артур и задиристо прищурился, – мне *плевать*, где твоя одежда, но скажи: она завтра не окажется вывешенной на флугере главного здания или что-то вроде того?

Я содрогнулась:

– Нет. Думаю, не окажется.

– Хоть одна хорошая новость.

Я вздохнула и, помявшись, поковыляла вслед за ним, как зомби. Узрев это печальное зрелище, Артур тотчас остановился и тихо выругался.

– Ты похожа на побитого котёнка, – процедил он.

Его ладони загорелись мягким синим светом. Я отшатнулась, но Артур подтянул меня к себе за плечо и провёл рукой по лицу, а потом, наклонившись, по ногам.

Раны затянулись как миленькие.

– Спасибо, – буркнула я.

Он не ответил. В молчании мы спустились на десятый этаж. Пришли в спальню. Я сходила в душ, потом устроилась в вольере и отвернулась к стене. Артур погасил свет, оставив только ночник на столе. Я долго не могла уснуть. Он что-то писал: скрипело перо, шуршала бумага.

А потом я заплакала.

Тихо, изо всех сил стараясь, чтобы меня не услышали. Долбанные слёзы просто вытекали из глаз и заливали подушку.

Причиной было всё и сразу. А поводом, как ни странно, – одна случайная шутка. Я никак не могла выкинуть из головы фразу, брошенную Борисом, – о том, что всё это «попаданство» может быть лишь галлюцинацией погибающего мозга...

В смысле: господи, как я *далеко от дома*. И, конечно, хочется назвать это всё игрой, приключением, но спускается ночь, остаёшься один, и холод сжимает сердце.

«Мир – это сон Брахмы», – говорят индуисты о нашей вселенной.

«Бог спит и видит нас во сне», – утверждает философ Джордж Беркли.

Если этот мир – сон, а Борис тут бог – это очень опасное место. А если бог тут я сама, то ко мне возникают вопросы: зачем я придумала Судный день? Последний приказ «умри за меня»? Студента, на чьи плечи взвалили ответственность за спасение... всех?

Перо перестало скрипеть.

– Фамильяр, ты что, плачешь?

– Хр-р-р... – Я опомнилась и быстро сменила тональность на храп.

Ещё какое-то время затылком я чувствовала, что на меня смотрят. А потом перо закричало вновь.

А я и впрямь уснула.

* * *

Следующие два дня я провела в одиночестве.

Когда я проснулась, Артура в комнате не было. Только записка: «Ты хотела свободы? Возрадуйся: в ближайшее время ты предоставлена сама себе. Мне придётся попросить тебя уделить мне время лишь в конце недели: расскажу про грядущий экзамен. И да. Там снова будут запреты и правила, представляешь? Придётся уж потерпеть».

Я покачала головой.

Жаль, по почерку нельзя было понять интонацию. Злость? Язвительность? Добрая насмешка (это, конечно, вряд ли: ведь мы так и не помирились, и что-то мне подсказывало, что Артур не из тех, кто наутро после ссоры просто «забывает» о ней)?

Но так или иначе, а рядом с запиской лежал значок с гербом университета, являющийся пропуском в библиотеку.

Будь у горгульи-охранницы локти, она бы их искусала, когда я гордо и полноправно прошла в читальный зал.

«Привет, Инес, – написала я в журнале, используя свой лучший почерк. – Ты могла бы дать мне какие-нибудь книги, которые рассказывают о порядке проведения экзаменов? И что-нибудь бытовое о вашем мире, с глобальным ужасом, кхм, разобрались... И о фамильярах, да. Спасибо!»

Глухонемая Инес, кажется, обрадовалась такой смене моих интересов. Она не возражала против того, чтобы я брала учебники с собой.

Весь день я шастала туда и сюда между тремя опорными пунктами:

1. Библиотека – оплот знаний и дружелюбия Инес;
2. Сироппинг – моё любимое место, ибо там идеально кормили, а кофейник наполнялся сразу же, едва ты допивал ароматное, чудное варево;
3. Лужайка с фонтаном – там я мимикрировала под прочих студентов, готовящихся к экзаменам. Тюленьё лежбище, только с книжками, ага.

Самое прекрасное, что у меня за спиной никто не хихикал. Никто не узнавал во мне Ту Самую Землянку. Достичь этого оказалось просто: всего-то и потребовалось, что надеть традиционный университетский джемпер, нацепить на грудь значок, стянуть волосы в хвост и – да – везде ходить, уткнув нос в учебник... Что отлично коррелировало с моими планами.

Вскоре я знала о повседневности мира Гало примерно столько же, сколько знаю о своих любимых книжных мирах: о Средиземье, Хогвартсе, Ехо и Лайонассе.

Однако мои знания отличались изрядной хаотичностью.

Например, я теперь была в курсе, что:

– две младшие луны называются Крик и Надежда, первая исчезает с орбиты в августе, вторая – в ноябре;

– ни разу ещё фамильяром мага не был человек, но дважды был эльф, и оба раза дело заканчивалось свадьбой;

– в мире всего три государства с нормальной природой и приятным климатом, остальная планета – пустоши постапокалипсиса, привет Тварям;

– столица находится в двух днях пути от Форвана;

– тут есть воздушные шары и подводные лодки (ого!);

– весь кофе здесь обработан по тому же принципу, что и наш «копи лювак»; то есть с помощью прожорливых куниц и ферментации в их желудках.

(Читая этот факт, я поперхнулась. Но лювак, вообще-то, крутой. Местный кофе тоже. Долой брезгливость.)

На второй день я так перебрала с информацией, что уснула прямо в спальне Артура за столом. А проснулась – у себя в вольере. И – волшебство – обнаружила, что одна из взятых мной книг об экзаменах поменялась на другую.

«Она лучше» – было скупое написано на бумажке, вложенной между страницами.

Я улыбнулась.

На следующий день я повторила тот же маршрут. Причем с большим удовольствием. Библиотека, Сироппинг, фонтан. Для перемещения я пользовалась флигельными порталами и боковыми лестницами – соваться на первый этаж после ночи ангелов мне как-то не хотелось. Плюс там было слишком много людей: уже начались экзамены. Периодически кто-то орал. И рыдал...

Вечером я поняла, что надо сходить к Борису – забрать у него свою одежду. Но финансиста не оказалось в спальне. Зато там почему-то нашёлся Иньч, Младший Мёрклый. Он валялся с трубкой на диване и с неохотой поднялся, чтобы выдать мне вещи.

– А где Борис? – удивилась я.

– Отчёты повёз в столицу, как обычно. Пока его нет, я у него тусуюсь, рыбок кормлю, – кивок на аквариум.

Я подумала, что если этих рыбок до сих пор не прикончили дымные вечеринки, то сутки-другие без еды их тем более не убьют. Но о'кей.

Я поблагодарила Иньча и пошла к выходу.

– Эй, – окликнул он меня на пороге. – Бор попросил не болтать, и я не буду. Мне пофиг на чужие сокровища. Но... А тебе-то зачем эти кристаллы? Ты же собираешься свалить? На Земле они вряд ли нужны.

– Ты вообще о чём? – обернулась я, вскинув брови.

Видимо, физиономия от неожиданности у меня стала настолько зверская, что Иньч поднял вверх раскрытые ладони:

– Понял, забей! Я чисто из любопытства. Ты крутая, Вилка. На вечеринке бы не сказал, но...

Брови уехали на затылок.

– Молчу, – сказал Иньч и спрятался за клубами дыма.

Я ушла в некотором смятении. Что им там Бор про меня наплёл? Какие такие кристаллы? Ох, вернись у меня, землянин!

...И вновь я задремала за книгами. М-да. Организм явно воспринял чужую сессию, как собственную. И подключил все усвоенные в прошлом привычки.

Но на сей раз я проснулась в тот момент, когда кто-то поднял меня на руки и понёс в вольер. Я открыла глаза.

– А, ты не спишь, – сказал Артур, тотчас равнодушно сгружая меня на пол (хорошо хоть не бросил).

Лицо у него было из серии: скорее сдохнет, чем улыбнётся.

– Я многое выучила, – зевнула я, плюхаясь на свою койку. – Теперь тебе не придётся рассказывать мне об экзаменах. Но вот практика нужна, чтобы мы ничего не запороли.

Эдинброд склонил голову набок, прикидывая, как лучше ответить на мою деловито-дружелюбную интонацию.

– Начнём практиковаться на днях, – кивнул наконец он.

А меня вдруг пробило:

– Артур, мне жаль, что я тогда молча ушла на вечеринку к Борису. И нарушила твою просьбу о том, чтобы вернуться до полуночи. И... наорала на тебя за то, что ты не рассказал мне свою историю. Прости. Ты имел право молчать.

Он вздохнул и пожевал губами.

– А ты имела право знать. И про Судный день, и про странности университета – ангелов и всё такое... Так что тоже, – он поморщился, – прости.

Мы чинно кивнули друг другу, принимая извинения.

Мне казалось, у меня с плеч не то что камень упал – целый пик Маттерхорн, не меньше. Артур тоже повеселел.

Он осторожно сел на кровать рядом со мной. И, поколебавшись, спросил:

– Вилка, почему ты плакала той ночью?

– Я не плакала.

Эдинброд сощурился.

– Я маг вообще-то. У меня отменный слух.

– А это как связано?

– Ты плакала из-за Бориса?

– Конечно, нет.

– Но ты ведь была с ним? До того, как я нашёл тебя?

Фак, ну опять.

– Да, – поморщилась я.

– Понятно.

Эдинброд замолчал. А потом вдруг протянул руку вперёд и коснулся моего носа. Осторожно пощупал хрящик. Я с подозрением скосила глаза на его пальцы.

– Много крови было, да?

Я непонимающе кивнула. Артур поджал губы и встал.

– Пойдём. Я хочу тебе кое-что показать.

20. Прибрался

Времени было около двух ночи.

Поэтому, когда Артур решительно двинулся к порталу, ведущему на первый этаж, я, наученная горьким опытом, сказала:

– Эй, стой! Там же ангелы, – пояснила я, как неразумному. – Комендантский час, всё такое.

– Уж *я-то* знаю, – фыркнул Эдинброг. – Не учи учёного!

Он вспрыгнул на бортик фонтана и демонстративно постучал по лепестку лотоса:

– В тему о знаниях. Ты же вычитала, среди прочего, что эти цветки *записывают* все перемещения студентов?

Я кивнула. Это действительно было так: порталы оказались с гнильцой, как некоторые интернет-программы, подло сливающие ваши данные тем или иным организациям, в зависимости от того, кто больше заплатит. В данном случае информация шла напрямую в кабинет ректора: регистрировалась там в магическую кляузную книгу и затем применялась в качестве улики. И, потенциально, как реалити-шоу.

Собственно, узнав об этом, я заволновалась: ведь мы с Борисом оставили ангелов в клетке, а за порчу университетского имущества в крупных масштабах предписывались очень, очень неприятные наказания... Но ко мне никто не приходил с обвинениями, и поэтому я решила, что Борис как-то там разобрался.

Бор – он такой. Инициативный.

– Поэтому вчера, – продолжил Артур, рассеянно поглаживая белые лепестки, которые под его колдунской рукой как-то почти сладострастно мерцали, – когда я пошел искать тебя, все мои телепортации оказались на виду. В том числе те, что ведут к ангелам – там я искал тебя в первую очередь. А вот на землян наша система не реагирует, – он цокнул языком. – И вы с Борисом для телепортов – невидимки. Никто не знает, что вы были на первом этаже.

– Та-а-а-ак? – протянула я, начиная подозревать, в какую сторону сейчас пойдёт диалог.

– К счастью, система не оповещает ректора о мелких нарушениях. Ему нет нужды просто так лезть в Книгу Телепортов. Но если бы утром оказалось, что какой-то бесстрашный самоубийца устроил шухер среди ангелов-стражей, ректор бы непременно полез проверить, кто это был.

Я нахмурилась, глядя на мрачного-мрачного Артура.

– Ты хочешь сказать, что это *тебя* наказали вместо нас?

– Нет, меня не наказали, – с ненавистью процедил Эдинброд. – Потому что я... – он судорожно вздохнул, – *прибрал ваш бардак*.

И в воздухе явственно проступили очертания всех невысказанных им после точки матерных слов.

– Оу, – сказала я.

А сама подумала: и как он нас не убил тогда? Представляю, каково это – помогать скрыть следы преступления тому, кого ненавидишь, и той, что пошла с первым на вечеринку.

– Спасибо? – вновь сказала я вопросительно.

– Ничего подобного. На сей раз ты так просто не отделаешься, Вилка. Борис – тем более.

– Мстить будешь? – предположила я.

Он оскорблённо поморщился. Что есть, то есть – у думающих слоёв населения слово «мечь» давно стало признаком мелкой душонки. Ибо душа широкая легко переступает через идиотов и живёт дальше, не тратя себя на сведение счётов.

То есть мстить-то по-прежнему, может, и хочется. Но лучше не надо. И вслух говорить об этом точно не стоит: вместо аплодисментов получишь совет обратиться к психологу.

– Объясню позже. Сейчас продолжим экскурсию. Тебе стоит узнать кое-что о Борисе и его... джентльменстве.

Мы воспользовались лестницами – несколькими штукаами по очереди, после чего вломились на кафедру Зоологии – Артур беззастенчиво вскрыл замок заклатьем. Там, как и во вчерашнем хранилище, располагалось некоторое количество клеток – кабинетные образцы.

Эдинброд подхватил с этажерки лампу, в которой сияли сонмы светлячков (как по мне – весьма лицемерный фонарь для зоологов, ну да ладно), и подвёл меня к дальнему углу помещения.

Там на столике стояла вытянутая клетка с песком на дне. На сей раз миниатюрная. На стене над ней висела табличка: «Смертельно опасно!»

– Знакомая штука? – спросил Артур. Я кивнула.

Эдинброд взял со стола перочинный нож и уколол палец. Выступила капелька крови. Артур вытер её о тяжёлое папье-маше в виде гранитного филина. После чего открыл решётку на клетке и положил птицу внутрь. Закрыв решётку. Поставил на часах таймер на полторы минуты.

Он и не думал объясняться.

Тогда я просигналила ему бровями: «Эй, что происходит?» И пока часы тикали, колдун монотонно, как в полицейском отчете, угадал-обрисовал мне наш с Борисом путь той ночью:

А) Суетливый сбор врагов для погони;

Б) Ох! Вилка падает в темноте на незнакомой ступеньке, о которой Бор забыл предупредить!

В) Ох! У Бора идея! Щас он всех спасёт!

– А потом ты, раненая, находилась в клетке, подманивая ангелов, а он, наверное, ждал снаружи, да? Ну или зашёл и сразу выскочил... – Артур расчистил себе место на кафедре и теперь сидел на столе, зажав светлячковую банку между коленей. Освещение снизу – как фонарик в детском лагере – придавало рассказу привкус страшилки.

– И при этом тебя не смутило, – продолжил студент, – что якобы пустая клетка была заперта на сигнализацию.

– Ох, – сообразила я.

Это и впрямь было странно.

Таймер сработал...

– Смотри, Вилка.

Я во все глаза уставилась на наш демонстрационный образец. Как той ночью, песок в нём начал подниматься смерчем. Воздух – явственно густеть. Появилось ощущение чьего-то присутствия. Мурашки схватили меня за горло.

Каменная сова – определённо неживая – стала дергаться туда и сюда, мигая. Долбиться о прутья решётки. Чуть крошиться.

– Чёрт, – я обомлела. С ангелами происходило то же самое, но я думала – виновата их магия и мой страх.

А потом вдруг – *бум* – совершенно беззвучный и жуткий взрыв чёрного света. Будто в клетке возникла черная дыра, в мгновение ока поглотив и сову, и капельку крови Артура... Секунды тьмы – полнейшей, беспощадной – и свет вернулся. Песок тихо осыпался, будто дождь.

В клетке было пусто.

Я медленно повернулась к Артуру за дальнейшими объяснениями.

21. Этот парень врёт

Эдинбруг пожал плечами:

– Как ты уже догадалась, сущность в клетке реагирует на кровь. Если сущность поглощает человека, то после взрыва остаётся чистейший бриллиант. Если животное – сапфир или изумруд. А если Оживлённого – как ангельскую статую, например, – то получается магический кристалл, который мы называем *цэйрой*.

Мне сразу вспомнился вопрос Иньча: «А тебе-то зачем кристаллы?».

– Продолжай, – попросила я со вздохом.

– Расставшись с тобой у портала, Борис вновь спустился на первый этаж в Зоохранилище и подобрал с песка десять цэйр.

– А как же другие ангелы? Его не поймали?..

– После вашей пробежки уже не осталось никаких ангелов, Вилка.

– Как это? А от кого мы прятались? Плюс, я сама видела в коридорах целую толпу этих ангелов в предыдущие дни!

– Да ни от кого вы не прятались, Вилка! – застонал Артур, одновременно постукивая указательным пальцем по виску – мол, пора включать мозг. – Борис просто нашёл повод увести тебя от клетки. Максимум от меня – ведь я тоже там где-то бродил. Что же касается остальных стражей на постаментах – вместо них уже три года как стоят наколдованные фальшивки. Потому что этот трюк с клеткой уже проворачивали в университете, и не раз... Однако в те разы участники понимали, что делают, и осознавали риски. И всё высчитывали по хронометру, а не полагались на удачу, которая вполне могла оставить меня с бриллиантом вместо фамильяра... Точнее, не меня, а Бориса. Тебе, знаешь ли, повезло. Искать бы тебя никто не стал: таинственная землянка пропала бы так же внезапно, как и объявилась... Ты бы закончила свой путь в пропылённой лавке столичного ювелира, на бархатной подушечке, принеся бухгалтеру Отченашу ещё немного наличных, и всё.

Мягко говоря, я была в шоке от такого сценария. Кончики пальцев онемели, в горле встал комок.

Раздражённая и испуганная, я только буркнула:

– А ты бы только обрадовался, да? Надо же, как сочно расписываешь.

– По-моему, ты путаешься в злодеях, – огрызнулся Артур.

Я выругалась.

При мысли о том, что я могла остаться в эпицентре взрыва, меня нехило так передёрнуло. Чёрт. Борис. Чёрт! Мне стало дурно и мерзко от мысли, что моё спасение с самого начала было ложью. С другой стороны, Бор ведь не мог знать, что я побегу к portalу.

Ага.

Я подошла к Артуру, сидящему на столе с банкой светлячков, и обвинительно ткнула двумя пальцами ему в грудь. К моему удивлению, в кончиках пальцев отдался бешеный ритм, который отбивало его сердце.

– Неувязка, Эдинброг. Как Борис мог сообразить всё это на ходу? В смысле, я поняла, что у вас тут уже случались такие кражи, и, вероятно, Борис о них слышал. Но вот так досконально всё воспроизвести?

– Не «слышал», – Артур вскинул брови и, сжав мои пальцы, педантично убрал их со своей рубашки. – «Участвовал». Раньше кристаллы воровали мы с ним на пару. И это я придумал план кражи.

Даже так?..

Я поражённо моргнула, не зная, что ответить, а Артур, скривившись, прыгнул со стола и пошёл к выходу, как будто разговор был окончен. Но меня это определённо не устраивало.

Я поскакала за ним и вцепилась ему в рукав:

– Уж изволь продолжить!

И пока мы шатались по ночным, удивительно мирным коридорам университета (только тихое сопение доносилось из спален), Артур говорил.

– Когда-то мы с Борисом дружили. И с учётом того, что он счетовод, а я – творец, – это он умудрился произнести с поразительным апломбом, – нам нравилось придумывать всякие махинации с серьёзной финансовой и магической выгодой. Кража кристаллов-цэйр была одной из таких шуточек. Как видишь, удачной – уже три года прошло, а никто до сих пор не пронюхал, что половина стражей на постаментах – фальшивки. В этом плане ты оказалась наблюдательней всех, когда обратила внимание, что часть ангелов улыбается... В оригинале-то улыбались все. Только я умудрился это упустить, когда создавал дубликат.

– Никогда Штирлиц не был так близок к провалу... – пробормотала я. – Так, ну а в этот раз ты сообразил им улыбочки прицепить?

– Это не смешно! – вскинулся Эдинброг. – Но да, приклеил. В общем, в тот год мы с Борисом украли полсотни цэйр. Поделили пополам. Он хотел сразу же украсть ещё – подменить всех ангелов, но мне показалось недальновидным оставлять Форван вообще без ночной охраны. Поэтому мы ограничились пятьюдесятью. Позже, вопреки своему желанию, Бор не мог повернуть этот фокус в одиночку – кто-то должен был закрыть клетку, а его новый дружок Иньч трусоват для подобных игр. Сам Бор тоже не хотел стоять в роли раненой приманки. Так что с тобой Отченашу повезло... Приятная случайность в виде чокнутой девицы, не знавшей о комендантском часе, ну а потом – ложь, нахрапистость, импровизация. Короче, Вилка. Не буду ходить вокруг да около. Я хочу, чтобы ты добыла мне кристаллы, украденные Борисом в этот раз.

– Э-э-э-э...

Это был не тот поворот, которого я ожидала.

У меня в голове заиграла типичная музыка из фильмов о криминальных разборках.

– Зачем они тебе?

– Просто так. *Хочу*, – нагло ответил Артур и скрестил руки на груди. Издевается, зараза. Проучить решил. – Вот ты на вечеринку хотела, а я хочу кристаллы. К тому же, неужели тебя саму не бесит, что Бор вот так воспользовался тобой? А так – смотри, уже потихоньку собираешь коллекцию артефактов... Ты ведь жемчужинку ещё не потеряла, я надеюсь? Будут тебе сувениры по возвращении.

– Хм, – сказала я. – Хорошо, предположим. Но как мне достать эти цэйры? Говорят, Борис вообще уехал в столицу. Может, он их с собой взял и уже продал.

– Нет. Точно нет. Их так просто не сбудешь. Товар слишком специфический, придётся с кем-то договариваться.

– Почему ты сам их у него не отберёшь?

– Во-первых, это неинтересно. Во-вторых, учитывая наши с Борисом отношения, я могу немного увлечься, – и тогда придётся закапывать труп. А мне бы не хотелось в ближайшие несколько недель вылететь из университета. Сколько бы людей ни считали, что меня как ложную надежду и шарлатана нельзя брать в расчёт, я однозначно собираюсь с блеском закончить эту чёртову учёбу, пойти в Антрацитовую библиотеку, изучить там отцовское плетение и засунуть всех этих Тварей в такую задницу всея Вселенной, что они больше никогда оттуда не выберутся, – достаточно агрессивно закончил Артур.

У меня возникло ощущение, что задницей он грозился не только потусторонним монстрам.

– А что ты будешь делать потом? – Я внимательно посмотрела на него. – Ну, когда исполнишь свою великую миссию?

«Если исполнишь» я тактично говорить не стала.

– Не знаю, – слишком быстро ответил Эдинброд. – Потом придумаю.

Но странная тень, вдруг мелькнувшая у него в глазах, дала мне понять: этот парень врёт. Для себя он что-то там уже решил.

Интересно, что?..

22. Полёты на нойдиче

Очередное утро началось с того, что в меня швырнули тюбиком солнцезащитного крема.

– Подъём! – грозно воскликнул Артур после того, как я, к его вящему изумлению, проигнорировала прилетевший снаряд.

– Мы не в армии, эй! – простонала я, ещё глубже закапываясь под подушку. – Можно как-нибудь понежнее?..

– Понежнее было в семь утра, когда я сказал тебе «Доброе утро». Чуть менее нежно – в девять, когда я спросил: «Разве не ты сама хотела тренироваться?» А сейчас уж, прости, время крайних мер под названием «полдень».

– Серьёзно? – Я одним глазом выглянула из-под подушки.

Не то чтобы глаз у меня был на стебельке, как у улитки, но определённое сдвигание наволочки в плоскости диагонального сечения... Ох. Запуталась. Неважно.

Доброе утро!

Ну или добрый день, раз...

– Да, уже полдень, – подтвердил Артур. – Причём полдень, ознаменованный дурными вестями. Сегодня утром вывесили расписание экзаменов, и первый ждёт нас гораздо раньше, чем я надеялся.

Чиж, пролетавший мимо распахнутых во всю ширь французских окон, в ответ на эту информацию присвистнул от изумления: вот время летит!

Эдинброк проследил за ним взглядом, полным симпатии. Уже очень бодрый и подтянутый, он стоял на пороге между комнатой и балконом. Занавеска плескалась у него за плечами, как плащ какого-нибудь супергероя. За спиной у мага разливалась такая благодать, что я тотчас устыдилась своего излишне долгого сна.

Ослепительно-сочные, жаркие столбы света пронизывали редкие белые облачка и проливались на землю галианскую, как гимн июню... Оглушительно щебетали птицы. Пионы благоухали и приветливо кивали огромными головами. Из Сироппинга, радости моего сердца, доносился прельстительный аромат выпечки и кофе – ему для этого приходилось огибать немалое количество шпилей, но он очень старался.

Я сладко потянулась и уточнила:

– А какой экзамен поставили первым?

– Боевая магия. И, кстати, утром была жеребьёвка, – благостное лицо Артура несколько помрачнело. – Судя по всему, удача моя опять отправилась погулять, – продолжил студент. – Потому что мы будем сражаться с Капризом и его пумой.

Вот тут-то я и села в кровати. Восстала так траурно, что гоголевская панночка из старого советского фильма мной бы гордилась.

– Щито? – поперхнулась я.

В ответ на мой жалобный писк Эдинброд только развел руками.

Ох.

Чтобы вы понимали – а то с некоторых пор я знаю о мире Гало побольше вашего – экзамен по боевой магии представляет собой турнир. Я бы сказала, рыцарский – вот только вместо коней фамильяры, а вместо пик – смертельные заклинания.

В теории, хорошую оценку можно получить, и проиграв первый бой, но тогда проиграть его надо хотя бы красиво...

А в случае эпического столкновения «Вилка против пумы» об изяществе говорить не приходится. Так что да, кажется, придётся поучиться как следует.

Что же касается кристаллов-цэир, то мы с Артуром договорились, что их добычей я займусь позже, когда Борис вернётся в Форван. Что как бы и логично.

А пока что я подобрала тюбик, валявшийся у меня на одеяле, и нахмурилась:

– А зачем нам крем от загара?

– Ближайшие дни мы проведём в горах. Конечно, можно было бы пойти на тренировочную арену, но... Тогда все желающие увидят наши тренировки. Думаю, ты сама понимаешь, почему это плохо, – пожал плечами Артур.

Конечно, я понимала!

Спорт никого не красит, если не халтурить: физиономия красная, дыхание тяжёлое, пот заливает глаза, взгляд – как у окосевшей ламы... Ладно-ладно, шучу. На самом деле понятно, конечно, что секретные связки и техники боя лучше учить там, где никто их не подсмотрит. И не придумает контратаки.

* * *

Часом позже я в компании Артура и корзинки для пикника стояла на плоской и идеально круглой площадке позади главного здания Форвана. Она была покрыта белым мрамором, а красным мрамором в центре выложили большую букву «Н».

По понятным причинам у меня сразу возникла ассоциация с вертолетной площадкой, где «Н» означает «helicopter». Но вертолетов в мире Гало не было. Зато были *нойдичи*... Что, в принципе, почти то же самое, с поправкой на органический состав.

Артур, облачённый в переливающийся как рыба чешуя тёмно-синий тренировочный комбинезон, растянул между руками какое-то искрящее *плетение*, прокричал несколько слов, а после хлопнул в ладоши и пронзительно свистнул. Я смиренно стояла рядом. У меня был похожий комбинезон, но светло-жемчужного цвета. Его крой казался неожиданно футуристическим, и я в очередной раз поняла, что мне нравится контрастность мира Гало. После Того Самого Катаклизма, случившегося две тысячи лет назад и откинувшего развитие Гало, некоторые науки и сферы жизни здесь сильно отставали от наших, но другие заметно опережали земные и выглядели как привет из будущего.

Прошло несколько минут после произнесения заклинания, и вдруг вдалеке из-за кромки гор показался он... *Нойдич*.

А именно – галианская разновидность ездового дракона. От классических земных ящеров (ну как «земных»... сказочных) он отличался тем, что имел аж четыре крыла и огромные

грустные глаза, чем-то напоминающие стрекозиные. А ещё он был изумительного синего цвета. Каждая чешуйка плавно перетекала из мягкого лазоревого в глубокий густой индиго.

Птица счастья, если бы она существовала на самом деле, должна была выглядеть именно так.

Семеро таких нойдичей служили университету Форван – они жили под присмотром магастуха на Западном Плато, забавляясь там пожиранием овечек, но всегда честно прилетали на вызов преподавателей и старшекурсников. Эдакое бесплатное такси, которое следует только по одному маршруту: горы – Форван – горы, довольно непопулярному. Поэтому пользовались нойдичами достаточно редко. И в основном зимой: чтобы кататься на лыжах.

– Боишься? – спросил Артур, когда диковинный зверь, провыив что-то вроде приветствия, элегантно припал на передние ноги и опустил крылья, как трап.

– Ещё чего! Предвкушаю! – искренне отозвалась я.

И мы с Артуром поднялись на спину зверя. Спина оказалась широкая – хватило бы места и на троих, а гребни на ней располагались таким образом, что сидеть было весьма удобно. Артур устроился спереди, я сзади, а корзинку с ланчем и лимонадом мы любовно закрепили между собой.

И приличия соблюсти, и самое ценное сберечь.

– Empacsi! – приказал Артур, и нойдич, по-птичьи курлыкнув, взлетел...

23. Ты очень дерзкая, Вилка

Полёт на нойдиче полностью оправдал мои ожидания.

Я, знаете ли, обожаю летать. В больших самолётах, чтобы место обязательно было у окошка, чтобы смотреть на эту крохотную дырочку, которая есть в каждом иллюминаторе, – наблюдать, как вокруг неё конденсируется воздух, будто сам «Боинг» дышит восторженно при виде бесконечных кучевых облаков, или цветущих полей Голландии, или синей роскоши Тихого океана, или – редчайшая редкость, дар богов избранным – восхитительных переливов северного сияния...

Люблю летать и на маленьких «кукурузниках». Так, чтобы всё тряслось внутри, и добродушный пилот говорил тебе, пассажирке: на, поддержи штурвал, если хочешь, – и ты держишь и не понимаешь – это всё шутка? А он усмехается в усы, то ли потому, что ты *веришь*, что рулишь, то ли потому, что рулишь на *самом деле*... Помню, я так и не решила в своё время эту загадку – пришёл мой черёд пересечь салон и прыгнуть с парашютом.

Адьюс, ребята!

Парашюты, собственно, я тоже люблю. Когда сначала падаешь вниз, как безумный снаряд, неучтённая бомба, и щеки треплет ветер (они действительно колыхнутся! Какими худыми бы ни были – развеваются, как у несчастного лабрадора, высунувшего голову из окна автомобиля), а потом – рывок!! И над тобой стремительно раскрываются метры ткани... И всё вдруг замедляется, и ты плавно тянешь стропы туда и сюда, кружишься, как небесный укропчик, и холмы заваливаются вправо, потом влево, потом стремительно приближаются... Главное – не сломать себе ноги, приземляясь.

В общем, к полёту на галианском нойдиче я была готова на все сто процентов, чем немало удивила Артура.

Мне показалось, что взгляд обернувшегося Эдинброга наполнился каким-то новым уважением, когда мы взмыли, дракон сильно накренился, выходя на одному ему ведомую воздушную трассу, и я, вместо того, чтоб завизжать, радостно взвыла:

– Шика-а-а-арно-о-о-о! А можно ещё виражей?!

Кажется, наш лазоревый транспорт понимал человеческий язык, потому что дальнейший полёт до гор пестрел мёртвыми петлями и спиралями, «бочками» и «колоколами» – в общем,

всевозможными фигурами высшего пилотажа. Зелёные лужайки и синие озёра кампуса только и успевали мелькать подо мной, сменяясь поочерёдно то сизой короной гор, то бездонным колодцем неба.

Я была в полном восторге. Артур в какой-то момент весьма рискованно оторвал одну руку от гребня нойдича и быстро наколдовал вокруг нас страховочные ремни. Корзинку с ланчем трясло так, что наши яйца и яблоки грозили побиться до полного непотребства.

Но неважно!

Пронзительный день в начале июня, ледяной высокогорный воздух, весёлый дракон под ногами и мои ликующие вопли – я подозревала, что этот момент может оказаться самым счастливым за всё время моего пребывания в мире Гало.

Когда мы наконец приземлились посреди поля, заросшего клевером и жёлтыми лютиками, меня буквально не держали ноги. Артура, впрочем, тоже. Он слабо махнул нойдичу, что-то сказал на своём магическом языке, и дракон, вновь почтительно поклонившись нам, скрылся за горизонтом.

Мы же сначала сели на траву, а потом, оценив своё состояние, и вовсе легли.

– Меня тошнит, – сказала я таким идиотски-радостным тоном, будто это была лучшая новость дня. – Идеально!

– Ты весьма парадоксальный человек, Вилка... – пробормотал Артур, прикрыв глаза.

– Нет. Просто люблю американские горки.

– Что это?

Я рассказала.

Артур задал несколько уточняющих вопросов. Я с энтузиазмом углубилась в экскурс по миру земных развлечений.

Очень нескоро Эдинбруг спохватился, силой воли собрал себя в кучку, поднялся и сказал:

– Ну что, давай тренироваться?

– А может, ещё полежим? Так хорошо на солнышке...

– Хм. Ты знаешь принцип «подобное притягивает подобное»?

– Ммм. Ну да, – неуверенно кивнула я, не понимая, к чему он клонит.

– Полежим сейчас – будем потом ещё дольше лежать. После экзамена. В лазарете. Разбитые нимфином в пух и прах. Так что подъём, фамилльяр!

* * *

Мы практиковались без отдыха до самой ночи и вернулись в Форван совсем без сил.

Я давно не спала так крепко, как после этой тренировки. На следующее утро Артур заявил, будто во сне я требовала, чтобы меня превратили в нойдича – чтобы иметь возможность летать самой. Он сказал, что я вещала так убедительно, что в какой-то момент он чуть было не поддался на уговоры.

– Ты обещала, что если я полечу в горы *на тебе*, наши припасы для пикника не пострадают, а ты покажешь мне небо в алмазах, – ехидно докладывал он за чашечкой кофе.

– Какой позор... Спи в берушах, Эдинбруг.

– Что такое беруши? – любознательный, надо же...

И вновь день в горах. И второй. И третий.

И вновь тяжёлая, но интересная учёба.

На самом деле основных техник боевого взаимодействия колдун – фамилльяр существовало всего лишь около десяти. И все они оказались достаточно простыми, рассчитанными на интеллект пусть умного, но всё-таки животного. Поэтому с ними мы разобрались быстро.

Основная работа заключалась в том, чтобы выстроить стратегии битвы. Вот тут-то и крылось наше слабое место. Приходилось учитывать, что я, в отличие от нормальных спутников, не шустрая и не мощная, не вёрткая и не летающая, не могу спрятаться в кармане у Артура или спугнуть пуму (а заодно и экзаменаторов) поистине царственным рыком... Вместо этого я, по словам Эдинброга, наверняка буду провокационно торчать в центре арены и «всем своим видом буквально умолять вывести себя из игры первым делом».

– Да ладно, у меня далеко не такая вызывающая внешность, – проворчала я. – Я, знаешь ли, наоборот: «софт классик» по типологии Кибби. Сама умеренность. Лаконичные образы и низкий цветовой контраст: бежевенький, карамельненький, серенький...

Артура передернуло. Он определённо не был фанатом уменьшительных суффиксов.

– Не знаю, что такое типология Кибби, но да, Вилка, – ты выглядишь вызывающе. Дело не в колористике, скорее, – он задумался, смотря на меня внимательно, как на картину, – в твоей мимике. Жестикуляции. Позах. И, конечно же, речи.

– Хей, какого чёрта! Что не так с моей речью, чувак? – Я негодуяще подбоченилась и сделала эдакий рэперский взмах рукой.

Артур открыл было рот, чтобы терпеливо объяснить, но, увидев шальные искорки в моих глазах, только рассмеялся. Успех! Он начинает понимать мой юмор.

– Давай сделаем паузу и отдохнём, – сказал колдун, приближаясь к заветной корзинке с едой.

Мы разложили наши мятые, а оттого ещё сильнее благоухающие припасы на алом пледе и начали жевать. Почти сразу у нас появился идейный товарищ – лохматая рыжая корова, похожая на шотландскую породу из нашего мира, вынырнула откуда-то из-за скалы. Она постояла какое-то время неподалёку, обмахиваясь хвостом и пощипывая траву. Потом мы отсалютовали ей лимонадами, и корова, вздохнув, ушла.

– Приятно поест в хорошей компании, – хмыкнула я, как всегда после еды добродушная и разомлевшая.

Артур тоже был гармонично-благостен. Низкое солнце уже заигрывало со скалами, щекоча их то одним, то другим лучом, всё ниже и ниже. Скоро начнёт холодать. Прохлада одновременно с темнотой – вот слаженные хищники! – уже скапливались в низинах и ущельях, обдавали сердитым дыханием шею. Эдинброд уступил мне последнюю клубничку и... саму скатерть заодно.

– Накройся ей как шалью, если хочешь. Вообще наши комбинезоны греют, но...

– Кто же в своём уме откажется от шали, – понимающе кивнула я, принимая сомнительный дар.

Я обмоталась красным пледом, как плащом, и только вышитая золотая окантовка поблескивала по краям. Самой себе я нескромно напоминала «Мадонну канцлера Ролена» Ван Эйка. Этот фламандец, один из ярчайших представителей Северного Возрождения, одним из первых стал подписывать свои картины (прежде это не было принято) и усовершенствовал масляные краски так, что живописец и историограф Джорджо Вазари утверждает – он их в принципе изобрёл...

Между тем красная тряпка натолкнула меня на одну мысль касательно экзамена.

– Слушай, Артур, – пробормотала я. – А у вас тут, случайно, нет такой штуки, как коррида?..

И поскольку корриды в мире Гало ожидаемо не обнаружилось, я вновь принялась знакомить Эдинброга с «земляными обычаями». По итогам на основе моей идеи мы придумали кое-какой план.

Когда закат дошёл до своей самой сочной фазы, мы переглянулись, узрев окружившую нас красоту, и как-то дружно решили дожидаться в горах первой звезды. Или второй. Или

пятой. Сколько звёзд потребуется для истинной красоты пейзажа?... В общем, мы договорились побыть тут ещё немного. А потом уже возвращаться.

Мы сели рядом, любуясь природой и Форваном, раскинувшимся под нами, крошечным, будто игрушечным. Неразличимые чёрные пятнышки – фигурки студентов – пестрели внизу, как битые пиксели на экране.

– У меня в детстве была модель университета, – вдруг сказал Артур. – Маленькая, но детальная. Окна открывались, двери. Одного не хватало – людей. Я пробовал вырезать их из дерева, слепить из глины, сложить из бумаги – получалась полная ерунда. А людей хотелось... Без людей как-то всё не то. В итоге я их создал колдовством. Это было моё первое *сочинённое* заклинание. Шло трудно. Считай, на ощупь. Я потратил год – я был очень упрямым ребёнком. Никто не понимал, что я делаю: ну сидит за столом, ну чертит что-то... А когда человечки ожили... Ох, – он хмыкнул. – Прелестный был переполох, знаешь ли. Я тогда понятия не имел, что это считается чудом – создать что-то новое, что-то вне книг.

Он задумчиво замолчал.

Я улыбнулась:

– Наверное, так и свершаются все великие дела? Ты просто не знаешь, что какая-то вещь считается невозможной, упрямо берёшься за дело, не сдаёшься (не видишь для этого причин), и в конце концов вселенная – лёгкая на подъём дама – пожимает плечами: а почему бы и нет?

– А почему бы и нет, – с улыбкой откликнулся Артур. Потом, помолчав: – А расскажи мне о своей жизни, Вилка?

– Хочешь понять, отчего я такая дерзкая?

– Может быть.

– Расскажу. Если ты расскажешь в ответ.

– По рукам.

24. Не только маги бывают одиноки

...Несколько часов спустя Артур приподнял бровь и самодовольно сказал:

– Не забудь закрыть рот, когда на нойдича сядем. А то мало ли что там тебе в него залетит на ходу.

Я опомнилась и захлопнула челюсть.

– С ума сойти, Эдинброг! Да ты, оказывается, нормальный человек! А не замкнутая ледышка, каким кажешься...

– Интересные у тебя критерии, – хмыкнул он. – Но вообще, как по мне, нормальность – не комплимент. Кто в своём уме захочет быть посредственностью?

– Ты не согласишься... – с усмешкой покачала головой я.

На Земле, как помнится, хотел каждый второй. Ибо шаг вправо, шаг влево от принятой нормы – расстрел. И как бы ни бились в своих местечковых войнах те или иные отклонения от шаблона, как бы ни сочувствовало им всё больше людей, а всё же... До сих пор куда лучше быть обыкновенным, выбирать проторенную тропу. Мало кто из нас по-настоящему готов столкнуться с древним, под кожу лезущим, душу вытряхивающим неодобрением – ты не такой, как мы, вали отсюда, да пошустрее, ты странный, а странности хороши за стеклом.

В ответ на мой монолог Артур сорвал какую-то травинку и, протянув её между зубами – отметины резцов остались по всей длине, – бросил с обрыва, на котором мы сидели.

– Тоже верно, – сказал он.

А травинка, легко кружась, падала вниз, подхваченная ледяным ночным ветром. Звёздное небо колыхалось перед нами, мигая созвездиями, обрушивая кометы.

Как и договаривались, два часа назад мы с Ван Хофф Расслабленным обменялись краткими биографическими справками. Потом увлеклись и полезли в детали.

Так, я рассказала ему, как несколько лет моталась по разным околотурным проектам – то помогала восстанавливать старые усадьбы, то ездила в археологические и этнографические экспедиции, то даже – волнующий опыт – преподавала английский во вьетнамской школе, но сбежала оттуда из-за невыносимого одиночества... И огромных жуков, поселившихся в моей крохотной ванной.

После чего я осела в столице и стала фрилансером: выбирала проекты под настроение, чтобы никогда не скучать и не растерять собственные навыки. Это очень понравилось Артуру. Он долго вытягивал из меня подробности такой «свободной» жизни, удивляясь её разнообра-

зию и комфорту. Ещё сильнее его удивляло, что при такой свободе выбора я не выгляжу самым счастливым человеком на свете.

– Да нет, в целом мне нравится, конечно. Но... Глобально чего-то страшно не хватает.

– Чего? – заинтересовался Артур.

Я развела руками. Я и сама не знала.

– Может, любви? – кривенько улыбнулась я. – Ты говорил про одиночество магов, помнишь? Так вот, не только маги бывают одиноки.

Он серьёзно кивнул. И спросил-напомнил:

– Ты не рассказала мне про свою семью.

– Да здесь нечего рассказывать... Её у меня нет. Я сирота. Родители погибли в автокатастрофе, когда я была ребёнком. Росла у опекунов, от которых... Хм. Рада, что сбежала. Братьев и сестёр нет.

Артур смутился и нахмурился.

– Мне жаль.

– Мне тоже... Ну, зато ни у кого не случится инфаркта, если я вдруг от вас не вернусь.

– Почему ты думаешь, что не вернёшься? – опешил он.

– Да я не то чтобы думаю. Я просто иногда так глупо себя утешаю в любых непонятных ситуациях: раз я никому не нужна, то можно и не бояться. Не стесняться провалов и ошибок. Мне некого разочаровать, некого подставить. Коллективная совесть не слишком давит мне на спину – всякие коллеги и знакомые пытаются, конечно, учить меня своей правде («А где муженьк? А где детки? А не стыдно тебе одной в Аргентину ехать, лучше бы машину купила?»), но их я всегда могу послать далеко и надолго. А говори такое семья, мне бы было непросто. В общем, в любом случае, я сама по себе. Иногда это грустно, но в другие моменты весьма...

– ...Освобождающе, – вдруг закончил за меня Эдинброд. И после паузы: – Но скорее грустно.

И хотя это могло прозвучать бестактно, я поняла, что он говорит от сердца. Ему и впрямь жаль. Хотя у него, кажется, обратная ситуация с точки зрения того, *сколько* на него умудрилась взвалить общественность.

«А ещё одиночество – это страшная уязвимость, – подумала я, – потому что я рефлекторно тянусь к каждому, каждому, кто поманит... Не самая безопасная вещь – такая дыра в душе. Вот я и отгораживаюсь от людей шипами, язвительностью, иголками – не подходи, убью... Немногие рискуют все-таки подойти. И их можно понять».

Мы помолчали какое-то время.

– А ты чем занимался до Форвана? – Пришла очередь моего допроса. – Ты выглядишь старше других пятикурсников. Ты работал где-то после школы?

– Нет. Просто до того я учился ещё в одном университете. Он называется Галлак, находится в джунглях далеко на юге и специализируется на флоре и фауне. Я планировал стать ветеринаром, но... Потом, когда во мне почуяли великого мага, меня принудительно забрали в столицу. Долго изучали мои способности, думали, что со мной делать. А затем я поступил сюда, снова на первый курс – уже по другой программе.

– Так ты хотел зверюшек лечить? – умилилась я.

– В твоих устах это прозвучало как-то недостойно мужчины, – Артур хмыкнул. – Но в целом – да. Я люблю животных.

– И я люблю. М-да, в таком случае я представляю твое разочарование, когда в результате ритуала ты получил не тигра, а меня!

– Нет, не представляешь, – рассмеялся Эдинброд. – Но я надеюсь, что, когда мы с тобой разорвём нашу связь, мой тигр всё же прибудет ко мне.

– Ага, щаз! Твой тигр – это мой кот вообще-то!

– Не может быть. Когда его проверял колдун, ответственный за телепортацию, он был *ничейным* котом.

– И когда была проверка?

– За месяц до ритуала.

– Вот! Вот! Он успел стать моим! – триумфально запрыгала я. – Не отдам! Если, конечно, к моменту моего возвращения он вообще ещё будет у меня... Или у Марьи Петровны... А то, может, вообще сбежит, – я покачала головой.

– Так и хорошо, если сбежит. Всяко веселее, чем одному сидеть. Да и вообще... Неужели ты за две недели так к нему прикипела? – засомневался Артур.

– Естественно. За две недели я даже к тебе прикипела!

Зря я это сказала, наверное. Артур посмотрел на меня с таким удивлением, что я покраснела.

– А почему вообще ты хотел фамильяра-тигра? – спросила я, разбивая неловкую паузу.

Я уже знала, что для колдунов определяется возможный класс фамильяра в зависимости от их магического профиля, но в рамках класса они сами делают выбор животного.

– Просто в Галлаке у всех стражей были тигры, и мне они очень нравились, – поделился Артур. – Так что это скорее дань ностальгии.

– Ух ты. А расскажи поподробнее о том университете.

Рассказы Артура о его учёбе в Галлаке оказались просто замечательными. В них фигурировала компания лёгких на подъём друзей, множество студенческих приключений, розыгрыши преподавателей, отчаянные влюблённости, глупости, дерзкая охота на болотных гулей (читай, зомби) и многое другое...

Артур показал мне шрам в виде аккуратной дырки под ключицей – след от рога единорога, которого они как-то решили поймать.

Ещё – прядку тёмно-зелёных волос на затылке, такую тонкую, что, если не приглядываться, и не заметишь, – «подарок» от лесной ведьмы, которую Эдинброд умудрился разозлить тем, что обыграл её в карты.

А ещё – золотистый крестик-стежок на лбу под чёлкой. Сувенир с той ночи, когда они бегали наперегонки по острым крышам университета, пока в одном месте кровля не оказалась прогнившей, и Эдинброд не провалился прямо в кабинет декана. После чего не придумал ничего лучше, чем с помощью колдовства мимикрировать под гобелен на стене. Уловка сработала, но... Заклинание он закрепил криво. И ещё две недели ходил с вышитой задницей дракона во всю физиономию. А одна ниточка так и не исчезла даже годы спустя.

– Можно потрогать? – попросила я, и Артур, убрав со лба вечно встрёпанные волосы, чуть наклонился ко мне. От него слегка пахло свежескошенной травой и ещё чем-то терпким и неуловимым.

Я потрогала стежки. Пальцы не ощутили никакого крестика. Кожа и кожа. Гладкая. В исследовательском азарте я надавила сильнее и слегка потёрла.

– Эй! – возмутился Эдинброд. – Я тебе не счастливая статуя, чтобы меня полировать.

– Ну не скажи... Нас скоро ждёт первый экзамен, так что любые добрые приметы приветствуются! – подмигнула я, но руку всё-таки убрала.

– В нашем мире самая добрая примета – это накануне важного мероприятия увидеть мерцающее созвездие Анемона. И в этом смысле я уже спокоен, – Артур кивнул, указывая подбородком куда-то в безграничную черноту неба.

Видимо, созвездие было где-то там.

Но я не знала, где именно, и потому попросила подробностей:

– А что из этого – оно?

– Вон те пять лепестков под особенно яркой звездой, видишь?

– М-м-м. Не уверена. Нет.

Артур показал пальцем:

– У них ещё будто дымка в центре.

– А, справа от младшей Луны-Крика, что ли?

– Ох, нет, совсем нет... Давай так.

Эдинбруг поднялся, подошёл ко мне сзади, а потом сел вплотную, раскинув ноги по сторонам – будто мы устраивались в аттракционе-вагонетке один за другим. Потом Артур приобнял меня за плечи, потянулся вперёд, прижав свою щеку к моей, взял моё запястье и вытянул уже обе наших руки в небо...

– Зажмурь левый глаз. А я зажмурю правый. Тогда наши точки зрения почти совпадут, – проговорил Артур. Негромко, чтобы не оглушить меня – он был так близко, – из-за чего его голос прозвучал неожиданно мягко. От этого у меня внутри что-то тихо тренькнуло.

Я сделала, как он просил, хотя, признаться, в тот момент уже не так уж и думала о созвездии Анемона. Это непрошеное волнение, вдруг поднявшееся в груди, заставило меня замереть, почти не дыша. Во рту пересохло, сердце колотилось где-то в горле, и я тихонечко молилась всем на свете богам – единым, языческим, даже местному, – чтобы Артур не заметил моей реакции на его близость.

Но факт остаётся фактом: точность «небесных» указаний в такой позе была определённо лучше, и я в конце концов честно принялась искать небесный Анемон.

– Теперь видишь? – шепнул Эдинбруг, и его тёплое дыхание пробежало по моему уху.

– Да, – признала я с лёгкой горечью, потому что Артур теперь наверняка отодвинется, а мне, несмотря на всю неловкость, было странно-приятно так сидеть: лопатками чувствовать, как бьётся его сердце.

Но Артур не отодвинулся, как я ожидала. Он перевёл прицел наших рук на запад:

– А вот это – созвездие Киновари. Говорят, оно загорается в годы большой войны или большой любви. Киноварью звали девушку, дочь кузнеца, жившую в мире Гало двадцать тысяч лет назад...

А потом ещё созвездия. И ещё.

И ещё...

Мы опомнились только, когда далеко внизу, под нами, вдруг по секторам стал гаснуть свет на территориях кампуса.

– Скоро полночь, – со скрытым сожалением сказал Артур. – Нам пора возвращаться.

Он вызвал нойдича. Обратно мы летели неспешно и как-то даже сонно. Я обнимала Эдинбруга, сидящего впереди, и в какой-то момент вдруг решила положить голову ему на плечо.

– Какая ты тёплая, – сказал он, и голос у него был непривычно добрым.

Впервые за все дни в Форване я засыпала с улыбкой на лице.

25. Снова здравствуй, Каприз

В пятницу я проснулась от многоголосого пения флейт и рожков. Сразу пахнуло атмосферой Средневековья: таким гомоном раньше встречали знатных особ.

Артур тихо напевал что-то в ванной – и, чёрт возьми, обворожительно напевал. Я сразу же вспомнила, как в горах он нашёптывал одну за другой легенды о галианских звёздах, и в животе стало горячо. Подозреваю, в тот раз у него просто сел голос на холоде, но эффект впечатлял.

Кровать Эдинброга стояла разобранная, уютная, ещё не забывшая тепло человеческого тела. Я подошла к окну, отодвинула штору и выглянула.

Ого...

По главной аллее Форвана катились пять чудных карет, по форме напоминавших банные кадки. В каждой рядом с кучером сидело по музыканту, и именно от них доносилась эта духоподъёмная мелодия.

Из ванной тем временем вышел Артур с зубной щёткой наперевес.

– Экзаменаторы, – ответил он на мой немой вопрос.

– У них там в каретах вода? – любопытствовала я.

– Да. Передвижные бассейны.

(Потом объясню.)

Мы стали собираться. Формой одежды был всё тот же комбинезон, но сегодня к нему добавились ещё специальные ремни с отражателями и защитными рунами, и мне никак не удавалось правильно закрепить их.

Артур увидел мои мучения.

– Я помогу? – проговорил он с вопросительной интонацией.

Я кивнула. И вскоре, глядя на то, как ловко он управляет с амуницией, улыбнулась:

– Ты прямо мастер шибари.

– Надеюсь, это что-то хорошее, – сощурился Эдинброг, проводя последний ремень мне прямо под грудью и затем прижимаясь ко мне вплотную, чтобы затянуть его на спине и сцепить с остальными. От неожиданной близости я громко сглотнула.

– Слишком туго? – тотчас замер Артур.

– Нет, отлично.

– Хорошо, что отлично, – улыбнулся он и вдруг двумя пальцами легко, щеотно и игриво пробежал вдоль всего моего позвоночника... А потом отошёл как ни в чём не бывало.

И вот гадай – это был флирт или какой-нибудь там магический финал облачения.

* * *

Экзамен проходил на боевой арене.

Она напоминала перевёрнутую миску для салата и возвышалась, бликуя на солнце, в дальнем западном секторе университета. Туда стягивались толпы студентов и преподавателей. Турнир был красочным, многие приходили посмотреть на него, как на матч по особо жёсткому регби.

Арену засыпали кровопитывающим песком. Судьи расположились за пуленепробиваемой витриной.

Наш бой с Капризом и его пумой стоял в общем списке десятым, поэтому пока что мы с Артуром прошли на зрительские ряды. Солнце пекло нещадно. Птички пели, паря над нами наравне с облаками. Кто-то весело хрустел попкорном, другие пили ледяные шипучие лимонады.

Турнир начался ровно в девять утра.

Мой взгляд и так был прикован к судейской трибуне, а уж когда главный экзаменатор поднялся, чтобы торжественно открыть испытания, я даже моргать перестала...

Надо сказать, что испытания в Форване традиционно оценивали так называемые Безликие – эдакие лавкрафтовские существа, похожие то ли на медуз, то ли на кальмаров с белыми глазами.

Безликие были изначальными, исконными обитателями мира Гало. Они жили на дне океанов, а когда случился злокозненный апокалипсис, вылезли оттуда, пышущие недоумением. Галианцы, уже перебившие великих магов и решившие, что эти монстры, в свою очередь, уничтожат их самих, собрались поднять белый флаг.

Но вдруг Безликие прогудели:

– Планета умирает. Помочь? – немало тем самым всех удивив.

После чего диковинные железные богатыри помогли укрепить пригодную для жизни атмосферу на территории оставшихся стран. Они не стали возвращаться в океан – он уже тихо угасал, и вместо этого поселились в перламутровых лесах Га-Кчи-Бойо, где дождь идёт 363 дня в году, а деревья растут прямо из воды. Безликие время от времени являлись к людям с проверками: как там, новых диверсий против планеты не будет? И в конечном счёте это вылилось в то, что пятеро Безликих подвизались на роли экзаменаторов в Форване.

Конечно, наравне с ними студентов оценивали и преподаватели, но слово Безликих было важно. Они смотрели на происходящее по-особенному. С точки зрения выживания планеты, что было более чем уместно в Эпоху Заката.

Особенно сейчас, когда где-то там, в столице, всё меньше песка оставалось в верхней половине песочных Часов Судного Дня.

– Дорогие студенты Форвана, – балансируя на тонких белых конечностях, булькал главный монстр с помощью ротовой щели, расположенной прямо под глазами. – Сегодня мы оценим ваше владение боевой магией. Мы будем смотреть на разнообразие и виртуозность приёмов атаки и защиты, взаимодействие мага и фамильяра, обоснованность тех или иных шагов...

И, конечно, на победу. Если вы захотите сдаться – прикажите фамильяру выйти за пределы поля, подняв верхние конечности или жвалы. Спасибо.

И Безликий с облегчением ухнул обратно в бассейн, в котором сидел, а на арену выступила первая пара противников.

Колдунья с фамильяром-гончей и колдун с питоном. Помощник арбитра нацепил на них синие повязки Сопряжения: благодаря им связь усиливалась, и хозяин чувствовал боль своего спутника, как свою. Это была необходимая мера, так как случалось, что «зелёные» пятикурсники, ещё не привыкшие к фамильярам, увлекались, забывали о них, и те гибли прямо на экзамене...

Признаться, сражение поразило меня своей скоростью. Я и понять ничего не успела: череда ярких вспышек, грохот молний, разбегающихся по куполу, и вот уже колдун лежит в пыли, завывая, свернувшись в комочек, а гончая его противницы замерла, заглотив питонову голову целиком. Хм, казалось бы, должно быть наоборот.

Аплодисменты, следующая пара.

И вновь безумный темп – минута на всё про всё. Волк-людоед сжал фамильяра-коалу в зубах, как игрушку, а на арену закапала ярко-алая кровь. Прибежали из лазарета.

Третий бой: фамильяр-голубь сразу же выпархивает в аут, и, поскольку с верхними конечностями у него туго, бесславно плюхается на спину, задрав лапки. Проигрыш засчитан, орёл противника издевательски клекочет, зато все невредимы.

Уверенность стремительно покидала меня. К седьмому бою я обнаружила, что сижу, намертво вцепившись в запястье Артура.

– Всё будет хорошо, – уверенно сказал Эдинброд.

Потом он внимательно посмотрел на мои бледные пальцы, стиснувшие его запястье, и начал их методично отцеплять. Что-то внутри меня глухо стукнуло от обиды, но... Артур просто переложил мою ладонь в свою. Он крепко сплёл наши пальцы и успокаивающе пожал их.

Мне вдруг резко похорошело.

А внизу между тем клубком катались сцепившиеся в яростной схватке песец и выдра. Их хозяева, успокоенные примерным равенством животных, осыпали друг друга расширенным арсеналом проклятий, очевидно красуясь перед публикой. Поражая «разнообразием и виртуозностью», как завещали судьи.

Вдруг на арену выбежал кустобровый белокурый гном – в нём я с удивлением узнала лютниста с вечеринки Бориса – и бахнул в гонг. Это означало, что бой длился достаточно долго для того, чтобы соперники заслужили право сделать перерыв, выпить воды и слегка выдохнуть.

Публика зааплодировала: продержаться до перерыва – это неплохо! Но студенты были расстроены. Ещё бы: куда проще отмучиться сразу и уйти на полноценный отдых. А перерыв, в каком-то смысле, лишь продлевает твои мучения.

Через пару минут пара вернулась на арену, бой возобновился и... Кончился почти сразу победой колдуньи с выдрой: её питомец цапнул песца за причинное место – маг-человек тотчас скрутился загогулиной, рухнул и выругался так грязно, что по всему стадиону зафонили цензур-чары.

– Хозяйка явно подсказала фамильяру этот ход. Сами по себе выдры так не действуют, – оценивающе цокнул языком Артур.

После этого боя мы покинули зрительские трибуны и пошли к стартовым воротам. Там нас досмотрели: на арену нельзя было брать никакие артефакты.

– Готова? – спросил Эдинброд, глядя на меня исподлобья и проверяя, насколько хорошо затянуты ремни с охранными рунами на моих плечах.

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

Когда мы вышли на мелкий песочек площадочки для убийств, меня начало так же мелко потряхивать. Зрители захлопали в ладоши, экзаменаторы захлопали щупальцами по воде, и в

ореоле яркого полуденного солнца из противоположных ворот появился нимфин Каприз верхом на своей гигантской пуме.

И прямо так, на ней, поехал вперёд, как какой-то пустынный царёк.

Безликий махнул присоской, и бой начался.

26. Неожиданное предложение

Первым делом нимфин Каприз набросил на себя заклятие ускорения: они с пумой полыхнули прозрачно-оранжевым светом и двойным факелом рванули к нам. Животное отталкивалось от песка мощными прыжками.

Артур с низкой подачи бросил им навстречу огромный щит-полусферу – размером чуть ли не со всю арену. Я успела разглядеть усмешку превосходства на губах Каприза: мол, как же этот выскочка меня боится, что создаёт такие исполинские щиты...

Сфера раскрылась по диагонали непрозрачным лиловым стеклом. Пума легко взбежала по её покатоному шипящему боку, пробежала всю немалую длину щита, а затем спрыгнула аккуратно за спиной Эдинброга.

Нимфин, издав ликующий возглас, наколдовал копьё и метнул его в Артура. Тот развернулся на пятках и щелчком пальцев обрушил свою защиту, которая осыпалась таким кристально-осколочным ливнем, что копьё мгновенно пригвоздило к земле. Сам Эдинбруг выставил против своего же смертельного дождя уже новую сферу, поменьше.

Когда всё отгремело, нимфин сотворил огненный шар и бросил в пуму – она, изогнувшись изящным полумесяцем, отразила его в Артура, да ещё и разбив шар на дюжину более мелких – техника каскада, ага, это мы проходили. Артур заморозил шары росчерком Абсолютного Нуля...

Заклинания звучали с дикой скоростью.

К сожалению, новые формулы, которые Артур потенциально мог создавать и которые были бы большим сюрпризом для кого угодно, ему, конечно же, нельзя было бы применять во время экзаменов. И вообще – до выпуска из университета.

Так что всё шло строго по учебной программе, и оттого силы и возможности соперников были равны.

Каприз нападал, Артур в основном защищался, используя только одну руку. Вторую он держал за спиной, как фехтовальщик – в хороших дворянских домах это считалось особым шиком. Каприз, увидев это, усмехнулся, но сам руку убирать не стал.

И правильно. Изящным манерам не место на боевой арене.

Следует сказать, что нимфин очень ловко обращался со своей пумой. Он не стал сразу натравливать её на меня, хотя имел на это полное право. Вместо этого Каприз использовал потенциал фамильяра: то передавал кошке пасы, то отражения, то подпитывался энергией – то есть зарабатывал всем этим дополнительные очки за виртуозность.

Подозреваю, про себя нимфин посмеивался над тем, что я, в отличие от его полезной кошечки, стояла столбом за правым плечом Эдинброга. И не делала ни-че-го... Только испуганно открывала и закрывала рот, переминаясь с ноги на ногу. А потом стала очень соблазнительно – с точки зрения дикого зверя – отпрыгивать туда и сюда.

Совсем как красное полотно матадора, о котором я на днях так удачно вспомнила.

Наконец нимфину надоело сражаться. Наверное, он прикинул, что уже набрал все нужные баллы за сложность программы, а значит, теперь можно было закругляться.

Аллилуйя. Хотя я надеялась, что это случится быстрее!

Каприз ещё раз скользнул по мне оценивающим взглядом и решил завершить дуэль по примеру предыдущих студентов, то есть ранив фамильяра, а не колдуна. Это было разумно: они с Артуром стояли друг друга и никак не могли пробить брешь один в защите другого. Придавить с помощью пумы жалкую землянку – вот лучший выход! Ведь тогда бой закончится сам по себе.

Каприз что-то гортанно крикнул, и пума, рыча и брызгая слюной, на полном ходу рванула к ошеломлённой мне.

Вот и конец игры.

Она прыгнула, вытянув когтистые лапы, и... Пролетела сквозь визжащую иллюзорную Вилку. А потом покатила кубарем по ледяной дорожке, тотчас заботливо наколдованной Эдинброгом.

Та-дам! Вот и подросла наша хитрость!

Сейчас объясню.

...Иллюзорную меня Артур наколдовал в самом начале боя, под прикрытием непрозрачного лилового щита. Тогда как я-настоящая в тот самый момент – пока пума прыгала поверху – отбежала на край площадки и слилась там с пейзажем. Для этого мы применили ту же технику маскировки, какую юный Эдинброд использовал в деканской спальне в Галлаке (надеюсь только, у меня на лбу потом не будет вышивки...). Вот почему Артур прятал одну руку за спиной – ею он удерживал плетение.

В общем, весь бой я, будучи невидимкой, стояла на заранее оговоренном месте, готовая принять обманный пас в тот момент, когда нимфин и пума отвлекутся.

И этот момент случился. Из-за Ленты Сопряжения, объединяющей чувства студента и фамильяра, Каприз тоже дернулся, когда пуму завертело на льду, и схватился за закружившуюся голову.

Артур тотчас кинул в мою сторону формулу Полнейшего Захвата Бедолаги. Я с готовностью шагнула навстречу плетению и вывернула руки хитрым образом так, чтобы заклятье, достигнув меня, разделилось пополам и рвануло в две стороны – в спину нимфину и в хребет пуме...

Победа была близка! Мы точно получим высший балл – за сотрудничество, за атаку, защиту, находчивость и, чёрт возьми, милосердие: Захват не причиняет боли.

Но... Не успела формула долететь до соперников, как над ареной вдруг разнёсся низкий звук – бом-м-м!

Все заклятья потухли разом, как отрезало. Я ошарашенно обернулась. Чёртов гном, стоящий у гонга, поднял табличку «Перерыв».

Ах ты ж...

Я перехватила взгляд Каприза. Он был многообещающе-убийственным.

* * *

Помощники экзаменаторов вытолкнули нас с арены в разные стороны и всучили бутылки с водой.

– Три минуты отдыха! – орали они, отвратительно-бодро похлопывая нас по плечам. – А потом снова в бой!

– Чёрт! – бормотала я, глядя на Артура. – А теперь-то что? Нашу хитрость мы истратили впустую, и, кажется, сейчас меня сгрызут в первую же секунду боя!

– Я окружу тебя щитом. Не сгрызут.

– Но ведь нельзя держать стабильный щит и кидать атаки одновременно! Что, ещё целый раунд в обороне стоим? И снова перерыв? И так до вечера?

– Я могу опять сделать тебя невидимой, ты где-нибудь затаишься...

– Пума – дикое животное! Она мигом найдёт меня по запаху! В первый раз она просто не ожидала подвоха, поэтому не искала вовсе...

Артур перестал отвечать на мои очевидно истеричные реплики. Он тоже был не очень-то рад нынешнему раскладу.

– Ладно, – сказал наконец Эдинбруг, одним махом вылив всю бутылку воды себе на голову, чтобы охладиться.

Этот жест в его исполнении был настолько шедевально-рекламным, что я даже немного утешилась. Да, страшно. Да, сейчас умрём. Но с каким же красивым галианцем меня свела судьба на прощанье!

– Ладно, – повторил Артур, тряхнув головой. – По правилам я не имею права трогать чужого фамильяра, но своего, конечно же, могу. Есть одно заклинание, которое по-хорошему занимает минимум час вязи, иначе истощает колдуна очень сильно, но... ай, ладно, восстановлюсь как-нибудь, – похоже, он уговаривал скорее самого себя, чем меня. – Помнишь, как я нарастил тебе русалочий хвост?

– Да.

Нас уже звали обратно на арену.

– Я не сказал тебе об этом, но меня восхитило, как быстро ты адаптировалась к изменённому телу. Это какая-то землянская особенность – вы очень легко подстраиваетесь под обстоятельства, помню по Борису... Мы, галианцы, будем приходить в себя целый день, даже если нам просто сделать перепонки между пальцами или что-то столь же безобидное. Короче, Вилка.

Мы уже выходили на песок. Зрители хлопали. Экзаменаторы что-то бубнили.

Артур на мгновение затормозил, тремя пальцами взял меня за подбородок и, глаза в глаза, чтобы точно дошло, сказал:

– Я сейчас сделаю тебя тигром, о'кей?

27. Р-р-р. Моё

Нет, не о'кей! *Совсем не о'кей!* – хотелось закричать мне, но я только судорожно кивнула. И попросила:

– Только сделай меня гигантским тигром, ладно? Чтобы я была гораздо больше пумы.

Потому что сейчас у нас определённо тот случай, когда размер имеет значение.

– Обещаю, – кивнул Эдинброг.

Главный экзаменатор приподнялся в своём бассейне и с плеском упал обратно, знаменуя начало раунда... И тотчас же Артур принялся колдовать.

Он быстро крутил запястьями, перекачивался с пятки на пятку и раскачивался всем телом – как в видеоролике по цигуну, поставленном на быструю перемотку. Наконец Артур что-то прошептал, и его глаза вспыхнули нестерпимо алым цветом. Воздух вокруг нас сначала помутнел, а потом в нём начали проявляться потоки света, похожие на закрученные ленты гимнасток. Или скорее даже на светящиеся золотом цепочки ДНК...

Я не знала, куда смотреть: на яростного Артура или на наших соперников. В первый момент Каприз и его пума вообще не поняли, с какой это радости Эдинброг стоит к ним спиной, хотя бой уже начался. А теперь они наконец осознали, что происходит, и сорвались нам навстречу, явно намереваясь пресечь это безобразие на корню.

Вот только истинное безобразие неодолимо.

Эдинброг зубами схватился за край одной наколдованной цепочки и втянул её в рот, как длинную мармеладку. Потом одним махом собрал остальные «ДНК» в букет, смял их в кулаке, подшагнул ко мне и вдруг сделал две весьма неожиданные вещи одновременно.

Во-первых, он резко опустил руку с чарами мне на грудь, в район сердца (вообще я бы сказала «он ударил меня по груди», но это звучит абьюзивно даже в условиях боя).

А во-вторых, Артур подтянул меня к себе, наклонился и... поцеловал.

Точнее, в первую секунду я подумала, что это поцелуй. И решила, что Эдинброг свихнулся. Или просто оказался яростным, воинствующим романтиком. Что, в принципе, то же самое.

И что я свихнулась с ним заодно – потому что внезапная, оголтелая радость, заполнившая меня при первом же касании его губ, явно сигнализировала о каких-то сбоях в системе... Например, о первых симптомах болезни, которой присвоили международный код F 63.9. (Якобы. На самом деле информация о том, что ВОЗ категоризировала влюблённость как расстройство, была всего лишь интернет-уткой, но... Иногда это так похоже на правду.)

Однако это оказался не поцелуй, а всего лишь способ передачи импульса для скоростной трансформации.

Губы Артура прижались к моим, его язык напористо толкнулся вперёд, и мне показалось, что в меня скользнул луч закатного солнца, кем-то оторванный от светила и теперь мечущийся в поисках дома. А сердце тем временем пробил ещё десяток таких лучей...

Они встретились где-то в районе гортани, и я вдруг хрипло, по-звериному застонала прямо в раскрытые губы Эдинброга. В огромных зрачках колдуна я увидела, как сменили цвет мои радужные оболочки. Теперь они стали жёлтыми. Тигриными.

Артур погладил меня по затылку:

– Хороший стон. Но сейчас лучше рычи, – шепнул он, отстраняясь, и не глядя наколдовал силовую волну, отшвырнувшую нимфина назад.

А пума и так замерла. Напряжённая.

Ибо со мной стали происходить дикие вещи... Меня будто уменьшило – сжало до маленькой точки, проблеска сознания, такого плотного, что я почувствовала себя белым карликом – звездой, готовой взорваться, – а потом... Ну да, собственно, так и случилось.

Потом я взорвалась. Как попкорн.

И собралась обратно – уже в новое тело. Не было никаких жутких ломок хрящей и сухожилий, хвала небесам. Просто вспышка света.

И вот я тигр. Ох!..

Все мои мысли тотчас спутались и потерялись.

* * *

Боже, как я хор-р-роша!

Идеальное тело: белое с чёрными полосами, густой подшёрсток, мускулистая спина и мягонький, нежный живот. Мои вибриссы подрагивают, я щерю зубы и плавно делаю первый шаг. Песок арены сдаётся под когтями, взвизгивает облачками пыли...

Все замерли. Все смотрят на меня. А я – на них.

Мир такой странный – тусклый и выпуклый! Зато звуки и запахи...

Я слышу стук чужих сердец. Я втягиваю ароматы любопытства, исходящие от трибун. А ещё остро-кислую вонь страха от двух силуэтов передо мной...

И... О да!!.. Всю эту мелочь заглушает терпкий, неожиданно важный запах молодого мужчины, стоящего неподалеку.

Решено: я иду к нему.

Низко зарокотав, я с удовольствием трусь головой о его живот. Он что-то говорит, почёсывая меня за ушком. Я дергаю задней лапой от острого наслаждения. Я не понимаю слов, но чувствую, что должна выполнить какую-то задачу... Я вспоминаю, что должна была сделать.

Ах, точно.

Меня ждёт маленькая пума.

Пр-р-р-ивет, малышка, поигр-р-раем?

Я резко разворачиваюсь и мчу к ней в центр площадки.

Я зубами хватаю испуганную кошку за загривок – она всё ещё слишком ошарашена самим фактом моего появления, а также моим запахом и поведением – истинно королевскими. Я заваливаю её на бок и тащу, как шkodливого котёнка, за пределы поля...

Её спутник провожает нас взглядом в ожидании боли. Но боли нет. Я не хочу никому делать больно, я просто хочу... Очистить... Своё пространство... Свою территорию.

Хрипло рыкнув, я отшвыриваю пуму прочь и напоследок поддаю ей передней лапой – втянув когти, ибо истинные богини великодушны. Кошка вываливается за пределы поля. И, немного подумав, переворачивается на спину, поджав хвост. Аут.

Бой окончен.

Под шумящую криков, аплодисментов и звона я возвращаюсь к Своему Человеку. Он улыбается мне, а потом медленно оседает на песок.

К нам бегут людишки в белых халатах. Я рычу на них, свирепо дёргая хвостом, опускаюсь рядом с мужчиной – хм, он заснул? – и начинаю долго, с упоением его вылизывать...

М-р-р.

Моё.

28. Ешь, что хочешь. И Тонусное зелье!

«Вот чёрт, – подумала я первым делом, когда очнулась и огляделась, – Опять я сплю на новом месте, и опять забыла про величайшую присказку всех незамужних. Жених, ты, случайно, не можешь присниться невесте на *вторую* ночь? Нет? Жаль...» – я зевнула, сладко потягиваясь и садясь на кровати.

Где это я вообще?

В голове немного шумело, но настроение было изумительным. Просто невероятно-фантастически-подлетательным. Единственное неудобство – мне очень хотелось есть.

Чем же там закончился вчерашний день? Помню, мы с Ивой провели экскурсию по Третьяковке для очень шумных итальянцев, которые потом утащили нас в нескончаемое барное турне по Патрикам, и в итоге у меня так всё перепуталось в голове, что я уснула в такси. Может, я у Ивы дома?

Если так – интересная у неё обстановка. Впрочем, ей можно: она же артистка (художница вообще-то, но просит называть себя на европейский манер, из-за чего непосвященные в её причуды думают, что она актриса, клоун или кто-нибудь в этом роде). Комната круглая, на окне ставни, как в мультфильмах про принцесс, на стенах анатомические рисунки животных, а на столе... хм... иллюзорная 3d-модель тигра?

И вот когда я увидела эту модель, реальные воспоминания обрушились на меня каскадом.

Та экскурсия была месяц назад. А сейчас я в университете под названием Форван, в другом мире. И совсем недавно оттащила пуму за загривок – на боевой арене, при огромной толпе зрителей.

Охнув, я доверху задрала больничную ночную рубашку (опять она!.. второй раз за моё пребывание на земле галианской!): у меня откуда-то появилось подозрение, что живот остался кошачьим, но, к счастью, это было не так. Зато, как назло, именно в этот момент открылась дверь, и перед дамой, очутившейся на пороге, предстало зрелище обезумевшего эксгибиционизма.

– О, вы проснулись! – сказала она, вежливо прикрыв глаза папкой с бумагами. – Чудесно, просто чудесно. Что же, наблюдение можно заканчивать: возвращение в тело прошло нормально. Могут ощущаться лёгкие последствия, такие как...

– Где Артур? – неожиданно хрипло рявкнула я, подбегая к женщине и вцепившись в лацканы её белого халата.

На бейдже у незнакомки было написано: «Одри Таптакер, маг-зоолог». Так же я обратила внимание на светлые кудряшки, пухлую фигурку и непрошибаемую доброжелательность мисс Одри.

– ...Такие как сохранение рефлексов и повадок тигрицы, – не дрогнув, закончила Таптакер. – Мистер Эдинброг в лазарете. Он переоценил свои силы, к сожалению.

Я молча кивнула: говорить было как-то неудобно, язык плохо ворочался. Да и что сказать человеку, на которого только что неприлично напал, прежде того ошарашив видом своей анатомии?

Как есть – в ночной рубашке (мне не привыкать) – я побежала вниз по винтовой лестнице. Ибо оказалось, что кабинет Одри круглый потому, что находится в верхушке одной из башенок университета.

– Э-э-э, мисс Виолетта! Датчики сердцебиения-давления верните, пожалуйста! – окликнула меня зоолог, перегнувшись через перила.

Я выругалась, поняв, что на пальцах у меня опять нацеплены какие-то псевдопластиковые штуки. Содрала их, бросила вверх (Одри поймала) и уточнила:

– Как я вообще оказалась у вас в кабинете? Я что, в обморок упала? Я только помню, как закончился бой, а потом...

Ох-х-х. Мне вдруг вспомнилась яркая картинка: мой шершавый тигриный язык с удовольствием вылизывает все доступные места Артурова тела. И недоступные тоже. Под взглядами десятков зрителей. Ох-х-х-х...

– ...А потом мы выстрелили в вас снотворным из Волшебной Плевательницы Вурра, – между тем радушно объяснила Одри. – А то бы вы господина Эдинброга насмерть зализали.

– Понятненько, спасибочки, – отозвалась я и бросилась прочь.

* * *

Совет на будущее: прежде чем куда-то бежать, узнайте точный адрес.

Я добрых полчаса пробегала по Форвану, прежде чем редкие встречные (причём одни и те же, что как бы намекало: кое-кто носится кругами) начали подсказывать: «Лазарет та-а-а-ам!» – тыча пальцами в нужном направлении.

Подозреваю, они решили, что я из этого лазарета сбежала, и хотели поскорее вернуть меня обратно, как особо опасную пациентку психдиспансера.

Ибо кто ещё будет носиться с вытаращенными глазами, босиком и в ночнушке, и изредка тормозить, проверяя: а усы у меня пропали?! Фух, хорошо... а ногти, часом, не втягиваются?! Нет, а жаль...

И так далее.

Наконец я влетела в уже знакомый мне больничный зал. Под триумфальное урчание собственного желудка: голод лишь усиливался, совершенно непропорционально прошедшему времени.

В отличие от дня моего прибытия в Форван, сегодня в лазарете был аншлаг. Ещё бы, ведь только что отгремел боевой экзамен!.. Почти все кровати были заняты страждущими, и я сновала между ними, обмотанными бинтами на манер мумий, в попытках найти своего бедолагу.

Нашла.

Артур спал. Его скулы приятно разругались, хотя в целом цвет кожи напоминал чистейший каррарский мрамор – один из ценнейших сортов мрамора на земле, который добывают в Апуанских Альпах, в Италии, неподалеку от городка Каррары. Очень тонкий и белый. Из него сделан, например, «Давид» Микеланджело.

И как будто бы Эдинбруг.

– А ну брысь отсюда! – гневно шепнули сзади и даже шлёпнули меня по руке мокрой тряпкой, едва я потянулась к Эдинбругу.

– Да я просто волосы ему поправить хочу! – так же шёпотом возмутилась я, поворачиваясь. – Долбаная прядка упала на лоб – он этого не любит!

Но Мэгги, которая и стояла перед постелью со своим грозным оружием, это не проняло.

– Дай ему нормально отоспаться, Вилка! – потребовала она, сурово сверкнув глазами. – Хотя бы здесь, раз у себя в комнате он находит тысячу отговорок, чтобы этого не делать.

– То есть в целом с ним всё нормально? Он просто устал? – я тотчас сделала стойку.

Мэгги поморщилась.

– Не совсем. Магическое истощение. Он дурак, что трансформировал тебя... Да, вы заняли первое место по баллам, экзаменаторы щупаплещут, – (я догадалась, что это была адаптация «рукоплещут»), – а Каприз себе все локти искусал, но всё равно Артур – дурак. Без посторонней помощи он будет приходить в себя минимум неделю, и это ужасно, потому что следующий экзамен – через пять дней. А для Тонусного зелья, которое могло бы поднять его на ноги, у нас нет ингредиентов... И Артур знал это вообще-то! – насупилась Мэгги. – Не понимаю, как можно было так опростоволоситься?!

Я осторожно присела на край туго заправленной койки. Слишком туго заправленной! Чёрта с два ты вылезешь из-под такого одеяла. Даже если случится землетрясение и всё перевернётся вверх дном, ты останешься висеть, как в кармашке.

– Может, я могу дать ему силу? – Я вновь посмотрела на спящего Эдинбруга. – Я всё-таки его фамилляр.

– Ты и так потихоньку даёшь, – отмахнулась Мэгги. – Чувствуешь голод, наверное?

Вместо меня ответил мой живот – протяжным, жалобным «уар-да-а-а-а!!!».

– Вот-вот, – хихикнула Мэг. И подмигнула: – В ближайшие дни ешь, сколько влезет, и не бойся своего зверского аппетита! Вся энергия пойдёт колдуну.

– О? – хмыкнула я, слегка воодушевившись. – А ему подойдёт любая энергия? Мороженые-пирожные-кленовые блинчики, например?

– Подойдут, да! – подтвердила Мэгги. И снова вздохнула: – Но даже если ты пропишешься в Сироппинге и победишь там во всех конкурсах «Кто больше съест», это не сильно поможет... Очень нужно Тонусное зелье. А для него, в свою очередь, нужен толчёный кристалл-цэйра. Хотя бы пара граммов. А у нас на складе их нет. Был всего один, но его потратили во время зимней сессии, когда в одной аудитории рухнул потолок и нескольких студентов едва не расплющило. И это Артур тоже знал! Вот дурачина!

Между тем я так и подпрыгнула, услышав знакомое иномирное слово.

– Тебе нужна цэйра?! – возбуждённо переспросила я.

– Ну да, – Мэгги удивилась моему ликованию.

– Будет тебе цэйра! Скоро! Вари своё зелье, Маргарет Келлис, только никому не говори потом, где ты взяла кристалл, хорошо? Точнее, скажи, что в какую-нибудь там щель на складе закатился неучтённый...

И я так же бодро и весело, под удивлённый взгляд Мэгги, под завывания желудка и храпы спящих студентов умчалась из лазарета.

Так-так, Борис. Время платить по счетам!

29. Нет тебе веры!

Прежде чем идти к Борису, я всё-таки решила переодеться.

Безусловно, в оголтелом больничном виде был свой шарм, но вряд ли он подходил по стилю к деловым переговорам. Или дружеским уговорам. Или соблазнению. Или шантажу.

Честно говоря, я понятия не имела, как у нас пойдёт разговор о том, что я знаю про кражу и требую свою долю, а лучше – все десять кристаллов-цэир сразу...

Пожалуй, я могла бы упираться на то, что это необходимая моральная компенсация. Жаль, конечно, что у меня не было более убедительных рычагов давления.

* * *

Как и следовало ожидать, днём у Бориса нашлись дела поинтереснее, чем сидеть в своих апартаментах. Зато там снова обнаружился Иньч – и снова на диване, сползший с него процентов на тридцать, в позе очень унылой обкуренной амёбы.

– Если Бор вернулся, почему ты всё ещё у него? – не поняла я, как всегда, встав на стражу чужой частной собственности.

– Да я свои покои взорвал... – тоскливо протянул Мёрклый. – Очередное какое-то гремучее заклятье. Ненавижу эту работу. Всей душой ненавижу.

– Так уволься.

– Да как-то... – он сделал неопределённый слабый жест рукой. – Как-то... Как-то вот так, да.

Я скептически посмотрела на трубку у него в руках.

– Всё равно все скоро сдохнем, – парадоксальным образом заключил Иньч. – Потерплю уж.

Я вскинула бровь. Ну да, конечно, каждый день ныть и ждать смерти как избавления – это куда лучше, чем взять себя в руки и двинуться дорогой перемен.

И тут дверь позади меня распахнулась.

Это вернулся хозяин комнаты: довольный и что-то насвистывающий.

– О, Вилка! – обрадовался Борис при виде меня. – Как жизнь, красотка?

– Хорошо, – я благосклонно позволила ему чмокнуть себя в щёку. – А твоя?

– Весь в делах, как обычно. Видишь, как долго меня не было... Но ради тебя я забью на парочку обязанностей, конечно! Ты что-то хотела? Погулять? Пообедать? Ещё что-нибудь? – Бор самоуверенно приобнял меня за талию.

– Да нет, мне просто нужны мои цэйры. Прямо сейчас, – я обворожительно улыбнулась.

Бор слегка дёрнулся, но галантной улыбки с лица не стёр. Только взгляд стал напряжённым. Отченаш и не знал, что я в курсе случившегося – наша последняя встреча, помнится, была у портала и закончилась согласно плану землянина.

Я рукой указала на Младшего Мёрклого:

– Я ведь могу говорить о них при Иньче, верно? Ты же сам рассказал ему о нашем маленьком дельце?

– Естественно, он рассказал, – фыркнули-чихнули дымом с дивана. – Я-то в своё время отказался участвовать. Бор мне теперь всю плешь этим отказом проел, тебя в пример ставя.

– Это здорово, что Борис поведал о нашем с ним баловстве! – Мои слова источали мёд. Теперь уже я приобняла притихшего землянина за плечи. – Вот только я волнуюсь: не забыл ли он уточнить, что, во-первых, я так и не получила своей доли, а во-вторых...

– Вилка, давай-ка выйдем, – оборвал меня Бор, подхватил под локоть и втащил в ванную комнату.

Там он включил воду в кранах на полную мощность, чтобы в комнате не было слышно нашего разговора, присел на краешек ванны и тяжело вздохнул:

– Я так понимаю, Артуру ты всё-таки рассказала? Эх... я-то думал, это будет наша тайна. Вот нет тебе веры, землянка.

Я аж подавилась.

– Мне нет веры?! – Я яростно ткнула пальцем ему в грудь, да так, что он чуть не ухнул в своё фарфоровое корыто. – Бор, ты меня использовал без моего ведома и чуть не скормил неведомой песчаной твари! А потом попросил хранить всё в секрете, потому что так якобы будет романтичнее, хотя на деле боялся разоблачения! Это как, по-твоему, нормально?

Он печально поскрёб ногтями каштановую щетину.

– Ну... Да, я налажал. И провернул всё с пользой для себя. Но ведь это не отменяет того, что я тебя спас, верно? – приободрился парень. – Без меня тебя бы ангелы сразу сожрали. Ты ведь в коридорах не разбираешься, в тупик бы втесалась, и всё, салют.

– Ты должен был рассказать мне о том, что находится в клетке! – гортанно, всё ещё слегка по-тигриному пророкотала я. – И после этого – не тащить меня в обнимку не пойми куда, а показать творение рук своих! И не скрываться от Артура, и не подставлять его с порталами! Неужели это неясно? Тем более, как я понимаю, ты специально дал мне споткнуться в начале нашего бега – чтобы было на чью кровь активировать клетку!

– А вот и нет! – вспыхнул Бор, искренне оскорблённый последним предположением. – Про споткнуться – неправда! Собственно, когда ты упала, поранившись, тогда у меня всё и сложилось! И Артур может сколько угодно пытаться выставить меня злодеем – но это не так! Просто я... как бы сказать... я игрок, понимаешь? – Он прикусил губу. – Я люблю риск. Адреналин. И всей душой обожаю озарения. Это как молния: в темноте бытия всё вдруг проясняется, и главное – успеть ухватить удачу за хвост! Когда ты упала там, в коридоре, у меня будто пазл в голове собрался. Лампочка зажглась: как всё одно к одному подходит... Я просто не мог устоять, Вилка! Красота момента, она... она как счастье.

Я явственно заскрипела зубами.

– А на следующее утро? Когда адреналин уже спал, а?

– На следующее утро я ужаснулся тому, что не рассказал всё сразу, и решил оставить всё как есть, чтобы ты не объявила меня врагом народа, – затараторил Отченаш. Потом опустил голову и отвёл взгляд. – Потому что я не лгал, когда сказал, что очень ждал кого-нибудь ещё с Земли. Я правда рад тебе, Вилка. И мне не хотелось ссоры. Хотя она всё равно случилась.

Точнее, случается прямо сейчас. Как говорится, от правды не убежишь, да? Мне жаль. Правда жаль. Прости меня.

Я поджала губы.

С одной стороны, я была просто в ярости – на кону стояла моя жизнь, чёрт возьми! С другой стороны, во всех словах и облике Бора сквозила искренняя тоска. Сейчас ему действительно было стыдно – такое вроде не подделаешь. Адреналиновая дуга опала. Эйфория сменилась раскаянием.

М-да, так себе характер у человека. Опасный. Проблемный. Маятник.

Как говорится: учтём. Нет смысла читать ему нотации, взрослого человека не переделаешь, так что по некотором размышлении я просто процедила:

– Ну и сволочь же ты, а.

– Как я могу искупить свою вину?

– Сгореть в аду на хрен. А пока – отдавай мне цэйры. Семь штук из десяти. Раз тебе для счастья хватает зажегшейся лампочки в голове, то кристаллы оставь нам, ушербным.

– Почему семь, а не пять? – удивился он.

– Три оставлю себе, три отдам Эдинбругу – как роялти за разработку вашей старой схемы и плату за то, что восстановил ангелов. Ещё один нужен сейчас в лазарете. Тебе тоже останется три – согласись, это щедро?

Борис сложил руки на груди и сощурился:

– Вилка, я рад, что ты высказываешь колоссальные познания в математике, но... Мне нужны пять кристаллов минимум. Пардон.

– А мне семь, – я пожала плечами. – Найди недостающие где-нибудь ещё, в чём проблема? Ах да, наверное, в том, что ты сам не в состоянии придумать подобный план, в отличие от Эдинбруга...

Борис вдруг зарычал и, ухватив меня за плечи, резко приблизил своё лицо к моему:

– Ты не понимаешь. Ты уже встала на его сторону, и тебе даже в голову не приходит спросить, зачем мне кристаллы.

– Ну и зачем? – я вскинула подбородок.

– Чтобы восстановить своё доброе имя, Вилка, – в глазах Бора плескалась мрачная решимость. – Причём как раз таки в глазах этого твоего идиота, который – цитирую – «вытащит моё сердце голыми пальцами, едва закончится пора экзаменов». Он рассказал тебе про Аманду?

– Н... нет.

– Хм. Я думал, уже рассказал. Приготовился защищаться, понимаешь. Но ладно. Тогда история чуть растянется.

Бор отстранился. Я нахмурилась.

Аманда. Какое стервозное имя. Ужас. Мне не нравится.

Борис пощёлкал пальцами у меня перед носом, заставляя меня вынырнуть из мыслей обратно в реальность.

– Я отдам тебе пять кристаллов, – жёстко сказал землянин. И, не успев я протестующе взвыть, добавил: – И расскажу, зачем мне остальные. А лучше – покажу. Ты сейчас свободна?

– В принципе да.

Я мрачно смотрела, как Бор двумя ногами залез в ванну. Потом потянулся к верхней из деревянных полочек, закреплённых вдоль стены и уставленных разнообразными баночками (кажется, кто-то любит понежиться в пене). Он взял одну и отвинтил крышечку. Наружу плеснуло ярким белым светом. Я зажмурилась и отшатнулась от неожиданности, а Бор уже протягивал мне пять сияющих камешков.

Будто бриллианты – но полыхающие нестерпимо ярким светом...

– Твоя доля. Честная. А Артур пусть идёт в задницу, обвинитель чёртгов, – резко сказал Бор. – Мне надо быстро доделать кое-что по работе. После этого предлагаю встретиться. Через полчаса на первом этаже. Пойдёт?

– Пойдёт.

Кристаллы-цэйры катались по моей руке, совершенно невесомые. Я заметила, что баночка без них больше не светила.

Значит, свои пять Борис уже куда-то дел...

* * *

Я ещё раз забежала в лазарет и отдала Мэгги один кристалл. Надо было видеть квадратные глаза медсестры!

– Ты правда его добыла? – Она смотрела на меня с неким, как мне показалось, благоговением.

– Я такая, – подмигнула я.

– Ещё больше люблю землян... – Мэгги совсем растаяла. – Что ж, завтра Артур будет в порядке! Ура!

– Ура!

И вот мы с Борисом встретились у высоких створчатых ворот университета.

Дело близилось к вечеру. Шпили Форвана чернели, на пробу протыкая закат, и отбрасывали острые тени-ножи на всю долину.

Что меня сразу смутило, так это то, что Борис был в панамке. Такой, знаете, то ли грибниковой, то ли рыболовной, то ли вообще пчеловодческой: с сеткой на всё лицо. Она совершенно не подходила к его брутальному типу.

Более того, землянин достал второй такой же убор и нахлобучил мне на голову.

– Идём!

– Куда?

– На болота!

– Э-э... Зачем?

– Ты мне что, не веришь? – возмутился он.

– Естественно, нет!

– Ну и не верь, – парадоксально оскорбился Борис и учапал в закат.

Вот так загадочная душа. Я выругалась и потопала за ним. Борис не знал, что в лазарете я на всякий случай прихватила с собой скальпель и ножницы – они были заткнуты у меня за ремень. Нападёт – отвечу ему тем же.

«Кровавая резня землян в университете» – представила я заголовки и фыркнула: вот куда только судьба не заведёт, а... Вкупе с фантазией.

Сначала мы шли сквозь обычный лес – всё темнеющий, всё разрастающийся мраком. Потом сквозь мёртвый – здесь шёпоты летали между старыми соснами, поскрипывали на ветру сухие ветви, а рыжая прошлогодняя хвоя мягко проседала под ногами.

План с панамками потерпел крах. Комары не кусали нас в лицо, а вот мои голые щиколотки быстро покрылись красными волдырями.

– Хочешь, подую? – предложил Бор, но я категорически отвергла эту идею.

Наконец началось болото. Для меня, столичной жительницы, проводящей по двенадцать часов в сутки за монитором, это было ещё одно чудо природы. Что-то булькало и хлюпало в тёмной влажной массе между кочками. Светлыми пробоями мелькали бочаги. Алыми каплями горела местная клюква – плодоносящая, как объяснил Борис, круглый год.

И вот мы на месте: над гниlostным варевом болота качалось пять металлических чашек, подвешенных за верёвочки к ветвям деревьев. А в них мягко светились уложенные на дно кристаллы.

– Четыре дня они висят тут, насыщаясь парами, – сказал Бор. – Потом ещё на два дня я положу их в гнездо нойдичей в Чёрных горах. Потом на день запру в клетке и опущу в проточную воду. Потом на два часа уберу в...

– Так что будет в итоге? – не выдержала я этой сказочной заумности.

– В итоге они преобразятся в Камень Времени, – пафосно заявил Бор. – Его я сварю с палбоной, эренвой и прочими ингредиентами, чьи названия оставят тебя прискорбно равнодушной, и получу ОВГ.

– Острый вирусный гепатит? – Я вскинула бровь.

Бор аж захлебнулся возмущением.

– Отвар Взора Грустного! – обиделся он. – Эссенцию, что позволяет увидеть один час из прошлого. Необязательно своего. Из любого прошлого. Она нужна мне, чтобы очистить своё имя перед Артуром.

– Почему тебе это важно? И от чего именно очистить?

– Важно – потому что ненавижу быть без вины виноватым. И не хочу, чтобы этот псих всерьёз вытащил моё бедное сердце, как только сдаст свои чёртовы экзамены. А он может. От чего очистить... Долгая история. Присядем?

И Борис джентльменским жестом обвёл два ближайших пенька.

Признаюсь, они меня не вдохновили. Тем более что комары продолжали своё пиршество. Я уже пришлѐпнула пару прямо в процессе кровопускания – неприятно, наверное, умирать во время обеда – и мне не хотелось продолжать подобное извращение.

– Я могу накрыть нас куполом, я умею, – сказал Бор, увидев мои сомнения. – Хотя вероятность взрыва не исключена.

– Ну накрой, – мне стало интересно посмотреть на его колдовство.

Землянин принялся шептать заклинания, быстро перебирая пальцами, будто на фортепиано играл...

Первые два раза плетения действительно бесславно лопнули, плюнув синим пламенем, но оно, к счастью, быстро угасло в углекислой хмари болот. Зато на третий раз нас накрыло симпатичным, будто резиновым, шариком. Эдакая зорба магического мира.

– Итак... – сказал Бор, удовлетворённо вздыхая. – Время тебе узнать об Аманде.

Я расправила юбку на коленях и приготовилась слушать.

30. Рассказ Бориса Отченаша

...Мои первые несколько дней в Форване после того, как я переместился сюда вместе со своей злосчастной скамейкой, были похожи одновременно на фэнтези-анимацию и фильм о психических больных. Я всё щипал себя за всевозможные места, чтобы понять – глюки или нет, – а люди вокруг обалдевали ещё сильнее, потому что им вроде как надо было обо мне заботиться.

Ну, типа, это ведь их ответственность. Притащил землянина – верни, откуда взял. Покорми землянина. Успокой землянина. Развесели землянина и обеспечь ему комфорт.

Я быстро поймал волну и вконец обнаглел. Требовал свеженьких девственниц, чтобы не печалиться, икры красной и чёрной, ойл-массаж и другие радости. Потом сибаритство мне надоело, и я, как я уже говорил, взялся за работу. Потому что, в общем и целом, мир мне понравился, и я решил тут остаться, как минимум, на какое-то время.

А может быть, и навсегда.

Примерно через два месяца после своего попадания я познакомился с Амандой и Артуром. Это было эпично: Артур засветил мне бейсбольным мячиком прямо в лицо. Я шёл по лужайке, весь такой вдохновлённый, сдавший свой первый иномирный финансовый отчёт, и вдруг мне ломают нос какой-то кожаной штукой.

И я бы расвирепел и вконец обезумел, если бы извиняться не прибежала Аманда. Она была... Даже не знаю. Как ледяная кока-кола в запотевшей стеклянной бутылке – да на песчаном пляже, да в самый жаркий летний день. Блондинка – дерзкая, обалденно красивая, говорливая и с такой весёленькой придурью в характере. На войну с ней не пойдёшь, а вот в быту с такой весело и задорно.

А главное – у неё была какая-то сногшибательная способность со всеми и обо всём договариваться. Идеальная коммуникабельность, всем бы такую. Её профилем были языки – маг-лингвист, понимаешь, – и это очень ей подходило. Эта фантазёрка умела материться на сорока чудовищных наречиях. И «чудовищных» тут – вполне себе научное определение.

В общем, прибежала Аманда мой сломанный нос утешать. И меня, как к нему приложение.

– Ой, – говорит, – мой парень вас поранил, пока учил меня подавать мяч. Мне так жаль!

– Может, – говорю, – в топку тогда этого парня? Я бы тебя научил без причинения вреда прохожим.

– Но ведь с причинением веселее! – захлопала ресницами она. – Как бы иначе мы с вами познакомились, мистер Иномирный, звезда университета Форван?

– О, даже так? Я уже знаменит?

– Знаменитее всех, – серьёзно кивнула эта егоза, сграбастала меня за ладошку и поволокла к Эдинброгу. – Арти! Подлечишь беднягу?

Он подлечил и сам тоже извинился. Мы разговорились.

Первые полчаса, признаюсь, я смотрел только на Аманду. Впрочем, Артур мне тоже понравился. Смешной такой, важный, как индюк, но вроде умненький. Мы с ним сразу же начали придумывать всякую фигню, а Аманда всё смеялась, смеялась... И зубы у неё были, как чищенный миндаль – ровные и белые.

В итоге мы стали дружить втроём. Они-то встречались, конечно. Я снисходительно смотрел на то, как они держатся за руки, пока мы болтаем, как иногда задерживаются за поворотом, чтобы вволю пообниматься. Думай обо мне что хочешь, Вилка, но вообще я нормальный парень, и потому, когда с Артуром спелся, Аманду себе запретил.

Ну красивая, да. И что? Мало здесь, что ли, красивых, в магическом мире? У них на третьем курсе учатся заклетьям, легко заменяющим пластику у хирурга.

Так прошёл год.

В столицу сообщили, что меня на Землю телепортировать не надо, тут останусь. Артур уже потихонечку отвергал предложения о работе на другие два королевства, которые ему регулярно сыпались: а то непорядок! У нашего правителя, видишь ли, есть такая золотая птичка, как папашка Эдинброд, который скоро мир от Тварей спасёт, а у тех двух королей никого нет из великих волшебников! Нехорошо! Артур сначала зачитывал нам приглашения вслух, а потом рвал их и таким стильным щелчком поджигал.

«Посмеялись, и хватит, – говорил он, – Ненавижу политику. Ни за что в неё не сунусь». «Ну Арти, – щекотала его Аманда, – ну ты чего! С твоим потенциалом ты бы там всех подмял! Изобрази придворного мага, а сам потихоньку встань и над министрами, и над королём, а потом над всеми королями... Власть над миром – это так сексуально!» «Созидание – это сексуально. А наш мир – это три полудохлые страны, сплошное уныние», – фыркал Эдинброд. «В моём мире стран сто девяносто семь», – намекал я. «Три страны – это даже прелестно, симпатично так, атмосферно... Я всё равно люблю власть!» – вздыхала она, наматывая локоны на мизинчик. «А я люблю тебя», – отвечал он, и я шумно изображал, как меня тошнит от их сюсюканий.

А потом всё изменилось.

Два года назад папашка Артура повесился. И начался форменный трындец. Все вдруг, как хищники, обернулись к Эдинброгу. У него реально поехала крыша – то ли от горя, то ли от ответственности, я не знаю. Он замкнулся в себе. На наших посиделках был заторможенный, как соляная статуя.

Я иногда думал: может, и ладно? Оставить его в покое, пусть побудет один пару месяцев, проживет горе как следует? Но Аманда сказала: нет, не надо, он тогда навеки в раковину захлопнется.

И мы тянули Артура, как репку. А он лишь глубже утыкался носом в землю, как будто пытаюсь высмотреть там что-то, пытаюсь понять, за каким фигом его отец решил уйти в неё раньше срока.

В итоге это вылилось в то, что общались мы с Амандой, а Артур был декорацией. А регулярное общение, знаешь ли, сближает.

И однажды Артур перестал быть нам нужен.

Мы начали встречаться вдвоём. Конечно, нельзя было добивать его хрупкую психику, поэтому мы делали это тайно, в таких местах, где нас бы не нашли. В лесу, в горах, на отдалённых крышах, в подземельях... Мы валялись под звёздами, обливались шампанским и кормили друг друга виноградом.

«Ты настоящая королева», – говорил я Аманде, такая она была красавица. «Не настоящая, увы. А хотела бы ей быть!..» – «Что ж, за сбычу мечт и драгметаллов!» – «За сбычу мечт!» И мы чокались и целовались, чокались и целовались.

А потом у Аманды с какой-то радости включилась совесть.

Я и не знал, что у неё вообще есть такая кнопочка, ан нет, нашлась-таки. Она начала, как заведённая, повторять, что мы обижаем Артура, что это неправильно, что она с самого начала это знала, а теперь ей плохо, и так далее.

– А хрен ли тогда ты на меня залезла, если с самого начала что-то там знала? – спросил я. Я обиделся. Очень. Стало ясно, что я просто ей надоел.

А Эдинброд как раз начал постепенно восстанавливаться после своего траура, снова человеком становиться, а не рохлей в чёрных тряпках с печатью печали во всё чело. Так что вышло даже хуже: я понял, что был запасным аэродромом этой стервы. Возможностью веселиться, пока основной вариант не в кондиции. Кому такое понравится?

В ответ на моё «а хрен ли?» Аманда оскорбилась и попыталась дать мне пощёчину. Я перехватил её руку. Наши взгляды встретились.

И снова, как в старом анекдоте, всё заверте...

(Я никогда не считал себя глупым героем дешёвой драмы, Вилка, но иногда мне снится, что я – он и есть. Это один из моих нелюбимых ночных кошмаров.)

Чтобы не делать *этого* прямо в коридоре, мы спустились в подземелья, да поглубже. Как говорится: громкие ссоры – громкие примирения. А Аманда вообще была эмоциональной девочкой. Зажигалочка такая.

И, как назло, в тот самый час напали Твари. Как раз в подвалах. Сирена завизжала в самый ответственный момент, и мы, признаться, первые несколько секунд её игнорировали – ну какая сирена, когда у нас тут такое?..

А когда отдышались, эти бесконечные щупальца уже валили прямо на нас из дальнего конца коридора...

* * *

– Так, подожди! – воскликнула я, когда Борис задумчиво замолчал. – Ты что, хочешь с помощью эссенции показать Артуру, как развлекался с его девушкой в подвалах? И это, по-твоему, как-то облагородит твой, прости уж, сомнительный облик? Мне кажется, или я чего-то не понимаю?

– Ты чего-то не понимаешь! – успокоил Бор. – Фишка в том, что я дал Тварям отпор. Я начал колдовать: тогда у меня в руках всё взрывалось по-страшному, не чета сегодняшним скудным хлопкам, которые ты видела. Я бубнил заклинания подогрева чая, а всё вокруг полыхало – шикарный эффект. Аманда тоже пыталась колдовать, но боевая магия давалась ей плохо – она всё-таки гуманитарий. Тем не менее, Вилка, я был *уверен*, что мы отобьёмся. Более того, я также был уверен, что после такой стычки Аманда останется со мной, потому что я проявил себя настоящим героем! Я спасал её, чёрт возьми! Но потом нам не повезло.

Бор помрачнел.

– В чём именно?

– Рядом неожиданно распахнулся ещё один портал. И в нём была Тварь из высшей касты – похожа на демона, а не кляксу. Увидев нас, она заурчала, зашипела и завывала. Видимо, очень обрадовалась, что ей достанется аж два человека: ты ведь знаешь, что они съедают нас целиком? И только срыгивают потом пол-литра крови... Но одна Тварь не может поглотить двух одновременно. Только по очереди. Пока я думал об этом, время будто растянулось. И вдруг наступило мгновение такой, знаешь, ясности... «Беги!» – заорал я Аманде, отталкивая её. Она стояла с распахнутым ртом, совсем растерянная, губы дрожат, глаза огромные. – БЕГИ

отсюда!» Не то чтобы мне очень хотелось умирать, но... Я подумал, что я, может, и выкручусь. Кто, если не я? А не выкручусь, так погибну героем на глазах у красавицы – не худший возможный финал. И вот я оттолкнул Аманду, развернулся обратно и приготовился «подогреть» столько «чая», чтобы Тварь точно в куски разнесло. Как вдруг мне в затылок прилетает заклятье. Я только и успел хмыкнуть: «Вот не дано тебе воевать, так не воюй, блин, Аманда... Убила меня почему зря». Однако я не умер! То ли она скастовала какую-то ерунду, то ли на землян, как обычно, всё действует неправильно. Я просто вырубился. И вскоре очнулся, причём от удара: оказалось, я ухитрился, прямо не приходя в себя, броситься бежать, свернуть за угол и врезаться... в Артура. И заодно в небольшую спасательную экспедицию преподавателей вместе с ним. Я ни понять ничего не успел, ни сказать, а он уже накинулся на меня. «Сволочь! – заорал. – Ты бросил её им на съедение, чтобы выиграть себе время и спрятаться! Ублюдок! Я убью тебя, Борис, я клянусь, я тебя убью!» Его от меня еле оттащили. Оказалось, они зачищали подвалы от Тварей, бой уже кончился. Они нашли то, что осталось от Аманды. И нашу одежду. А потом и меня – бегущего и голого... Я попытался что-то объяснить, но всем было плевать: они твёрдо решили, что я просто оставил её, воспользовавшись тем, что я спортсмен и бегаю быстрее. Преподы тогда наложили на Артура заклятье, которое не позволяет ему на меня нападать, пока он студент. После выпуска оно перестанет действовать. И сейчас с помощью эссенции памяти я хочу показать ту сцену Эдинброгу. Я не бросал Аманду. Друг из меня получился так себе, но я правда её защищал. Как мог, – поджал губы Борис, закончив рассказ.

Я смотрела за тем, как болотные комары облепляют наш охранный купол, кристаллы-цэйры светятся в своих плосках, висящих над булькающей жижей, а багровый туман – особенность мира Гало – стягивается к нам из-за деревьев.

- Мне кажется, с эссенцией или нет, но Артур тебя всё равно не простит.
- Чёрт с ним, с прощением, главное, чтобы увидел, что вины моей в её смерти нет.
- Только показывай воспоминание с момента начала боя. Не раньше.
- Естественно. Я, по-твоему, что, дурак?
- Мне кажется, да, – честно призналась я.

31. Печальные колокольчики

Артур пришёл в себя только на следующий день к вечеру.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он. – Долго я спал?

– Меньше, чем мог бы!

Он лукаво прищурился:

– Значит, ты забрала кристаллы? Спасибо, Вилка. У меня прямо на душе похорошело. Люблю справедливость.

– Не ты один! – кивнула я, имея в виду не только свою с ним солидарность, но и желание Бориса.

Однако объяснять это Артуру я не стала. Не хочу лезть в их дело. Ну к чёрту. Пусть сами разбираются. Ещё и Аманда эта... О мёртвых либо хорошо, либо ничего, поэтому я предпочту промолчать.

Тем временем Артур слез с койки, с хрустом потянулся, покрутил головой и сделал эдакую «музыкальную» разминку для кистей (во всяком случае, я называю её именно так, потому что у меня все эти соединения больших пальцев с остальными по очереди плотно ассоциируются с годами мучений за фортепиано).

– Что ж! Кажется, я полностью восстановился, – подытожил Эдинброг. – А почему ты так пристально на меня смотришь?

– Завидую. Тебе эта больничная рубашка идёт больше, чем мне, – посетовала я. – Ну что, какой теперь план? Идём ужинать и баиньки, а с завтрашнего дня готовимся к следующему экзамену?

– Ужинать – это да, ужинать – это хорошо... – задумчиво протянул Артур. – Но готовиться начнём прямо сейчас.

– Эм, уже девять вечера. Может, всё-таки?...

– Нет. Полнолуние будет сегодня, а следующего, как ты понимаешь, дожждаться уже не получится.

– А это важно?

– О да! – с каким-то удивительным жаром сказал он.

* * *

Вторым экзаменом было Зельеварение.

Как я вычитала в своих книжках, оно проходило очень просто и незavidно для фамильяров. Потому что нас, условных зверюшек, на нём травили. После чего хозяева всматривались в наши грустные – или же волшебным образом преобразившиеся – рожи, ставили диагноз и бежали за ингредиентами. Варили, парили, накачивали нас эликсирами – и надеялись, что всё сделали правильно.

Признаться, вначале я думала, что мы это легко сдадим: я же человек, эй. Говорящий! Я смогу вести репортаж о своих ощущениях и тем самым помочь Эдинброгу разобраться с симптомами куда быстрее, чем какая-нибудь там альпака, которая будет лишь грустно моргать вне зависимости от того, наполнили ли ей желудок бабочками или отключили почки.

Но оказалось, что в правилах экзамена существует сноска очень мелким текстом, которую я радостно и весьма безмятежно проигнорировала. Сноска гласила: в случае, если фамильяр мага – «обладатель сознания, функционирующего на уровне человеческого» (ну и формулировка!) или представитель одной из разумных рас, то в начале экзамена проводится жеребьёвка и травят либо фамильяра, либо самого колдуна...

– А я твоей памяти не доверяю, – объяснял Эдинброд во время ужина.

Ужинали мы в Сироппинге. Столики, накрытые очаровательными клетчатыми скатертями, традиционно стояли прямо на улице, под ветвями магнолий, на которых таинственно и пожароопасно мерцали свечи, усиливающие и без того романтично-курортную атмосферу волшебной деревушки.

– Так что мы с тобой идём на охоту за *печальными колокольчиками* – это цветы, что расцветают только под полной луной. Съешь один – и на несколько часов твоя память станет идеальной. Ты вспомнишь вообще всё, что когда бы то ни было видела или слышала в своей жизни. Каждую букву, каждую цифру. Студентам такое принимать запрещено, а вот фамильяру – можно.

Мне понравилась идея ненадолго стать героем фильма «Области тьмы». Может, если мы быстренько сдадим экзамен, я успею ещё и создать какой-нибудь гениальный проект? Написать суперкнигу? Провести суперисследование? Или просто вспомнить – в деталях и с удовольствием – самые приятные мгновения своей жизни? Хотя последнее может привести к ужасному разочарованию... Память – сильнейший из фильтров реальности. Но настроен он у всех по-разному, в соответствии с темпераментом: у кого-то на хорошее, у кого-то – на плохое. Лично я оптимистка, а значит, в реальности моё прошлое могло быть гораздо хуже, чем мне запомнилось.

В общем, поев и одевшись потеплее, мы с Артуром отправились искать печальные колокольчики.

Мы тихонько покинули территорию университета и углубились в так называемые полые холмы. Там всё заросло какими-то штукаками типа камышей – только нежно-сиреневыми и светыющимися. В земле иногда попадались огромные норы, в которые легко мог бы влезть человек. Артур велел мне не подходить к ним: в большинстве обитали гигантские змеи. Я подавилась, тотчас прикинув их диаметр.

– Но это меньшая из наших проблем, – продолжил Артур. – Куда хуже то, что в других норах находятся подземные ходы в царство фейри. И вот это беда. Они могут забрать нас к себе в подземелья.

– И мы будем танцевать на балу короля фей, а когда вернёмся, поймём, что прошло сто лет? – попробовала угадать я, опираясь на земной фольклор.

Артур посмотрел на меня странно.

– Вовсе нет. Мы вообще не вернёмся: фейри выпотрошат нас и сделают чучела для подземного мира.

Я так резко побледнела, что Эдинброг тут же взял меня за руку. Больше тему фейри мы не поднимали.

* * *

Мы устроились загорать под луной, как двое сумасшедших. Потому что оказалось, что у печальных колокольчиков есть встроенный датчик движения. Они как макароны втягиваются в землю, а то и вовсе не вырастают, если рядом кто-то топает.

– Даже если топает на цыпочках! – убеждал меня Эдинброг.

Итак, мы легли. На животы. Бок о бок. Оперев подбородки на локти и стараясь не шевелиться.

Кругом шумели, постукивали и мягко мерцали галианские камыши. В воздухе над нами носились ночные стрекозы – пронзительно зелёные и сияющие.

Говорить было тоже нельзя, поэтому я лежала и думала о чём попало, вслушивалась в мерное дыхание Эдинброга. А ещё немного расстраивалась: он не похвалил мою тигрицу! Он вообще ничего не сказал о моём превращении на экзамене! Как так? Может, ему не понравилось? Или я смутила его? Или он хотел от меня больше экшена? А вдруг у него вообще амнезия? Непонятно...

И в этот момент у меня прямо под носом пророс туманный цветок. Действительно, колокольчик. Нежно-розовый и очень грустный, опустивший голову едва ли не до земли. Я тревожно скосила глаза на Артура: как его ловить? Артур со значением моргнул. Это можно было интерпретировать как угодно. Я решила, это значит: я сам разберусь, отдыхай.

Эдинброг принялся медленно, по сантиметру в три секунды, продвигаться вперёд. Когда их разделяло уже всего ничего, Артур вдруг выкрикнул заклятье и бросился на цветок, как кошка. Тот попробовал улепетнуть, втянувшись в землю, но Артур тотчас заморозил её своим колдовством.

Тогда цветок, ничтоже сумняшеся, сам себя оторвал от корней (ничоси!!) и стремительно полетел мимо меня вбок, явно намереваясь нырнуть в почву чуть дальше, за пределами ледяного участка. Но Эдинброг оказался быстрее: кинулся вперёд и схлопнул его в ладонях, сопроводив очередным заклинанием.

Правда, для этого Артуру пришлось напрыгнуть на меня – откатиться я успела ровно на пол-оборота и теперь тихонечко сипела под его весом.

– Поймал? – проворчала я глухо.

Мой нос был расплюсчен о его грудь. Артур осторожно приподнялся на локтях, чуть сполз в обратном направлении и триумфально потряс кулаком:

– Поймал!

Ох уж эти его фантастические глаза – то ли мёд, то ли кофе, то ли коньяк... Я снова зависла, глядя в них. Моргай, Артур. Пожалуйста, моргай, я так не люблю гипноз...

Но он тоже выпал куда-то из привычной обоймы времени. Задорная улыбка победителя на его лице сменилась каким-то задумчивым выражением, немного грустным, немного мечтательным, как бы размышляющим: пора? Не пора?

«Пора», – подумала я. И он, словно услышав мои мысли, потянулся ко мне.

Танцевал ночной ветер, шумел камыш, в кулаке Эдинброга туманный колокольчик превращался в волшебные лепестки.

Ближе, ещё ближе...

Я замерла, когда Артур слегка – почти невесомо – коснулся моих губ своими, тёплыми, пахнущими цветочной пылью и кофе.

Не успела я так же осторожно ответить, как он проскользил губами вдоль моей щеки, отмечая свой путь пунктиром легчайших, трепетных касаний, от которых всё внутри у меня замирало и рассыпалось каскадами огненных искр.

Чёрт, а он умеет распалить... Даже такой мелочью.

Эдинброк дотянулся до моего уха, прикусил мочку. Слушая его размеренное, как у ночного хищника, дыхание, я запустила пальцы ему в волосы, мечтая их взъерошить, но... Артур вдруг жёстко и быстро перехватил мои руки.

– Вилка, – шепнул он мне в ухо. – Подожди. Позади тебя стоит фейри. Из тех самых. *Чучельник.*

...Мне будто душу бейсбольной битой из тела выбили, когда до меня дошло.

Я ничего не ответила, но сердце моё подпрыгнуло так яростно, что Артур ещё раз коснулся губами моего виска – очень нежно, успокаивающе, *всё будет хорошо, доверься мне.*

А потом продолжил на ушко всё тем же интимным и одновременно повелительным шёпотом:

– Он пока наблюдает. Мне нужно подготовить заклятье. После третьего поцелуя – беги. И не оглядывайся. Что бы ни случилось.

– Но...

– Никаких «но», – он крепко сжал мои задрожавшие пальцы.

И такой же сумасшедшей дорожкой нежных касаний вернулся к моим губам.

32. Идеальный целовальщик

Я ожидала, что не почувствую ни одного из означенных поцелуев, потому что буду слишком увлечена, вслушиваясь в шорохи и посвисты летней ночи и пытаюсь угадать в них присутствие фейри.

Однако нет.

Уж не знаю, что за боевое плетение готовил там Эдинброк, но колдовство не помешало ему оказаться невероятным, потрясающим, идеально подходящим мне целовальщиком.

Я отсчитала необходимые три раза с трудом, потому что поцелуи были долгими и сопровождались катанием по траве. Либо Артур пытался в процессе уточнить диспозицию противника, либо тоже просто увлёкся – он то обводил моё лицо нежным касанием, то крепко обхватывал за шею, то царапал ключицы... Мои восторженные мурашки группой фанаток сопровождали каждое его движение. Примятая нами трава расправлялась и шуршала, как помпоны чирлидерш, а луна светила стадионным прожектором.

В какой-то момент я тоже увидела фейри. Краем глаза: высокий, удлинённый силуэт, нездешне-тонкий, с длинными золотыми волосами и прозрачной кожей. Было непонятно, мужчина это или женщина. Наверное, всё-таки мужчина, хотя больше всего фигура напоминала Офелию на полотнах прерафаэлитов. И только ножи, зажатые в изящных пальцах, подсказывали – персонаж недобрый. Но пока что фейри не нападал. Склонив голову, он с жадным интересом смотрел за нашими увлечёнными кульбитами... Фейри-вуайерист. С ума сойти.

И вот подступило время для третьего поцелуя...

Мы переглянулись. Глаза у Эдинброга были серьёзные, отчаянные, но слегка подёрнутые звёздной дымкой влечения. Мои, наверное, казались совсем поехавшие-томными.

На прощание, перед тем как отстраниться, Артур осторожно вложил мне в ладонь пойманный нами цветок. И тотчас же ночь растеряла всю свою тишину и благодать.

Эдинброк вскочил на ноги, на ходу запустив в фейри какое-то сложное геометрично-трёхмерное заклинание. Чучельник, не ожидавший такого подвоха, взвизгнул высоким тонким голосом, но успел... превратиться в разноцветное облако бабочек. Они легко пролетели сквозь грани колдовской решётки и собрались в фейри вновь – но уже на несколько шагов ближе к Эдинброгу.

Артур швырнул ещё одно заклинание...

Мне показалось, что лучше будет, если я останусь и помогу. Я же всё-таки фамилляр, нет? Но Эдинброд рявкнул:

– Беги!

И я послушалась. Бросилась с холма, как и было велено. За спиной что-то гремело, взрывалось и хлопало. Ночь созерцала битву с прямодушной холодностью бесконечности.

Я добежала почти до дубовой рощи, за которой начиналась территория Форвана, как вдруг из зарослей волшебного рогоза мне навстречу поднялся ещё один фейри. Такой же невыносимо прекрасный и грациозный. С такими же убийственными ножами в руках.

О-оу. А своей-то – чисто своей – магии у меня и нет.

Или есть?.. Борис же как-то колдует? Что он там говорил – любое заклятье сначала дает эффект взрыва?

Столбом застыв перед фейри – он молчал, глядя на меня уверенно и насмешливо, как на заведомую жертву, – я вспомнила самое простое заклятье из тех, что при мне применял Артур. Обычный лёгкий щелчок со словом *paguar*! В помещениях от него гасли лампы.

Фейри шагнул ко мне навстречу... Я попробовала погасить несуществующий свет. Ничего не вышло, только выражение лица существа стало ещё более издевательским.

Я вновь упрямо щёлкнула пальцами:

– *Paguar*!

Никакого эффекта. Лишь ещё один шаг фейри ко мне.

– *Paguar! Paguar! Paguar!*

И вот когда чучельник одной рукой уже ухватил меня за горло, щелчок сработал. Яркий огонь вспыхнул над моими пальцами, опалив нам обоим брови и ресницы, заставив отпрыгнуть в разные стороны.

Ура!

Я могу колдовать!

Но не успела я обрадоваться и кое-как протереть слезящиеся глаза, как фейри превратился в этих дурацких бабочек... Их стая набросилась на меня, и когда существо вновь приняло свою обычную форму, оказалось, что оно обхватило меня за плечи, прижав один из ножей к горлу.

– Сладкая человечка! – пропел фейри голосом, напоминающим перезвон колокольчиков, и невесомо провёл лезвием по моей коже. – Я сделаю из твоих внутренностей паштет и поставлю твоё чучело на пороге моего дома... Я буду переодевать тебя, как куколку, семь раз в неделю, а по ночам – раздевать, я буду вешать тебе на руки плащи и зонтики и мерить на тебя мои шляпы...

– Ну и больная же у тебя фантазия, парень, – процедила я в ответ на эти чудовищные обещания. – Меня сейчас спасут, не рассчитывай.

– Кто? Тот юноша? Увы, ему плевать на тебя, дорогая. Я тоже следил за вами из травы...

(Пометочка: не один фейри! Целое племя фейри-вуайеристов.)

– ...Он целовал тебя, а сам думал о другом. Что это, как не равнодушие? Ты просто случайность, досадная ошибка в его жизни, – шептал злой фейри, и его ледяные пальцы танцевали на рукоятке ножа.

И вдруг сзади вспыхнул свет. Фейри тонко взвизгнул, а потом пальцы его разжались. Я бы осела на землю мешком, но меня вовремя подхватили на руки.

Лицо Артура заслонило небо и луну. Нахмуренное, яростное, но одновременно с этим самое красивое из всех лиц, какие я когда-либо видела – во сне или наяву.

– Это не равнодушие, а дисциплина, – отчеканил Ван Хофф Эдинброд, осторожно возвращая меня на землю. – Дурацкие фейри понятия не имеют, как мне было сложно.

– Целовать меня было сложно? – переводя дух, я тотчас кокетливо прищурилась.

– Думать в этот момент о другом, – вскинул бровь Артур. После чего наклонился и вновь коснулся своими губами моих.

Сердце моё ликующе подпрыгнуло. Мы улыбнулись друг другу, заговорщицки перемигнулись и, понимая, что лучше бы нам сбежать из владений фейри подальше и побыстрее, двумя шустренькими теньями помчались к университету. По дороге колдун попробовал взять меня за руку – уже привычным жестом, – но тотчас с проклятьем отдернул пальцы.

– У тебя ногти дымятся! – изумился он.

И был абсолютно прав. Я рассказала ему о том, как сумела дать фейри отпор при помощи заклинания. Артур живо заинтересовался, и весь путь до Форвана мы обсуждали мое проклянувшееся колдовство.

– Если хочешь, я дам тебе пару уроков магии, – предложил Эдинбруг.

Я уже открыла было рот, чтобы согласиться, когда он продолжил задумчиво:

– Думаю, я успею научить тебя четырём-пяти заклинаниям за то время, пока не закончатся экзамены, нашу связь не разорвут, и ты не вернёшься домой... – Под конец он говорил всё медленнее, неувереннее, будто внезапно вспомнил о чём-то неприятном.

Собственно, так оно и было.

– Нет, не надо меня учить, – я разорвала воцарившуюся болезненную тишину.

Упоминание о Земле резануло душу неожиданной тупой болью. Точно. Это ведь всё и впрямь не более чем досадная ошибка. Идиотский случай, недолгий сон, который скоро закончится. Не надо мне учиться здесь колдовству.

И, что куда важнее, не надо привязываться к Артуру. Это было глупо – целоваться с ним, вести все эти беседы по душам, всё сильнее сближаться день ото дня. Недальновидно, и грозит затяжной депрессией по возвращении...

Относиться ко всему легко – вот единственный подходящий вариант поведения в Гало. Не париться. Не волноваться. Не влюбляться.

...Чёрт, поздно вато я спохватилась.

33. Романтические танцы с бубном

Натура человеческая противоречива, загадочна и склонна к неповиновению.

Никогда не знаешь, что придумается твоему сердцу, и как его – сердца – порывы потом притушить. Обычно помогает беспощадная логика или переключение фокуса внимания.

Но уж случилось влюбиться – пиши пропало!

Влюблённость нестигаема, неизгоняема. И чем сильнее ты отбиваешься от неё, тем глубже увязаешь: попытки найти минусы в объекте любви превращаются в бесконечные оды, попытки не думать о нём – в мысли о нём одном, намерение держаться подальше – в томное предвкушение встречи...

Следующие дни в Форване были сладкими и мучительными.

Мы с Артуром барахтались между заманчивой идеей «обычной курортной интрижки» и суровым пониманием, что ничего «обычного» у нас не получится: не те темпераменты. Чем сильнее сойдёмся сейчас, тем больнее окажется после: лучше, наверное, совсем не сближаться. Но ведь хочется? И колется... И очень, очень, *очень* хочется.

В итоге оставшиеся недели до моего отбытия в далёкую-далёкую галактику нависли над нами то ли дамокловым мечом, то ли игривым хвостиком зайчика из Playboy (который, впрочем, приделан к заднице).

Со стороны наши романтические танцы с бубном выглядели так странно, что периодически устраивающий стычки с Артуром нимфин Каприз смотрел на нас, как на полных идиотов, а Мэгги вообще неверно их интерпретировала:

- Между вами вставать опасно – закоротит! Неужели вы всё ещё ненавидите друг друга?
- Да, о да! (Ах, как это было бы просто!)
- Ненавидим!
- Ужасная Вилка!
- Отвратительный Эдинброг!

И хохочем... А потом вдруг умолкаем, как отрезало: время-то продолжает идти. Тик-так. Осталось шестнадцать дней. Четырнадцать. Чёртова дюжина...

Сблизиться или нет? Разбить себе сердце любовью или отказом от любви?

...Моей главной задачей при подготовке к Зельеварению было прочитать как можно больше книг. Настойка из туманного колокольчика поможет вспомнить всё что угодно, но для начала неплохо, чтобы было, что вспоминать.

Поэтому я всё время ходила с книжкой в руках, рискуя врезаться в резные колонны или в студентов. Я читала на лужайках, на крышах и на скамейках, устроив голову Артура на колени. Перед сном и рано утром (так лучше запоминается: сразу после подъёма мозг ещё не успевает погрязнуть в делах и тревогах дня, а в ночи уже успокаивается, убрав их в далёкий ящик с этикеткой «прошлое»).

В день перед экзаменом мы взяли лодку и отправились на речку, которая прихотливо-кокетливой лентой вилась на дальней окраине кампуса.

Это была настоящая lazy river – как из классических аквапарков. Очень медленная, вольготно бурлящая, с кучей поворотов. По берегам росли пышные кусты с огромными цветами. Солнце грело нещадно, едва ли не пульсировало, и золотые блики скакали на волнах в компании форели и крохотных феечек кувшинок. На песчаном берегу жарились студенты, благообразно прикрыв лица учебниками.

Другие колдуны стайками уходили в воду. Они раскидывали руки и позволяли течению творить с собой всякое непотребство. Например, вытаскивать их на середину реки, где купальщиков с негодованием и вёслами встречали катающиеся на лодках. Мы – в их числе.

Лодочек на реке было много: разноцветные и лёгкие, иногда они сталкивались бортами (если между ними не оказывалось пловца).

Мы с Артуром лежали на дне плоскодонки, а на корме устроилась Мэгги в широкополой соломенной шляпе. Она сидела спиной к нам, свесив ноги в прохладную воду, и милостиво гоняла нас по программе.

– Вилка! Представь, что Артуру дали эликсир, из-за которого он превратился в единорога. Твои действия?

– Покатаюсь! – ликовала я. – С детства мечтала!

– А потом рог срубят, – фыркнул Артур. – Не пропадать же добру, да?

– Бр-р-р! А серьёзно? – супилась Мэгги.

– Не помню, но сегодня я читала это во-о-он в той маленькой книжечке! – Я потянулась, чтобы показать, в какой именно, и ненароком щёлкнула по носу лежащего рядом Эдинброга. Он в ответ цапнул меня за палец, да так шустро и неожиданно, что я взвизгнула, шарахнулась и чуть не перевернула лодку.

– Вы там что, убиваете друг друга?! – сурово оглядывалась медсестричка.

– Убиваем, – сокрушались мы. – Уже почти убили.

Мэгги неодобрительно цокала языком и вновь отворачивалась, утыкаясь в записи. Артур, улучив момент, целовал меня в голое плечо, а потом старательно делал вид, что мне это приключилось. Ван Хофф Жулик.

День уже перевалил за середину, когда в нас с берега неожиданно стали швыряться яблоками. Первым трём мы обрадовались – о, еда! Потом стало ясно: это не благотворительность, а просто кто-то требует нашего внимания.

«Кем-то» оказался Лидо Хоффстерман – такой же пятикурсник, как Артур, очень незамутнённый хорошенький брюнетик, живший прямо под нами. Это его спальню я в первую ночь бодренько затопила.

– Артур! Вилка! Вас срочно зовут в Октагональную библиотеку! Мастер Говерик говорит – комиссия прибыла!

– Что за комиссия? – крикнула я в ответ. Лидо, бежавший по берегу вслед за течением, был готов объяснить мне это на максимальной громкости, но Артур лишь чертыхнулся, сел и заорал:

– Поняли! Сейчас будем!

– Ты прямо тут телепорт открывать собрался? – воскликнула Мэгги, когда Эдинброд поднялся на ноги, кое-как натянул штаны и рубашку на влажное после купания тело (лодка

заплясала на воде, рискуя перевернуться) и стал энергично чертить прямо в воздухе светящиеся синие значки, похожие на финикийское письмо.

– Ага, – отозвался студент. – А то пешком отсюда полчасика, не меньше.

– Так ты на берег-то выйди! – посоветовала Маргарет. – Нас всё-таки на волнах качает, как стабилизироваться будешь?

– А фамильяр мне на что? Вилка, поможешь?

– Конечно!

Я уже тоже встала, набросила платье и шляпку канотье. Потом размяла пальцы и стала технично подхватывать лазурные буквы, слетающие с ногтей Эдинброга, и цеплять их одна к другой, будто на невидимую нитку. Когда волшебное «ожерелье» доросло до полутора с чем-то метров, мы с Артуром встали вплотную друг к другу и замкнули его вокруг себя, будто поясом обвязались.

Буквы тотчас засветились, вокруг нас вспыхнул столб безмятежного синего цвета. Раздался долгий приятный звон.

– Удачи с комиссией! – пожелала Мэгги.

– И всё-таки: что это за комиссия? – вновь попробовала выяснить я.

– Простая формальность! Из столицы прибыли министерские маги, которые хотят убедиться, что твоё появление в Форване – это ошибка ритуала, а не чей-то злой умысел. Мастер Говерик, я и остальные преподаватели просто воспроизведём для них всю последовательность наших действий в тот день, а они запишут. Потом съедят в Сироппинге две-три сковородки блинчиков и радостно уедут прочь.

Свет и звук постепенно нарастали, становясь громче и уплотняясь. По реке пробежала рябь, феечки кувшинок пригрозили нам суровыми разборками (из-за колдовства их немного сдувало), а пловцы-студенты на всякий случай отгребли подальше.

Наконец телепорт поглотил нас, чтобы мгновение спустя выплюнуть в зале Октагональной библиотеки.

– М-м-м, ностальгия! – с улыбкой пропела я, увидев, что всё выглядит точно так же, как в мой первый день в Форване: куча старцев в мантиях, пентаграмма, свечи, тяжёлый пыльный дух.

Разве что Артур на сей раз в шлёпках и куда веселее.

Предвкушая забавное зрелище, я уселась на зрительскую лавку в один ряд с членами прибывшей комиссии: зевающими, но честно подготовившими блокноты и перьевые ручки для записи.

Ну, давайте посмотрим, как всё это выглядело со стороны...

34. Привет, Уорхол

Мне казалось, что я очутилась то ли на репетиции захудалого театра, то ли на полицейском расследовании в захудалом же городке.

Маги пытались с точностью воссоздать ритуал. В процессе они бесконечно брюзжали и спорили: кто где стоял, кто запевал, а кто тянул канон заклинания... а вот та свеча потухла перед началом, а Артур-де держал руки скрещёнными...

Формальность или нет, но за дело эти зануды взялись всерьёз. Меня так и подмывало вскочить и замахать руками: «Эй! Да чего расследовать-то, понятно, что проблема в том, что я прыгнула в пентаграмму вместо своего кота! Расслабьтесь уже и верните нас на пляж – а то у меня загар неравномерный!»

Большинство магов из комиссии зевали и закатывали глаза, раздражённые академической обстоятельностью. Дамочка, державшая на руках плетёную корзинку – видимо, внутри сидел её питомец, – с тяжким вздохом пристроила подбородок на крышку и прикрыла глаза.

И только один из колдунов вначале с жадным интересом смотрел на меня, а потом подсел поближе и спросил:

– Это вы злокозненный фамильяр, верно?

– Так уж злокозненный? – Я обдала его холодом в лучших традициях Эдинброга. – Я лучший фамильяр в этом мире, прошу отметить. Здравствуйте.

Чужак приятно рассмеялся. Улыбчивый блондин лет тридцати пяти, он мне кого-то мучительно напоминал, но я не могла понять, кого именно. На плече у него сидела симпатичная белочка и грызла драгоценный орех. Фью, как выпендрёжно!.. (И, вероятно, не слишком полезно.)

– Меня зовут Хьюго ДеБасковиц. Я – создатель Большого Адронного Телепорта в столице, – мужчина протянул мне свою визитку. – Это я отправлю вас на Землю, когда тут всё закончится.

– О? – Я уставилась на Хьюго с куда большим любопытством. – Хорошо! А это вообще безопасно, кстати?

– Для вас да – раз вы без приключений попали оттуда сюда, то и вернётесь спокойно. С вами, землянами, всё всегда проще благодаря вашей стабильной ауре – а координаты вашей планеты нам давно известны. Вообще, лично я полагаю, что наш Большой Адронный Телепорт... – (мне так и слышалось – коллайдер) – ...это уже самое безопасное место в мире и для галианцев тоже, хотя тесты и проверки продолжаются. Как вы, наверное, знаете, мы разработали его специально для Пришествия, чтобы иметь возможность спасти хотя бы часть людей, если вашему партнеру, – кивок на Эдинброга, – не удастся урегулировать кризис с Тварями. Хотя я верю в Артура, – пауза. – Он всегда мне нравился, – вздох. – В любом случае, я рад, что в нынешней непростой ситуации с Судным днем я занимаюсь полезным делом, а не просто жду конца и потихоньку схожу с ума, как многие.

Странно. Вроде Хьюго был приятным и серьезным собеседником, но что-то меня в нём бесило. Чёрт. На кого же он похож?

Меж тем ритуал наконец-то начался.

Комиссия примолкла, а старички-преподаватели запели. Их фамилльяры устроили что-то вроде хоровода... Точнее, нет: они наматывали вокруг хозяев круги, как спутники вокруг планет. Я уже знала, что это техника «Катушки», порождающая некие вибрации, которые ведут к равномерному усилению способностей колдуна. Некоторым фамилльярам – например, волкам – хватало трёх шагов, чтобы обойти владельцев, а вот мелочи типа бабочек приходилось попотеть...

Мастер Говерик взял протянутую руку Артура и вдруг полоснул по его пальцам ножом.

– Чёрт! – воскликнул Эдинброд, от неожиданности дёрнувшись. – Мы же имитируем вызов, мастер!

– Надо полностью показать процесс уважаемым гостям, – забухтел старичок. – Пусть видят, что наш университет отвечает всем необходимым стандартам. Да, здесь может произойти несчастный случай, от этого никто не застрахован, и нам будет очень жаль, мы будем дико горевать, но злой умысел – нет, никогда...

Он бормотал, а кровь капала.

– Видим, мы видим, не волнуйтесь! – крикнула какая-то женщина рядом со мной.

– Да зажмите ему уже рану! – посоветовала другая, с корзинкой.

– Нет-нет, правильно, пусть всё показывают последовательно! – не согласился Хьюго.

Вот балаган.

Артур пожал плечами, буркнул заклинание и принялся своей окровавленной рукой писать какую-то формулу прямо в воздухе, как будто бы на стекле. Старцы взвыли мощнее. Пентаграмма вспыхнула. Мастер Говерик обернулся к комиссии и робко сказал:

– А вот дальнейший текст мне придётся опустить, иначе он возымеет магическую силу, и, так как фамилляр у господина Ван Хофф Эдинброга Третьего уже есть, это может привести к плохим последствиям...

– Да это мы понимаем! – рявкнула уставшая комиссия.

А я поперхнулась, потому что кровь Артура стекла со своей невидимой стены на пентаграмму. И тотчас внутри рисунка вместо пола оказался густой чёрный туман, в котором я вдруг услышала явственное мяуканье...

Очень знакомое.

– Уорхол! – ахнула я, вскакивая со скамейки.

– *Мяаяаяауууу?! –* напряжённо ответил туман.

– Что происходит? – всполошилась комиссия.

– Всё под контролем! – затарахтел Говерик. – Это и есть межпространственное окно. Вот, собственно, в прошлый раз мисс Виолетта изволила прыгнуть в него в момент чтения формулы, и её втянуло сюда вместо кота. Так всё и случилось.

– А кота сейчас не втянет?! – возмутилась комиссия.

– Нет, если мы не позовём, – старичок поправил очки на носу. – А мы не позовём, ибо – зачем нам кот? Кому вообще нужны коты? Бессмысленные создания.

Его фамильяр-змея одобрительно кивнула.

– Эй! – взъерошилась я. – Не надо обобщать! Тем более вы о моём коте вообще-то говорите!

– *Маяяяуу?! –* проорали с Той Стороны куда громче. И слегка удивлённо.

Боюсь, за время нашего знакомства Уорхол ещё не понял, что он – мой кот, а не царь двора.

– Обобщать действительно не надо! – вдруг подала голос та же сердобольная дамочка, что просила зажать рану Артура. – Кошки замечательные!

И она вдруг приоткрыла крышку корзинки.

– Правда, Сарочка? У-тю-тю! – засюсюкала она, обращаясь к очаровательной белой кошечке, сидящей внутри. Та изо всех сил ластилась к хозяйке и отчаянно выгибала спинку. Дама продолжила: – Моя вот Сарочка, например, такая умница, что даже во время течки почти не орёт... Ой.

– *Маяяяяуууу!* – зато Уорхол с Земли орал.

– *Течки?! –* хором завопили маги.

– Маяяяя, – кокетливо подтвердила кошечка, двинув ушком. – Маяяя.

– О боже! Женщина! Уберите кошку! *Aa! Нем!*

...Но моего дворового короля с другой планеты уже, считай, позвали.

Чёрный туман дернулся, а потом разошёлся взрывом, гася пентаграмму.

– Мяу! – триумфально объявил шлёпнувшийся в центр плетения Уорхол. Серенький, с драным ухом, невероятно деловой.

Он хищно обернулся к женщине с корзинкой...

– Ой, – прошептала та. – Что-то я не подумала...

А потом хлопнула в ладоши и исчезла вместе с кокетливой кошечкой.

Уорхол был разочарован. С тяжким вздохом он перевёл взгляд на меня, потом брезгливо переступил края пентаграммы, шикнул на змею мастера Говерика и, высоко задрвав хвост и встопорщив усы, пошёл к своей блудной хозяйке.

– Третий землянин. Теперь ещё и хвостатый. Ой, беда-беда... – запричитали преподы на разные лады.

А Артур, запрокинув голову, ржал, как псих. Да так заразительно, что члены комиссии в конце концов присоединились к нему полным составом. А потом и я. И только Уорхол, с некоей снисходительностью прыгнувший мне на руки, что-то ворчал-тарахтел на своём кошащем.

Ну и форванские старички метались, драли седые бороды... Себе и друг другу.

– Всё с вами ясно, – утирая слёзы хохота, сказал глава комиссии. – Ошибка так ошибка. Никаких штрафов не будет, до свидания. Постарайтесь не заселить наш мир целым анклавом землян, хорошо?

И приезжие колдуны один за другим принялись хлопать в ладоши, телепортируясь прочь из библиотеки.

Только Хьюго ДеБасковиц задержался. Похохотал ещё чуть-чуть, а потом встал и пошёл к Эдинброгу.

– Привет, Артур, – сказал создатель коллайдера. В смысле, портала.

– Ох, Хьюго, – студент тотчас перестал смеяться. Лицо его потемнело. – Привет.

И они, пожав друг другу руки, погрузились в неожиданно траурное на фоне всеобщего веселья молчание...

Чёрт.

Я наконец поняла, на кого похож ДеБасковиц.

35. Это провал

Столичный маг Хьюго был точной копией – только мужской и постарше – небезызвестной Аманды... Той самой любви Эдинброга (гниловатой, как по мне), для которой особенно плохо закончились кувыркания с Борисом.

Кот Уорхол обмяк у меня на руках, как пыльное мороженое, я механически гладила его и смотрела на разговаривающих мужчин. Так. Самое главное – не показать сейчас, что я вообще знаю что бы то ни было о существовании Аманды. Артур как бы мне о ней не рассказывал. Всю информацию я добыла путями, которые вряд ли ему понравятся.

А вру я плохо. Безднадежно и бесталанно, так, что свидетелей этого ужаса начинает душить испанский стыд. Десятки раз я читала о том, как люди выдают себя при попытке солгать (чтобы не повторять их ошибок), с удовольствием смотрела сериал «Обмани меня», но всё равно – в моменты необходимости я чувствую себя Пиноккио.

Когда Хьюго тоже телепортировался прочь, Артур подошёл ко мне.

– Кто это был? – тотчас спросила я, забыв умерить свое неуёмное любопытство.

– Один... знакомый, – к моему лёгкому огорчению, Эдинброг не стал вдаваться в подробности. Значит, всё ещё недостаточно мне доверяет? – Господи боже мой, Вилка! Какой у тебя шикарный кот!

Вновь повеселевшие глаза Артура обратились к Уорхолу. Тот приветствовал чужака ознакомительно-басовитым мямом.

– Можно мне его поддержать?

– Бери. Только он совершенно не домашний, своевольный и с придурью, будь готов.

– То есть, весь в хозяйку! – со смешком резюмировал Эдинброг и забрал у меня кота. – Ох, парень, пойдёшь всё по плану и стань ты моим тигром, мы бы с тобой зажгли!

Уорхол, подставив ушко под пальцы студента, благосклонно согласился с этим заявлением.

* * *

Вечер прошел в особенно активной подготовке к экзамену.

Я с бешеной скоростью долистывала учебники, до которых не успела добраться раньше, Артур тоже что-то потихоньку повторял и, главное, зачаровывал для меня туманный колокольчик – тот самый, что превратит мою память в удобный аналог команды «обзор: мой компьютер – файлы».

Уорхол ходил по спальне, обнюхивая иномирную мебель – сначала брезгливо, потом увлечённо. Затем он растянулся посреди моей постели в вольере и был таков.

– По-моему, мне негде теперь спать, – фыркнула я. – Это у тебя кровать большая, а моя – увы.

Артур сверкнул на меня глазами от стола.

Я тотчас переполошилась:

– Это не намёк. В смысле, это факт, но я не имею в виду ничего *такого*.

– Какого «*такого*»? – наклонил голову он.

– Я не прошусь в твою кровать, – мой взгляд скользнул по изящным кручёно-дубовым столбам с балдахином.

– А я и не подумал об этом.

– Да? А почему ты тогда так смотришь?

– Как – так? – лукаво улыбнулся он.

– Ты повторяешься в своих вопросах, Эдинброг.

– А ты волнуешься. Почему? – Он сделал мягкий, скользящий шаг в мою сторону.

– Я не волнуюсь.

Как всегда при приближении Артура, у меня похолодело в голове и потеплело в животе. Мозг, ау! Вернись в привычную диспозицию!

– Мяу, – глубокомысленно заявил Уорхол и переместился с кровати под неё.

– О, теперь мне снова есть где спать, – со странной смесью облегчения и разочарования выдохнула я.

Артур ничего не ответил. Только задумчиво-рассеянно улыбнулся и вернулся к цветку: он прыскал на него чем-то, при застывании напоминавшим сахарные кристаллы. Выглядело аппетитно. Настоящий десерт.

И, кажется, не я одна так подумала, потому что с утра, когда мы проснулись по звуку общеучебного гонга – скоро экзамен! подъём! – Уорхол сидел на столе и с урчанием жрал мой колокольчик.

– Нет! – ахнула я. – Плохая киса, плохая!

– Вы и впрямь все одинаковые, земляне! – опешил Артур. – Планета вредителей, что ж такое-то!

Спасти цветок уже не представлялось возможным. Хитрая серая морда выглядела удивлённой: уж не знаю, какова ёмкость кошачьего мозга и памяти, но что-то там Уорхол явно вспомнил. Сел на подоконник, не двигаясь, и уставился в одну точку, только зрачки чуть подёргивались. Иногда кот издавал тихий восторженный вздох... Если я вернусь, а он тут достиг нирваны за время нашего отсутствия – пожалуй, я даже не удивлюсь.

Нам с Эдинброгом ничего не оставалось, как, чертыхаясь и слегка паникуя, побежать на экзамен.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – пытался приободриться Артур. – Столько дней ведь готовилась! Например, противоядие от Тлетворной Кончины Хуффабура?

– Э-э-э-э...

– А где искать лимонник для зелья видимости?

– Ну-у-у... Я помню, что, когда читала про это, мы лежали под вишнями в западном саду, и ты меня щекотал. Всё, – обречённо призналась я.

– М-да, – студент экспрессивно взъерошил волосы. Еще пару недель назад со стороны Артура был невозможен подобный легкомысленный жест, но со мной он расслабился.

И, похоже, зря.

В экзаменационном шатре было полно народа. На сей раз испытание проводилось в огромной форванской оранжерее – это сделали специально, чтобы горе-травники могли нарвать часть ингредиентов прямо на месте. «У нас всё-таки экзамен, а не квест», – сделав суровую мину, говорили преподаватели. А потом тихонько хихикали и потирали руки, представляя мучения тех невезучих, кому для зелья понадобятся яйца нойдича или что-нибудь в этом роде.

В дальней части оранжереи стоял длиннющий стеклянный стол, уставленный непрозрачными кувшинчиками, а за ним в своих огромных бочках тихо гудели экзаменаторы.

– Они ведь тебя спасут, да? – взволнованно бормотала я, когда пришла наша очередь тянуть билет. – Артур, если я вдруг вообще ничего не сумею сделать, а ты начнешь скоропостижно погибать – экзаменаторы сами тебя откачают?

– Ну, сами – это вряд ли... – протянул Эдинброг, искоса глядя на очередного желейного Безликого.

Тот наполовину высунулся из своего бассейна и жестом гадалки рассыпал перед нами ракушки – много-много. Артур взял одну наугад, протянул исконному жителю мира.

Экзаменатор поколдовал над ракушкой, неведомым образом считал с неё информацию и забулкнул:

– Прекрасно, теперь мы знаем, чем будем травить либо вас, либо вашего фамильяра... – снова бульканье. Эх, не пойму: то ли это смех, то ли кашель. – Пожалуйста, вытяните жребий.

Безликий нырнул щупальцем в свой бассейн и достал из него небольшой сундучок. В сундучке лежали два хрустальных шара. Мы с Артуром взяли их.

Шары тотчас мелко затряслись и загудели, а потом мой вдруг гаркнул:

– Тебя травим!

А Артуров:

– Ты спасаешь!

Секунда потребовалась нам, чтобы осознать: нам повезло.

– Да-а-а-а! – Я радостно запрыгала, хлопая в ладоши. – Ура-ура-ура-а-а-а!

– Аллилуйя, – с колоссальным облегчением выдохнул Эдинброг.

– Впервые вижу, чтобы кто-то так радовался экзамену, – удивлённо булькнул Безликий.

Потом он повесил на нас амулеты-подглядки (предполагалось, что они будут следить за тем, чтобы мы не списывали и не подсматривали в учебники), ловко подцепил присоской один из глиняных кувшинчиков и протянул его мне.

– пей.

Я глотнула. Зелье было безвкусным, будто вода из-под крана.

Безликий засёк время начала нашего испытания и шуганул нас от стола, за которым уже выстроилась длинная очередь из других студентов.

– Ну давай! – Артур деловито присел на какой-то оранжерейный пенёк. – Диктуй симптомы, будем придумывать, чем лечить.

– Ну, пока я ничего не чувствую.

– Вообще ничего?

– Вооб...

Договорить я, увы, не смогла.

36. Экзамен по зельеварению

Сначала я решила, что попала под действие какого-то паралитического вещества – шевельнуться у меня не получалось. Совсем. Даже зрачками повести туда-сюда или моргнуть не вышло.

Но едва я успокоилась, сжившись с мыслью об «окаменелости», как произошла ещё одна метаморфоза: моё сознание вдруг взяло и... как бы отошло от моей головы. Сделало аккуратный шагок вбок, покинув свой привычный пост за глазами, и зависло, бездомное и неошутимое, над бывшим моим плечом.

– Твою ж мать! – хотела выругаться я, но получилось только молча подумать.

Артур между тем нахмурился, провёл рукой перед лицом моего тела (боже, это звучит как название дешёвой книжки) и сказал:

– Ага.

Ни фига не ага! Эй! Куда пошёл?! Не вздумай варить мне что-либо антиоцепеняющее! Эдинброд!

Я безмолвным невидимым взглядом полетела за студентом, который уже, деловито насвистывая, шагал между грядками оранжереи. Артур был абсолютно уверен в своём вердикте. «На прощание» он прикрыл моему телу глаза и осторожно привалил его к ближайшей стенке – за это ему, конечно, спасибо. Но ведь диагноз поставлен неверно!

Эх. Вот и как повлиять на внешний мир, если у тебя нет ни рук, ни ног, ни носа, ни пистолета?

Возле куста с берлёвкой у Артура вышла стычка с Капризом. So classic. Там висела всего одна бело-синяя ягодка, и студенты бросились к ингредиенту с двух сторон: он был нужен обоим.

...Или обоим не нужен: если предположить, что ушастый нимфин тоже неправильно лечит пуму.

– Поделим ягоду пополам. Нам хватит, – предложил Эдинброд, пока оба нависли над веткой, растопырив пальцы, как хищные птицы. Драться во время экзамена строго запрещалось.

– Иди на хрен, – коротко ответил Каприз.

И резко выбросил руку вперёд, собираясь сорвать ягодку и, видимо, удрать. Я же, повиная инстинкту, кинулась ему наперерез в некоем безотчетном порыве.

И... коснувшись пальцев нимфина, вдруг слилась с его личностью.

– Господи! – ахнула я, вновь обретя тело.

Правда, чужое. Глядя на свои новоприобретённые тонкие мужские пальцы, созерцая упрямую рожу Эдинброга напротив, я ещё раз хрипло ахнула, отшатнулась и... начала себя интенсивно ощупывать. Потом оттянула резинку штанов и охнула уже в третий раз.

Глаза Артура удивлённо расширились.

– Каприз, с тобой всё хорошо? – напряжённо спросил он.

- Я не Каприз!
- М-м. Я могу позвать докторов.
- Я Вилка!
- Э-э-э?

Я сделала шаг вперед и над кустом преткновения двумя руками обхватила лицо Артура, заглядывая ему в глаза.

- Видишь? Это я.
- Ну... – неуверенно протянул Эдинброг.

И тотчас получил от меня хук справа, откинувший его на добрый метр. Потому что, как оказалось, нимфин Каприз *тоже* был внутри своего тела. Просто в первые пять секунд не понял, что происходит.

Зато теперь у нас с ним развернулась борьба за власть под аккомпанемент Артурова: «Каприз, сволочь эдакая, ты мне чуть зубы не выбил!»

- Вали отсюда, фамильяришка!!! – шипела я, саму себя колотя по груди.
- Но я понятия не имею как! Хватит нас бить! Больно же!
- Мерзкая девчонка, если я из-за вас завалю экзамен, я точно прирежу вас обоих! Как же вы меня задолбали! – Я экспрессивно вскидывала руки к небу.
- Артур! Артур! Ты понял, что у меня не столбняк?! Или как там это называ...
- *Уроды!*

В общем, я вертелась волчком, меняла интонации, периодически залепляла самой себе оплеухи и так далее. Из-за окрестных клумб, как суслики, выглядывали любопытные студенты. Эдинброг, отняв руку от лица, перестал негодовать и вместо этого расплылся в какой-то подзрительной ухмылке.

- Что ж, теперь всё понятно: нам досталось зелье Великого Путешествия. А значит, берлёвка мне не нужна, – великодушно сказал он. – Каприз, оставляю ягодку тебе. И Вилку тоже.
- *Что?!* – слаженным хором рявкнули мы с нимфином.

Артур пожал плечами. Вроде бы серьёзно, но было видно, что внутри он весь трясётся от едва сдерживаемого хохота.

– Понимаешь, Каприз, – проникновенно сказал он, – выпивший зелье Великого Путешествия может вселиться в чужое тело только один раз за приём. И выйти получится только в момент получения противоядия. Так что вы с Виолеттой временно в связке.

– Да какого ж рожна! – вновь вспыхнул нимфин, хватая Артура за рубашку. – Почему твой фамильяр именно ко мне прицепился?!

- Не знаю. Но вряд ли потому, что ты ей нравишься: у неё ведь есть вкус.

И ещё одна попытка рукоприкладства со стороны Каприза.

На сей раз неудачная: Артур перехватил его руку и, якобы удивлённо, зацокал языком:

– Каприз, ну какое же у тебя хрупкое эго, оказывается!.. Прости, не знал. А теперь, пожалуйста, успокойся.

– Стори в аду, Эдинброг! Я не хочу успокаиваться, я хочу убить вас всех к чёртовой матери! Как вы могли допустить, что в меня вселилась твоя подружка?! Сколько ты будешь варить своё идиотское противоядие?! А-а-а, заткнись, Вилка, не бубни у меня в мозгу, я не отдам тебе контроль над телом!

Вы смотрели мультик «Головоломка»? Про то, как в головах у людей живут и взаимодействуют разные чувства, иногда отчаянно сражаясь за «пульта управления»? Вот-вот. Примерно так мы с Капризом себя и чувствовали. Мне казалось, моё сознание толкается локтями с чьим-то чужим в слишком маленьком помещении, и вдобавок этот кто-то безостановочно орёт на одной ноте.

Артур, зараза такая, явно наслаждался зрелищем, из-за чего его попытки нас утихомирить были не вполне искренними. Но потом часы, висящие под потолком оранжереи, издали

мелодичный звон, напомнив нам о том, что вообще-то идёт экзамен, и мы, отставив вопли, наконец взялись за переговоры по-настоящему.

– Я думаю, – прикинул Эдинброд, – будет честно, если Вилка постарается никак не мешать Капризу в ближайший час – примерно столько мне потребуется для работы над противоядием. Вилка, ты сможешь вести себя... ну, пристойно? Капризу тоже надо сдать зельеварение, как ни крути.

– Да куда ж я денусь, – буркнула я мужским голосом. – Каприз, забудь обо мне, – и тотчас на саму себя зашипела тем же голосом, но гораздо злее: – Ну зашибись! Спасибо, что всё за меня решили! Охренеть теперь!

И, развернувшись, сжимая и разжимая кулаки от гнева, я потопала прочь.

Молчать внутри нимфина было не так уж и сложно. Я просто представила, что сижу в кинотеатре IMAX, где показывают о-о-очень скучный фильм о ботанике. Каприз, всё ещё яростно размахивая корзинкой, обобрал пол-оранжереи, пришёл к общему разделочному столу и принялся там кашеварить... Верней, зельеварить. Он покидал всё набранное в котёл, поставил котёл на огонь, а потом, с неожиданно тяжким вздохом, присел и заглянул под столешницу.

– Ох! – тут уж я не выдержала и подала голос.

Ибо «фильм» перестал быть томным... Под столом лежала пума. На боку. Все её тело было покрыто ужасными язвами. Она тяжело дышала, лапы подёргивались, глаза закатились. Было видно, что ей ужасно больно.

– Никаких «ох», – прорычал Каприз, сам себя – меня – пребольно щипая за запястье. – Даже не вздумай примазываться к нашей с Пустыней боли.

– Так её зовут Пустыня? Красивое имя.

– Заткнись уже!

Пума, хрипло выдохнув, сфокусировала на хозяине непонимающий взгляд. Мы с нимфином погладили её по сухому носу. Кажется, это было общим желанием.

– Жестокое у вас экзамены, – сказала я.

– Мир у нас тоже жестокий.

– Долго будет вариться твоё зелье?

– Пять часов. Ей будет становиться всё хуже и хуже.

– М-да... А ты не можешь дать ей какое-нибудь обезболивающее? Или снотворное? Чтобы она зря не мучилась?

– Пока я его добуду – пройдёт не меньше суток. Единственный транквилизатор, что действует на гигантских пум, – это жемчужины русалок.

Я вздрогнула. В смысле, нимфин вздрогнул. И тотчас спросил:

– Что, землянка, ты не в курсе, что в нашем мире бывают жемчужины?

– Скорее уж, меня бы удивили русалки. А жемчуга и на Земле завались.

– Скудоумие твоё бесит образованных существ.

– Ну, раз бесит, тогда я просто не дам тебе жемчуг, который у меня есть. Хотя успела подумать об этом. Мне он ни к чему, а Пустыне бы стало полегче.

– У тебя есть жемчуг?!

Студенты, зельеварящие по соседству, с удивлением наблюдали за тем, как лесной житель сам себя схватил за грудки и пытается приподнять.

– Каприз! – рявкнул он в пустоту сурово. – Ты просто неадекват! Если у кого-то есть что-то, что тебе надо, смени тактику, будь добр!

Потерзал самого себя ещё чуть-чуть и отпустил...

– Он реально неадекват, – пришел к выводу кто-то из однокурсников.

– Экзамены... стресс... – вздохнул другой.

Между тем мы с нимфином обсуждали условия передачи жемчужины. По понятным причинам я не собиралась вести противника Артура к Артуру в спальню без разрешения, а гордому остроухому претила мысль о чём-то меня просить.

– Слушай, да хватит уже, а, – устало сказала я наконец. – Отчего вы с Эдинброгом вообще так взъелись друг на друга?

– Это выгодно.

– Эм... в смысле?

Нимфин раздражённо вздохнул.

– Очень полезно иметь кого-то, равного тебе по умениям, и кого ты притом ненавидишь. Желание усть противника становится отличной мотивацией в те дни, когда благие цели не вдохновляют. Друг может сказать: ты устал? Отдохни. Противник лишь посмеётся. Это дисциплинирует. Так что для нас с Эдинброгом наше соперничество – рациональный выбор, землянка.

– Ну ок. Звучит как хороший повод навеститься к психотерапевту, но как хочешь. В общем, сам решай, нужна тебе жемчужина или нет.

Ещё какое-то время мы с нимфином сомневались, гоняя наше общее тело нервными кругами, потом пошли к Артуру. Тот, мягко говоря, удивился моей благотворительности, но дал добро на посещение спальни.

– То есть, – пока мы поднимались по лестницам (Каприз любил ходить пешком), меня продолжало раздражать любопытство, – не считай вы с Артуром свои стычки полезными, вы бы дружили?

– Не люблю сослагательное наклонение.

– И всё же?

Пауза. А потом...

– Он мессия, – резко ответил нимфин. – Вероятнее всего, он умрёт весной. Либо мы все умрём. Ему не друзья нужны, а кто-то, кто сделает его сильнее.

Я шокированно замолчала. Так Каприз *верит*...

Через полчаса жемчужинка могла вздохнуть спокойно: ей наконец-то нашлось применение. Думаю, предметам быть нужными так же приятно, как и людям.

Когда мы вновь оказались в оранжерее, я полюбопытствовала:

– Каприз, а зачем королеве транквилизаторы? Я знаю, что ей подарят такие жемчужины в день приезда.

– Да затем, что многие в Гало почти что не спят, предчувствуя скорое появление Тварей, – проворчал нимфин. – Большинство, полагаю. В городах у аптечных лавок теперь охраны больше, чем у банков: люди крадут успокоительное и другие таблетки в диких количествах; лекари сбиваются с ног, пытаясь спасти тех, кто устроил себе передозировку. Люди по всей планете сходят с ума. Одни из всех сил изображают, что ничего не происходит; вторые выкапывают у себя на заднем дворе подземные убежища и закупаются едой впрок; третьи осуждают всех, кто не бьётся в круглосуточной истерике; четвёртые сами себе выдали разрешение на нарушение всех социальных и нравственных норм – всё равно же скоро сдохнем, да? И везде – агрессия, ложь и отчаяние, приправленные безумной надеждой на то, что как-нибудь обойдётся.

– А по Форвану и не скажешь, что всё так плохо... – пробормотала я.

– А мы тут те ещё лжецы и стоики, – процедил Каприз.

И меня, пребывающую в его теле, внезапно поглотила та же тень, которую я почувствовала тогда в Мэгги на балконе. Глубокая, горькая, неизбежная, тщательно скрываемая. Сердце нимфина болезненно сжалось, ноги и руки напряглись, голова закружилась – он подумал о скором Судном дне. Но затем намеренно – я явственно ощутила это – сместил фокус внимания с пугающего будущего на настоящий момент.

Кажется, все галианцы неплохо умели управлять потоком собственных мыслей. Но как же жаль, что им пришлось развить это полезное умение из-за такой штуки, как сжигающая душу перспектива неизбежного апокалипсиса...

Вскоре Артур пришёл к нам, караулящим спящую пуму, с чашечкой, полной какой-то горчично-жёлтой каши, будто хну водой развели. Оставив Пустыню спать, а зелье Каприза вариться, мы вернулись к моему телу.

Эдинброд смазал мне губы, веки, пальцы и ключицы тёплой жижей, после чего открыл рот и влил туда ещё чуть-чуть. Прошептал заговор. И тотчас же меня вышвырнуло из нимфина и вернуло в женское тело.

– Экзамен сдан, – подтвердил Безликий, когда мы пришли к столу экзаменаторов. – Высший балл. Плюс госпожа фамильяр получает право одной просьбы за то, что добровольно вызвалась помочь другому студенту.

– Оу? – удивилась я. – А что за просьба это может быть?

– Регламента нет. Но мелкая. Бытовая. Какая-нибудь академическая поблажка, не более, – Безликий вдруг подмигнул мне. – Дайте руку.

Я с подозрением, но всё же послушно протянула ему ладонь. Древнее существо дунуло на неё, будто на ранку, и вдруг у меня на коже проступил изящный рисунок цветка...

– Когда придумаете, сотрите цветок, проговорив желание. Если оно окажется слишком крупным – просто ничего не произойдёт. Всё понятно?

– Понятно, – кивнула я.

...Иногда меня просто поражает, как в этом обречённом, уставшем мире Гало вспышками появляется сказочность. Безликие-джинны, с ума сойти!

37. Всем нравятся закрытые гештальты

Вам когда-нибудь случалось проснуться в «мыльной опере»?

А мне, кажется, довелось. Вскоре после того, как мы с блеском сдали Зелья и теперь на всех парах неслись к последнему экзамену, я очнулась не от звука будильника.

И не от приятного голоса Артура: «Доброе утро, героиня. Тебе взять кофе в Сироппинге или ты наконец-то перейдёшь на чай?» И даже не от удара наотмашь мягкой лапкой Уорхола вкупе с тяжёлым прыжком прямо на грудь (в моменты побудки хозяина каждый кот – почти космонавт, покоряющий Юпитер, – вес его магически увеличивается в два с лишним раза, а мооська приобретает героическое выражение).

О нет...

Я – как и Артур – проснулась от тяжёлого стука в дверь.

– Кого там принесло в такую рань? – сквозь зубы процедил взъерошенный Эдинброд, выползая из-за балдахина своей кровати, будто бы из-за театральной кулисы. Я только повернулась на бок, спихивая Уорхола со своей койки, и что-то сонно пробормотала.

Но мгновение спустя сон как рукой сняло.

– Приветтики, Артур! У меня к тебе дело! – раздался весёлый баритон Бориса Отченаша, в котором едва-едва угадывалось волнение.

Артур молча захлопнул дверь.

Я начала судорожно прикидывать даты у себя в голове и поняла: ага, Борис сварил свой Отвар Взора Грустного и теперь жаждет обелить себя перед Эдинбродом, показав ему историю о смерти Аманды. Гиблое дело, как по мне.

В душе заворочалась тоска. Мы с Артуром так и не поговорили о его бывшей девушке. И так и не разогнали маятник наших отношений – ни в сторону настоящей близости, ни в сторону прежней формальности. Так и покачивались туда-сюда на мягких волнах нерешительности, как два очень стеснительных героя ситкома, которым зритель уже устал орать со своей стороны экрана: ну! Ну давайте, блин! Ну хоть что-нибудь!.. Ну хотя бы поговорите обо всём!

В дверь опять забарабанили...

– Борис, ты здесь нежеланный гость. Иди к чертям собачьим, – прошипел Эдинброд прямо сквозь обшивку. По его пальцам скакали магические искорки ярости.

– Ёкарный бабай, тебе что, не ясно, что я просто так не пришёл бы? – по-медвежьи ревели с той стороны. – Нам надо разобраться с одним делом!

– «Нам» – то есть тебе?

Артур на удивление хорошо толковал речь Бориса.

Они продолжали спорить на повышенных тонах, пока я, возмущённо постанывая и зажав уши руками, не прошлёпала в ванную... А когда вернулась оттуда, в комнате никого не было. Кажется, землянин всё-таки убедил Эдинброга выйти. Или тот его убил и пошёл прятать труп.

Судя по грязному серому свету, льющемуся в окно, сегодня у нас была плохая погода. Низкие тучи стремительно мчались по небу, накрапывал дождь, а лес чернел, как поставленные частоколом карандашные грифели. Редкие студенты, пробежавшие туда-сюда, кутались в плащи и прятали озябшие руки в карманы.

Всё это в целом напоминало мне тоскливую атмосферу некоторых полотен Писсарро... Там, конечно, Париж, а здесь – магический мир, но лёгкая печаль и бесконечная повторяемость унылых будней вполне похожи.

Переодевшись в очередной костюм в преппи-стиле – брюки с ремнём на талии, рубашку и подтяжки, как у слегка богемной студентки художественного отделения, – я со вздохом уселась за письменный стол и посмотрела на календарь. Там неприятно красным цветом была обведена дата моего отъезда в столицу и ныряния в Большой Адронный Телепорт. Под календарём лежал и мой билет на дилижанс, который, собственно, должен был забрать меня из университета. Я взяла его в руки: аккуратная бордовая карточка с моим именем, датой и маршрутом.

А под ней... Ещё одна такая же карточка. «Билет Артура Ван Хоффа Эдинброга».

На душе у меня внезапно стало немного легче. Артур хочет меня проводить? Или ему просто по пути – ведь ему надо в эту таинственную Антрацитовую библиотеку, изучать наследие отца и готовиться к появлению Тварей?

Да плевать! Всё равно я буду рада видеть его в тот момент, когда войду в ворота портала – говорят, они такие внушительные, что на них страшно смотреть... Может быть, у нас получится как-то договориться о том, что мы будем слать письма друг другу сквозь миры? А может, я стану основательницей Галианского межпланетного туризма?

А может... остаться тут самой?

У меня перехватило дыхание.

Это точно плохая идея: ведь, не будем врать, мне интересен не мир Гало как таковой, а живущий здесь Ван Хофф Эдинброд. А он будет занят, ужасно занят своей великой миссией, а после... Я так и не знаю, что он собирается делать после (о том, что никакого «после» может не быть, я старалась не думать).

Я ведь многого о нем не знаю. Да, может быть, в последнее время нам стало удивительно легко общаться, мы уже честно пересказали друг другу большую часть наших биографий, и у нас очень похожие ценности и взгляды на жизнь, а когда мы смотрим друг на друга или, тем более, друг к другу прикасаемся, шарахает так, что в первый момент удивлённо моргаешь: ты что, шаровая молния, кто ты?.. А потом не хочется отходить.

Желательно никогда.

Но Артур так и не рассказал мне об Аманде и не поведал, что будет делать, когда спасёт мир. А значит, полного доверия между нами нет. Не такие уж это пока и глубокие чувства, наверное.

Но... Господи, как же я не хочу с ним расставаться. Такое ощущение, что, вопреки всему, впервые в жизни внутри крепнет уверенность: это моё. Это точно моё. Делай что хочешь, но если расстанешься с ним – эта рана уже никогда не заживёт.

* * *

Прошло время завтрака. Затем отзвучал полуденный гонг. Артур всё не возвращался.

Я начала нервничать. Сначала я долго и упорно мерила комнату шагами, потом оставила записку на столе и ушла в Сироппинг. Когда я вернулась, записка лежала нетронутой. Шуточки на тему Борисова убийства перестали казаться мне смешными.

Я разыскала Мэгги и спросила её, не видела ли ребят.

– А разве есть хоть малейший шанс увидеть их вместе? – удивилась медсестричка. – Они же давно не дружат... Нет, в общем, я их не видела.

У Бориса в пентхаусе тоже было пусто, и даже Младший Мёрклый Иньч отсутствовал (или просто не отвечал на стук). Как заправская ищейка, я обыскала всё главное здание университета, но безуспешно.

Тогда я отправилась изучать дальние территории Форвана. И вот там, в пустынном английском саду, унылом и полузаброшенном, я нашла старый грот, а возле него – каменную скамейку, увитую сверху донизу тревожным багряным плющом.

На ней понуро сидел Артур, подперев подбородок руками и бессмысленно глядя на танец листьев, сорванных беспощадным ветром. Они кружились и вихрились над гравийной дорожкой, и пляска их становилась то тоскливой, то отчаянно-лихой, в зависимости от того, как темнело и светлело небо в узоре туч...

– Не помешаю? – спросила я, подходя.

Эдинброк вздрогнул, выдернутый из своих мыслей, но потом кивнул:

– Садись.

Какое-то время мы сидели молча.

– Артур, всё нормально?

– Да, просто... – он потёр лицо ладонями. Взгляд у него был сухой и болезненный. – Просто Борис... показал мне кое-что. И хотя я знал, что увижу, это всё равно оказалось куда большее, чем я думал. А думал я много, поверь, – он горько хохотнул.

Я нервно облизала губы. И решила признаться, что знаю, о чём он говорит.

Но Артур заговорил первым:

– Вилка, изначально я не хотел рассказывать тебе об этом, но теперь – хочу. Более того, я должен. Дело в том, что здесь, в Форване, у меня была девушка. Ее звали Аманда. Я любил её. Очень сильно. А потом...

– Я знаю, Артур.

Эдинброк поднял на меня взгляд:

– Знаешь? – недоумённо переспросил он.

– Да.

И я рассказала ему обо всём: о том, как разглядывала фотографию в запертом кабинете, о том, как говорила с Борисом о случившемся, о том, что признала в мистере ДеБасковице брата Аманды... Я говорила и до жути боялась, что сейчас он обвинит меня во лжи, скажет, что у меня слишком длинный нос, что я вечно лезу не в своё дело, накричит на меня и уйдёт. И всё станет не просто плохо, а по-настоящему невыносимо.

Так что теперь я начну считать дни до отбытия с радостью, а не тоской.

Но Артур, дослушав меня, только покачал головой, будто бы удивлённо:

– Ну да, конечно же, ты всё знаешь. Как я мог подумать иначе? Ты же такая... не знаю. Непоседливая. Любопытная. Непредсказуемая.

Я криво усмехнулась:

– Если ты хотел меня обругать – у тебя не получилось. Звучит как комплимент.

– Это и есть комплимент, Вилка.

Он замолчал. Вновь начал накрапывать дождь, потом полило сильнее, ещё сильнее... Артур сплел заклинание, и над нами повис куполообразный зонтик. Один на двоих. Мне было приятно, что он не наколдовал два отдельных.

Артур посмотрел на меня и вдруг, протянув вперёд руку, заправил прядку, выбившуюся из причёски, мне за ухо.

– Ты всё ещё любишь её? – ляпнула я, хотя вопрос явно был слишком личным.

– Она мертва.

Вот так ответ: ни да ни нет. Как в старом фильме, где один всегда говорит «люблю тебя», а второй – «аналогично». И всем понятно, что это ерунда какая-то, но что уж тут поделаешь.

– Мне жаль, – пробормотала я.

– Спасибо, – кивнул он и поморщился: так себе ответ получился. С другой стороны – ну а что тут ещё ответить? «Мне тоже» не подходит: наши чувства несоизмеримы.

Артур поднялся и, взяв меня под руку, подвёл к гроту. Там, внутри искусственной пещеры, было что-то вроде алтаря: каменная плита с магическими значками, а перед ней – небольшая чаша бассейна. Вода внутри выглядела как водоворот-воронка: куда-то бесконечно и беспрерывно утекала.

Артур остановился перед бассейном.

– Вилка, я хочу, чтобы ты знала: я очень рад, что ты попала сюда из-за ошибки в ритуале, – сказал он негромко. – Сначала я злился, конечно... Потом думал – не повезло. Затем стал понимать, что ты достаточно приятный... – он замялся.

– Фамильяр? – подсказала я с горечью.

– Нет. Напарник. Но теперь... – он поднял взгляд вверх, будто задумавшись, а потом посмотрел мне в глаза. – Теперь я понимаю, что это был настоящий подарок. Ты даже не представляешь, как долго я был мёртв внутри. Или спал – так глубоко, что сон невозможно было отличить от комы. Но сейчас я будто проснулся. Мне снова нравится жизнь. Я смотрю вперёд с интересом. Я начинаю думать, что иногда испытания – это ещё и способ вырасти, а не только тяжёлый долг. А некоторые проблемы... довольно забавная штука, если честно. Их даже можно назвать приключениями. И это всё благодаря тебе. Просто рядом с тобой по-другому не получается: ты такая *живая*...

Он продолжил:

– Последние два года были непростыми. И полными неверных выборов с моей стороны. После гибели Аманды я намеренно возвёл своё горе на пьедестал и отказался от всего остального. Я будто пытался наказать саму жизнь своим безразличием, презрением и яростью за то, что она отобрала у меня двух дорогих людей одного за другим. Но проблема в том, что я не жизнь наказывал. А самого себя.

– Ты скорбел, Артур. Это нормально.

– Сначала – да. Но потом это чувство выродилось в тупую злость и обиду. В надменную холодность и презрение. Мол: все вы – поверхностные, бездумные идиоты. А я – я несчастен, и значит, я велик. Но это уже не скорбь. Это деградация вкупе с оскорблением памяти ушедших.

Ничего себе он загоняется.

– Я больше не хочу так жить, – сказал Артур. – Она мертва. Я жив. И впервые за долгое время я готов двигаться дальше. Но для этого надо отпустить Аманду.

– Сомневаюсь, что такие решения принимаются разумом, – честно сказала я. – Нельзя приказывать себе разлюбить кого-то, Артур. Даже если это кажется верным. Уж я-то знаю.

– Я уже разлюбил. Осталось только признать это. И попрощаться.

Он вытянул из-за ворота водолазки кулон на серебряной цепочке. Старомодный, круглый, с лёгкой вязью букв. Артур отщёлкнул крышечку. Внутри была, конечно же, фотография сияющей ДеБасковиц...

Артур большим пальцем погладил кадр, потом что-то прошептал, вновь захлопнул амулет и бросил его в бассейн с водоворотом. Ледяная вода тотчас окрасилась в пронзительно-алый цвет. Мгновение – и амулет пропал. Буквы на алтаре засветились и потухли.

– Прощай, – тихо сказал Эдинброг бурлящей воде.

38. Ужин в горах

Ещё какое-то время мы стояли в гроте.

Я смотрела на Артура и видела, как тени под его глазами исчезают, угрюмые складки на лбу разглаживаются, а губы расслабляются. И без того обладавший безупречной осанкой, сейчас он выпрямился ещё сильнее. Как будто вырос на пару сантиметров.

Артур перевёл взгляд на меня. Его глаза улыбались. Ностальгически-грустно, но по-доброму. И чуть-чуть удивлённо, как будто он не совсем уверен в том, что происходит.

Меня пронзила догадка.

Чёрт!

Я бросила быстрый взгляд на странный бассейн, в который Эдинброд кинул амулет. Неужели это некий водоворот забвения, магический аналог всех тех штучек, с помощью которых герой «Вечного сияния чистого разума» вырезал из памяти возлюбленную?

Судя по тёплому спокойствию, которое теперь излучает Ван Хофф Поспешный, так и есть. Но...

Это ведь не только не полезно, но и... как бы сказать. Недостойно, что ли. Ведь не всегда самый простой выбор оказывается самым лучшим. Чаще он является следствием слабости. Как можно забыть тех, кто составлял нашу жизнь? Кто мы такие без нашей памяти? Да, Аманда не вызывала у меня теплых чувств, однако...

Я смешалась, глядя на фонтан почти с ненавистью.

– Вилка, ты чего? – сощурился Эдинброд, увидев сложную гамму эмоций на моём лице.

Хм. И что же мне ему ответить? Как объяснить жертве добровольной амнезии, что грустишь о его решении? Я призадумалась.

Он чуть нахмурился и прикусил губу:

– Я должен был рассказать тебе про Аманду. Сам. Иначе бы я не смог...

– Так ты помнишь?! – перебила его я.

– В смысле «помню»? – Он ошарашенно моргнул.

Я простерла обвинительную длань к бассейну:

– Это не забывательная лужа? Не Лета в миниатюре? Не простой способ избавиться от воспоминаний?

– Конечно, *нет!*

– А почему тогда оно окрасилось в красный? И почему ты... удивлён, расслаблен и печален?

Признаться, я чувствовала себя полной дурой, задавая эти вопросы, но отступать было поздно. Артур вдруг негромко рассмеялся.

– Точно. Я же тебе не объяснил. Пойдём.

Он крепко сжал мою ладонь, и мы вышли под дождь. Прозрачный зонтик летел над нами, будто придерживаемый невидимым дворецким.

– Это не бассейн забвения, – сказал Артур. – А очередной детектор – вроде хрустального шара в моей комнате. Но этот работает не на внешнюю ложь, а на все разновидности самообмана.

– Детектор лжи?..

– Ну да. Вода в бассейне алеет, если то, что человек сказал над водой, было сказано искренне. В этом гроте очень удобно проверять свои мысли. Многие галианцы приходят сюда и вслух проговаривают решения, которые им нужно принять. Например: «Я хочу бросить учёбу в университете» (частый случай накануне сессии). Если вода не поменяла цвет – нет, значит, не хочет этого человек в глубине души. Лжёт себе или просто устал. Тогда и бросать, конечно, не стоит. Жить надо в согласии со своими желаниями. Вот только разобраться в них, как и в некоторых своих чувствах, – задача не из лёгких. Так что бассейн очень помогает.

– Вот как?.. – протянула я, припоминая слова Артура до того, как он утопил амулет.

«Я уже разлюбил» и «я готов идти дальше».

– Теперь ты понимаешь мои чувства? – серьёзно спросил Эдинброд, остановившись и положив руки мне на плечи.

Я понимала. Когда очень долго живёшь с какой-то болью, освобождение от неё кажется нереальным. И когда ты принимаешь решение всё-таки выкорчевать её, а потом понимаешь, что она *уже* ушла, то в груди смешивается растерянность и радость. И, да, конечно же, печаль. Светлая печаль в стиле Маркеса: «*Не плачь*, потому что это закончилось. *Улыбнись*, потому что это *было*».

* * *

Вернувшись в кампус, мы, как ни в чём не бывало, взялись за учёбу.

Нам оставалось одно, последнее испытание. Оно вызывало у меня жгучий интерес: финальный экзамен пятого курса представлял собой классическое прохождение лабиринта с препятствиями, монстрами и всяческими неприятностями.

Студенты участвовали в нём вместе со своими фамильярами и соперничали с другими выпускниками: пришедшие первыми получали высшие оценки, а дальше по убывающей. Если сам колдун выбывал из соревнования, его фамильяр всё равно продолжал путь, поэтому Артур муштровал меня нещадно.

К следующему вечеру я была выжата, как лимон.

Я поняла, что свихнусь, если не выпью перед сном чашечку какого-нибудь душистого чая. Под «выпить чаю», как оно обычно и бывает, я имела в виду «сжрать пирожное». Ох уж эта лукавая подмена понятий!

– Кафешки в Сироппинге ещё не закрылись, – сказал Артур, глядя на часы. – Ты успеешь взять что-нибудь навынос, если хочешь.

– Пойдём со мной? – зевнула я. – Съедем по кренделю на ночной скамейке, поболтаем. У нас с тобой осталось так мало времени... – в моём голосе прорезалась тоска, которую я постаралась загасить, но безуспешно.

– М-м-м. Мне надо кое-что сделать здесь, – отказался Эдинброд, как-то подозрительно отводя глаза.

Хм. О'кей.

Сироппинг, как всегда, был по-диснеевски уютен. Второй подряд дождливый день внезапно завершился чистой и ясной ночью, и я, в ожидании своего заказа, смотрела в высокое звёздное небо.

Наконец на большом серебряном блюде под сферическим колпаком мне подали несколько очаровательных птифуров и стеклянный чайник с травяным сбором. Туда же положили аккуратную лакомую рыбку для Уорхола – не настоящую, а какую-то древесную, чтобы зубы точил (на меня. За все выпавшие на его долю приключения).

– Посуду вернуть завтра не забудьте! – сонно попросила официантка и закрыла ставни с дырками-сердечками.

Я гордо потопала обратно со своей ношей и уже на подступах к главному зданию встретила Бориса. Ого!.. Разглядев лицо Отченаша, вышедшего под свет фонаря, я поперхнулась.

– Это кто тебя так?!

На обоих глазах землянина горели синюшным фингалы, губа была рассечена, на лбу рос почти что единорожий рог.

– Догадайся, блин, Вилка! – обиделся землянин.

– А почему ты не засветил ему в ответ как следует?

– Так я же как бы извиняться приходил, ау. Лучше пара синяков сейчас, чем ужасная смерть после выпуска, – фыркнул Борис. А потом подмигнул: – Кстати, помнишь ведь при сказку про то, что шрамы украшают мужчину? По ходу, не только шрамы. Я ещё никогда не получал столько внимания к своей персоне, как сегодня.

– Ты похож на ходячий справочник по гематомам. Иллюстрированный. Лекари небось тобой интересовались-то?

– Медсестри-и-и-ички, – Бор расплылся в шкодливой улыбке.

– Я так понимаю, в общем и целом ты доволен случившимся.

– Конечно, доволен. Кто не любит закрытых гештальтов?

– Я не люблю, – вдруг мрачно и честно сказала я.

– Что, возвращаться на Землю не хочешь? – цепко прищурился финансист и тотчас зашипел от боли: это оказалось для его опухшего лица слишком сложной задачей.

Я пожалала плечами.

– Бор, а когда и как ты понял, что остаёшься тут?

– Хм, – он аккуратно усмехнулся. – Я всё же другой породы, чем ты, Вилка. Что значит «понял»? Ничего я не понимал! Я просто решил так, и все. Мне тут понравилось, чёрт возьми.

– И тебе не было страшно?

– А почему мне должно было быть страшно?

– Ну... Такое серьёзное решение. Вдруг ты бы разочаровался в мире Гало?

Он расхохотался.

– Вилка, эй!.. Ты напоминаешь мне моих старых земных друзей, которые боялись переезжать в другую страну. А некоторые – в другой город. А кто-то и вообще в соседний двор... Мол, у них не получится там устроиться, и всё такое, ужас-ужас.

– Но у них и впрямь могло не получиться.

– И?

– Что «и»?

– В чём проблема-то?

– Э, ну... Они бы как бы *проиграли*. Остались бы незнамо где у разбитого корыта.

– Это с хрена ли бы они проиграли, прошу прощения?! Они бы опыт получили! А если совсем худо стало бы – вернулись бы назад. Самолёты никто не отменяет. А тут никто не отменяет Большой Адронный Телепорт, для нас с тобой уже готовенький и предоплаченный. Если я захочу – я вернусь. Возможностей во вселенной куда больше, чем проблем. Но людям почему-то нравятся проблемы: они их, даже чисто теоретические, с удовольствием смакуют, обсаы-

вают и раздувают. Только вот мне такой мейнстрим не по нраву. Случилась задница – я думаю, как выбираться. Не случилась – так и чего о ней размышлять? Жизнь прекрасна, пока она прекрасна, ёлы-палы!

– Жизнь прекрасна... – по некотором размышлении согласилась я. – А что ты будешь делать, если Твари захватят Гало? Ведь очевидно, что тогда на телепорт выстроится нехилая очередь, и тебя однозначно не пропустят вперед.

– Не захватят, – уверенно сказал Борис.

– Почему?

– Потому что, как плохи бы ни были наши отношения с Эдинбродом, я знаю, что он прикроет их лавочку. Твари – это фактически безмозглые желудки на палках. Им не хватает разума для истинного устрашения. Так что, Вилка, смело оставайся. Как порвёшь вашу связь с Артуром – велком, приглашаю жить в свой пентхаус. А то мы с тобой как-то, хм, не закончили тогда у портала... – он вдруг приобнял меня за талию и последнюю фразу жарко прошептал мне прямо в ухо.

Я зарычала было от гнева, но он уже отстранился.

– Шучу, шучу!.. Но ты всё равно оставайся. А я пойду к медсестри-и-и-чкам...

И он танцующей походкой растворился в ночи.

* * *

Когда я вернулась в комнату, то чуть не выронила поднос... Потому что спальни как таковой *не было*.

Вместо неё вдаль убегали переливы света, похожие на северное сияние, если смотреть на него через лупу.

– Артур? – растерянно переспросила я, застыв на пороге.

– *Мяуууу!* – ответили мне откуда-то спереди, и я, движимая исключительно инстинктом урхолосохранения (страшная штука!), сделала несколько шагов вперёд.

И вынырнула из радужной пелены... в полуночных горах.

Скалистые пики короной венчали пейзаж. Пронзительно-чёрное небо в бриллиантах звёзд нависало сверху. Передо мной расстиралось озеро – горячий источник, над которым клубился таинственный пар зеленовато-лилового цвета. На берегу стоял столик с изящно сервированным ужином и цветами, а за ним сидели Артур и... мой кот.

– Я не помешаю? – хмыкнула я.

Эдинброд поднялся и что-то буркнул Уорхолу на неизвестном языке. Тот, тяжело вздохнув, добровольно шагнул в сияющую пелену за моей спиной. И пропал.

– Я вдруг понял, что ни разу не угощал тебя ужином, Вилка, – улыбнулся Артур.

– Технически каждый мой ужин – твоё угощение.

Ван Хофф Романтичный закатил глаза.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – сказал он негромко, волнуяще хрипло, и отодвинул для меня стул. Когда я села и его пальцы небрежно скользнули по моему плечу, меня обдало жаром и одновременно волнением.

Да.

Это будет не просто ужин.

39. Я не хочу отпускать тебя

– И всё-таки, что ты собираешься делать после того, как закончишь свою миссию великого мага? – спросила я где-то час спустя.

Сердце моё билось чаще, чем обычно. Всё вокруг способствовало волнению: и упоительный ночной воздух, и загадочный шёпот горного источника, и изумительная еда, и аромат стоящих на столе пионов... И, конечно, сам Артур – до боли прекрасный со своими, как всегда, чуть нахмуренными бровями, выразительными глазами и губами, складывающимися в самую красивую в мире улыбку.

Прежде чем ответить, Эдинброк откинулся на спинку стула, пару раз качнулся и мечтательно заложил руки за голову.

Он начал издали:

– Когда Хьюго ДеБасковиц взялся за строительство телепорта, он не брезговал помощью в том числе студентов. Каждые каникулы Хьюго нанимал из Форвана значительное число помощников-стажёров, а многих вытягивал в столицу прямо посреди семестра – так, на неделю-другую, заверяя преподавателей, что они обязательно нагонят материал. Обычно так и случалось, ведь он брал только лучших. Студенческая рабочая сила нужна была ему по трём причинам... Во-первых, как говорил сам Хьюго, в нас напрочь отсутствовала «чванливость, присущая состоявшимся магам, противящимся самой идее портала». Во-вторых, нам не надо было платить.

При этих словах Артур двинул бровью с таким невероятным снобизмом, что я усмехнулась.

– Ну а в-третьих, рассуждал Хьюго, если вдруг что-то пойдёт не так и он по каким-то причинам умрёт раньше срока (да, он параноик), то должны остаться другие люди, которые смогут запустить телепорт и увести галианцев из гибнущего мира. И лучше, чтобы это были восторженные молодые учёные из тех, на чьи неокрепшие умы он, Хьюго, успел повлиять во время совместной работы. А не кто-нибудь из политиков, например.

– Ох...

– Да. Я тоже ему помогал. И мой вклад был гораздо большим, чем «эй, мальчишка, подай ту железяку!». Я проверял магические плетения, на которых строится работа портала. Их создал мой отец. И вследствие нашей с ним определённого сорта исключительности, никто другой их проверить просто не мог.

– Так?..

– Большинство знаний и наработок, оставшихся от моего отца, хранится в Антрацитовый библиотеке, и я получу доступ туда только после выпуска. Но некоторые вещи я уже знаю. В том числе, я умею – в теории – сам открывать порталы в другие миры. Без техники, без телепорта. Просто – сам по себе. Вот этими самыми руками.

И Артур раскрыл ладони так, будто собирался сотворить чудо прямо здесь и сейчас. Я смотрела на него во все глаза.

– Я пока не пробовал делать этого. Ни разу. Но я планирую использовать свою силу после того, как уберу Тварей из Гало. Это и есть мой план, Вилка. Я хочу уйти в другой мир. Здесь мне не будет жизни, – он сжал раскрытые ладони в кулаки. – Если я преуспею, спасу планету, то меня посадят на цепь, как дворцового мага, и всё. До самой смерти жить по чьей-то указке... Плясать под дудку других, создавая нужные им заклинания, быть героем, лишённым главного – права выбора. Я не хочу так. Я хочу свободы. И созидания.

– И куда же ты пойдёшь? В какой мир?

Сердце у меня вдруг будто потерялось в груди. А потом запрыгало, взбалмошное, потому что – а вдруг на Землю?

Артур, скажи, что ты выбрал Землю!..

Эдинброг посмотрел на меня и покачал головой.

– Я не знаю. Несмотря на то, что время уже поджигает, у меня впереди очень много работы – причём не только с ассортиментом миров, как ты могла бы подумать, но и, в первую очередь, с настройками. Открывать портал в другой мир самому – не то же самое, что пользоваться Адронным Телепортом, к которому меня, конечно же, не допустят. И не то же самое, что отправлять в другой мир вас, землян...

– ...Потому что у нас устойчивая, предсказуемая аура, – кивнула я.

Артур похвалил мои знания и продолжил:

– Для себя и других галианцев пока что я могу открыть лишь случайный портал, что чревато выпадением в открытый космос или на непригодную для жизни планету.

– Звучит не слишком-то привлекательно.

– Так и есть. Но ничего. Все-таки, согласно Часам Судного Дня, у меня остался почти год до пришествия, чтобы научиться межпланетной навигации, – Эдинброг задумчиво повертел в руках бокал. – Ткань бытия пока что достаточно крепка, и вряд ли Прорыв случится раньше времени. Конечно, всегда есть шанс на это... Но я надеюсь, что хотя бы здесь наш мир преуспеет и не заперет всё окончательно. Каждый знает, что неурочный апокалипсис – худший сюрприз на свете. О всемирных сетях заклинаний сейчас все забыли, и правильно сделали.

– Что ты имеешь в виду?

Пассаж про «всемирные сети» был мне непонятен, тогда как история с Часами Судного Дня и сроками Прорыва уже стала едва ли не такой же обыденной реальностью, как для всех галианцев – пугающей, жестокой, но парадоксально привычной.

Поразительно, насколько быстро ко всему привыкает человек. И если раньше это казалось мне достоинством нашего брата, то теперь я чаще думаю: насколько же мы слабы. Как сильно нас можно прогнуть, как долго мы готовы закрывать глаза и адаптироваться к чему угодно... И беда в том, что зачастую это происходит не из истинного принятия, чистого библейского смирения перед концом, а из банальной трусости.

Не всегда. Но часто. Возможно, научиться отличать одно от другого, быть честным в понимании причин, ведущих к тому или другому выбору, – одна из важнейших задач для каждого из нас.

Артур подлил мне вина, выдергивая меня обратно в разговор о сетях заклинаний:

– Если одновременно высвобождается очень много энергии, то реальность надувается, как воздушный шар. В других мирах такой избыток силы не приносит проблем. Но наш мир

соседствует с миром Тварей – и раздувшись, он лопнет, впустив в себя орды врагов и, соответственно, сдохнув раньше времени. Существует два варианта того, как может высвободиться такое количество энергии. Во-первых, как раз таки внезапный разрыв какого-нибудь очень глобального, серьёзного заклинания – например, единой всемирной сети защиты. Помнишь, ты удивлялась, что ничто не отгораживает наши государства от земель постапокалипсиса? Раньше отгораживало, но сейчас это слишком опасно: если щит такого объёма по какой-то причине рухнет, вместе с ним обрушится весь мир. По этой же причине у нас сейчас отключены материковые и городские телепорты, а также почти не используется зеркалидение...

В мире Гало «зеркалидение» было обычным словом, но у нас на Земле оно бы точно было сокращением от «зеркального телевидения» – суть крылась именно в этом.

– А каков второй вариант?

– Смерть по-настоящему могущественного существа. А именно: небесного дракона Ойгонхарта. Только он из всех ныне живущих достаточно силен, чтобы своей смертью пошатнуть ткань бытия. Но, к счастью, он находится в добром здравии.

– Дракон Ойгонхарт!.. Это не он ли должен прилететь на финал экзаменов и разорвать нашу с тобой связь? – воскликнула я.

– Он, – Артур улыбнулся, но в глазах его промелькнула грусть. – Совсем скоро ты будешь свободна от моих чар, Вилка.

«Не ото всех твоих чар, – подумала я. – Ох, не ото всех».

Мы чокнулись по этому сомнительному поводу, и звон хрустальных бокалов взмыл к луне. Точнее, к трём лунам.

Неожиданно сильный, но тёплый ветер вдруг промчался меж скал, зашумел кронами редких горных деревьев. Он сдул с поверхности озера разноцветный туман, мгновенно окутавший нас мерцающей дымкой, сорвал лепестки с цветов и чуть было не опрокинул всю вазу. Мы с Артуром подхватили её с двух сторон, и пальцы наши, как в старых добрых романтических фильмах, встретились где-то на середине тонкого стеклянного горлышка...

Мы замерли, как застигнутые на месте преступления сообщники.

Эдинброг, вместо того чтобы убрать свою руку, вдруг потянулся вперёд, мягко и неспешно пробежался пальцами по тыльной стороне моей ладони и остановился в районе запястья, обхватив его и положив большой палец туда, где у меня под кожей трепетала тонкая жилка. Так он и застыл, наклонив голову и задумчиво глядя на меня исподлобья.

– Ты что, мой пульс измеряешь? – сообразила я.

– Ага, – подмигнул Эдинброг.

– Зачем? – Я рассмеялась.

– Хочу понять, насколько ты волнуешься в моём присутствии.

– Ещё чего! Я совсем не волн... – начала я и осеклась.

Даже я чувствовала, как громко пульсирует вена под его пальцем. Будто тяжёлый бит из колонки на музыкальном фестивале.

– Ага, вот так оно мечется, когда ты лжёшь.

Артур вскинул брови – высоко и чуть насмешливо, – а потом поднял мою руку и вдруг поцеловал в то самое заветное место, где пунктиром пели отголоски сердцебиения.

У меня перехватило дыхание от этого жеста – такого нежного и одновременно властного: ведь Эдинброг продолжал крепко сжимать моё запястье.

– Для чистоты эксперимента: теперь скажи какую-нибудь правду, пожалуйста.

– Ты очень красивый, – вырвалось у меня.

Артур с интересом наклонил голову.

– Не врешь... – хмыкнул он. И тотчас деловито добавил: – Давай ещё!

– Ещё правду или ещё комплимент? – Я сощурилась.

– Можешь совместить. Ни в чём себе не отказывай.

– Хорошо.

Я помедлила, не зная, как лучше поступить: отшутиться? Или?..

И наконец, набравшись смелости, заговорила.

– Правда в том, что ты потрясающий, Артур. Ты умный. И добрый. И сильный. В тебе изумительно сочетаются серьёзность и озорство, и когда я смотрю на тебя, мне хочется танцевать. И если я во что-то верю всем сердцем, так это в то, что именно ты спасёшь Гало – кому, как не тебе, это по силам? А потом найдёшь себе мир по нраву и будешь там счастлив. Я видела много людей на Земле – нас там восемь миллиардов, шутка ли, – но таких, как ты, ещё не встречала. Я знаю, что ты заслуживаешь всего самого лучшего. Самой лучшей судьбы... и самого лучшего фамильяра. Впрочем, последнее с тобой уже случилось, – я подмигнула, за шуткой постаравшись скрыть слишком искреннее начало своего монолога.

Палец Артура на моём запястье едва заметно дрогнул. Зрачки медленно расширились.

– Ты не против, если я просто поцелую тебя в ответ? – спросил он и, не дожидаясь разрешения – ему всё сказал мой пульс, – перегнулся через столик.

40. Нет у меня купальника

Твёрдые губы Эдинброга – виноград и корица – коснулись моих.

Он закрыл глаза, и я сделала то же самое, отзываясь и чувствуя, как душа моя бьётся где-то в горле – будто подсматривает. Артур обвёл пальцем моё ухо, скулу, подбородок, спустился к шее и ключицам. Прохладный шаловливый ветер вторил касаниям Эдинброга, и этот контраст горячей кожи и ночного холода отзывался мурашками и нагнетал внутри меня терпкое, томное напряжение.

Как хорошо.

Я тихонько выдохнула, когда Артур уверенно сдвинул лямки моего шёлкового платья, позволив им скользнуть ниже, ниже по плечам, попытаться утянуть за собой шёлк, прикрывающий грудь. Я не позволила этому случиться: приподняла руки и, запустив пальцы в волосы Эдинброга, хорошенько, от души их взъерошила, чего мне так давно хотелось. Артур было нахмурился от такого своеволия, но потом лишь улыбнулся этой своей невозможной улыбкой юного бога и мстительно, но сладко ущипнул меня. Я зашипела и шутливо цапнула его за нижнюю губу.

Я понимала, что безвозвратно таю, будто пьянею от его прикосновений и горячего шёпота. Мы дышали всё более тяжело и рвано, сильнее подавались навстречу друг другу... Но с последним однозначно мешал стоящий между нами столик.

Пробормотав что-то неодобрительное на его счет, Эдинброг на мгновение отстранился, нетерпеливо хлопнул в ладоши – и стол пристыженно отъехал на пару метров вбок прямо по скалистой земле, прозвенев бокалами. Хорошо, что он уехал в противоположную от озера сторону, а то канул бы в тёмную воду с мириадами лунных бликов, и свидание превратилось бы в рыбалку...

– Неплохо, – сказала я, наблюдая за этой перестановкой.

Точнее:

– Непло... – на «хо» мне вновь стало не до разговоров.

Мы опустились на скалы и продолжили целоваться – с упоением, остро ощущая сладость и горечь нашего странного, невозможного союза: две случайные карты из разных колод мироздания, по чьему-то замыслу или недосмотру так идеально подошедшие друг другу.

Улетел вдаль мой свитер, до того завязанный узлом на шее. Куда-то пропал кардиган Артура. Вальсирующая мимо ночная бабочка еле уклонилась, когда в неё импровизированным дротиком запустили мою заколку для волос.

Тёплые ладони Артура ласкали мою кожу сквозь тонкую ткань платья. Его пальцы двигались так вдохновенно: опускались, чтобы найти изгиб бёдер, скользили вдоль тонкой талии и сжимались на пояснице. Моё сердце спотыкалось на каждом ударе; как слепая, я шарила руками по его груди, ненавидя все эти бесконечные пуговицы на его рубашке. Пульс бешено стучал в ушах, воображение мчалось всё дальше и дальше.

Я мечтала о том, чтобы лиловый озёрный пар окутал нас, спрятал, унёс в волшебную страну, где мы будем счастливы – сегодня и всегда. Не только Артур, как я успела ему пожелать. Мы вместе.

Эдинброд, кажется, подумал о том же самом: он неожиданно, тяжело дыша, с усилием остановился, обхватил моё лицо двумя руками и прошептал:

– Вилка... Я не хочу отпускать тебя. Господи, больше всего на свете я не хочу отпускать тебя. Ты понимаешь это, моя шебутная землянка? – Глаза у него были яростные, манящие и отчаянные.

Я не удержалась и поцеловала их в уголки, прежде чем хрипло – я не узнала своего голоса – ответить:

– Я понимаю.

– Останься со мной.

– Я...

– Останься. Уедешь позже, в любой момент – но не покидай Гало сразу после выпуска.

Я ответила не сразу, и его лицо успело потемнеть от боли, но затем прояснилось, когда я, чередуя фразы с поцелуями, пообещала:

– Ни за что не покину. Я тоже не хочу тебя отпускать. В идеале – вообще никогда. Но это, наверное, слишком громкая фраза.

– Нет, – он усмехнулся. – Вот громкая фраза...

И, отстранившись, приложив руки рупором ко рту, он вдруг проорал на все ночные горы нечто оглушающее на роконланге. Эхо запрыгало вдаль по острым пикам, как мячик. Несколько птичьих стай взметнулись чёрными зигзагами под свет созвездий, и я, ткнув Артура в бок, пожурела его за неурочный шум.

– Что ты сказал? И почему на роконланге?

– Потому что на нашем это было бы гораздо длиннее... Я сказал, что я счастлив, и что сердце моё поёт оттого, что рядом со мной сидит самая лучшая во вселенной девушка, и она отвечает взаимностью на мои чувства к ней, которые раскрываются, как цветок, день ото дня, и что я буду холить и лелеять этот цветок, и убью любого, кто посмеет его сорвать.

– Оу. Вот финал внезапный, – рассмеялась я, совсем растаявшая было в середине фразы.

– Язык народа травников-социопатов, что поделать. Из песни слов не выкинешь, – подмигнул Эдинброд и вновь потянулся ко мне, но вдруг замер на полпути, хитро глядя мне через плечо. – Ты когда-нибудь плавала в горных источниках?

– Нет.

– Сейчас искупаешься.

– Это похоже на угрозу.

– Всё самое прекрасное в жизни похоже на угрозу – угрозу банальности, скуке и повседневности, – пожал плечами Ван Хофф Эдинброд. Губы у него припухли, на голове творилось чёрт-те что, а расстёгнутая рубашка съехала на одно плечо.

Я оглянулась на озеро. Лиловый туман, чуть светящийся, парил над поверхностью, а вода во тьме горной ночи казалась очень опасной. Артур, увидев тревогу в моём взгляде, сотворил мириады галантных огоньков, рассыпавшихся над источником.

- У меня нет купальника, – я покачала головой.
- Вода тёмная. А на берегу я не буду подглядывать, – в тон мне отозвался он.
- Зато я буду.
- Артур поднял подбородок, томно глядя на меня из-под полуопущенных век.
- Тогда я тоже. Как иначе. Пойдёт, партнёр?
- Пойдёт. И... Без прикосновений?
- Это сложнее.
- А ты попробуй, Артур.
- Ничего не обещаю.
- Не обещай. Но постарайся. Так интереснее.

Он усмехнулся и, пожав плечами, демонстративно убрал руки за спину. Он так и сидел на скале – растрёпанный, в съехавшей набок рубашке, с глазами, всё сильнее темневшими с каждой минутой... С убранными за спину руками Артур выглядел как яростный и непокорённый, но всё же пленник.

Поведя плечом, не став отходить, я отвернулась от него и нарочито неспешно стала снимать платье. Подхватила за подол, потянула вверх, через голову, изящно изогнувшись... Но тут две тёплые мужские ладони легли мне на грудь.

- Я честно пытался, – хрипло прошептал Артур.
- Я откинула голову назад и поцеловала его. *О, да.*

Мы так и не искупались в ту ночь. А на следующее утро я проснулась в большой кровати.

41. Стылый флигель

Страсти бушевали в Форване накануне финального испытания.

Дело было не только в пятикурсниках, которые уже чуяли близкую свободу и одновременно испытывали страшную панику перед экзаменом. Нет, вдобавок к ним университет наполнился суетой, связанной с прибытием высоких гостей: приехала королева со своей красивой и бестолковой свитой и старичок-камергер – хранитель ключа от Антрацитовой библиотеки. Он долго тряс Артуру руку – ведь это именно для Эдинброга привезли ключ...

На этажах витали запахи дорогих духов, дверь в кабинет ректора не закрывалась – туда и сюда бесконечно следовали гости. Борис Отченаш побитым вихрем носился по Форвану, подписывая всё новые и новые счета, отчитывая кухарок за несдержанность («Вы совсем обалдели? Королева в одиночку *точно* не съест 50 устриц на ужине! Вот я клянусь – не съест! Не надо разорять наше предприятие, мадам Пампушши!»)...

Один раз Бор на полном ходу столкнулся с Артуром, щеки разлетелись весёлым конфетти, и я внутренне сжалась, предчувствуя скандал. Но парни, чьи лица мгновенно будто окаменели, лишь молча кивнули друг другу и разошлись.

А на закате чуть ли не все жители Форвана высыпали на лужайку за главным зданием, чтобы встретить там дракона Ойгонхарта.

Это было грандиозное зрелище: на фоне тяжёлых багровых небес, расписанных тонкими тёмными облаками – будто нитями с ведьминской прялки, – появилась великолепная крылатая тень.

Дракон был огромен. Он приближался, и становились видны узоры на мощных крыльях, шипы на длинной голове, чуть более тёмная чешуя на груди. Ойгонхарт был алым, как кровь, с пылающими тёмно-золотыми глазами. Когда он сел, земля глухо содрогнулась, а первые ряды встречающих невольно отступили назад.

– Ну и махина... – я зябко повела плечами. – А как мы будем просить его о помощи? Он вообще умеет разговаривать?

– Он говорит на всех языках нашего мира, поверь, – хмыкнул Артур. – Три года назад даже читал здесь курс по маг-лингвистике. Я как-то заходил на лекцию – за компанию с... – он осёкся.

«С Амандой», – мысленно договорила я. Она же была лингвистом.

– ...Ни черта я на той лекции не понял. Вообще. Хороший уровень, – закончил между тем Артур.

– А дракон влезает в аудиторию? – засомневалась я, глядя на огромную тушу.

Как раз в этот момент ящер поднял морду к небу и с рёвом выпустил длинную тонкую струю огня – в знак приветствия. Выглядело внушительно. Мы все мгновенно согрелись, да так, что холодным потом прошибло.

Ректор Форвана почтительно поклонился дракону и что-то сказал. Тот в ответ плюнул дымом, а потом вдруг закрыл крыльями морду – будто играл в прятки. Вокруг дракона начала набухать тёплая светло-оранжевая пелена, неожиданно уютная.

– Что происходит? – нахмурилась я.

– Он меняет ипостась.

– Так у него она не одна?..

И действительно: пелена, насытившись цветом, задрожала, а мгновение спустя на лужайке обнаружился человек. Вполне нормальный, только неожиданно худой по сравнению со своей драконьей формой. Кожа у Ойгонхарта была такого бронзового цвета, как будто он долго отдыхал в Калифорнии без применения SPF. Кроме того, дракон оказался обладателем рыжих волос, улыбочивой физиономии и золотых глаз с вертикальным зрачком.

Как и большинство жителей Форвана, он предпочитал одеваться в университетском стиле: брюки с подтяжками, белоснежная рубашка и шерстяной пиджак, расслабленно переброшенный через локоть.

Все заплодировали, дракон пожал руку ректору, и оба они ушли.

* * *

На поклон к Ойгонхарту мы отправились втроём: Артур, я и мастер Говерик. Это было наутро перед экзаменом.

Дракон принял нас прямо в своих покоях, не вылезая из кровати. Мне это показалось слегка ненормальным, но Артур и старичок магистр объяснили, что «древний не значит серьёзный», и что Ойгонхарт тот ещё шалопай.

– Столько студентов нам перепортил, пока тут преподавал, – бухтел себе под нос Говерик. – Мудрость его безгранична и всё такое, но я рад, что теперь мы встречаемся только раз в год.

Выслушав просьбу о нашем разделении, дракон легко согласился это организовать.

– Без проблем, – он говорил, заметно раскатывая «р». Голос был мягким, даже обволакивающим, а интонации... Хм! Похмельными. Кажется, дракона по приезду хорошо встретили. – А вы уже выбрали себе другого фамильяра, господин Эдинбруг?

Артур отрицательно покачал головой. Нет, замену для меня ему ещё не нашли – а кандидатуру Уорхола отвергли, когда познакомились с котом поближе. Да и я сама была против, а мои слова в Форване в кои-то веки начали принимать в расчёт. Однако Артур вполне мог продержаться месяц-два без фамильяра как такового. Что называется, не впервой. Жил же он как-то все двадцать четыре года до этого?

– И то верно, – благосклонно согласился дракон. – Ну, если что, вам ничто не мешает привязать свою девушку обратно, – он подмигнул нам, с интересом осмотрев меня с головы до ног.

Чуть пристальнее, чем позволяли приличия.

– Ничто, кроме здравого смысла, – вежливо, но холодно ответил Артур и под ручку увёл меня прочь с аудиенции.

– Ревнуешь? – восхитилась я.

– Есть такое, – подмигнул он.

* * *

И вот настал час экзамена...

Как я уже говорила, нас ждал устрашающий лабиринт. Я думала, что речь пойдёт о классических садовых штучках – пронзительно-зелёные изгороди, хитрое плетение ветвей, вероятно, способное менять направление роста прямо по ходу дела... Но нет: в Форване для этой цели имелось отдельное здание.

Это был старый корпус университета, который все называли Стылым флигелем.

Он располагался в отдалении от остальных: достаточно большой, в таком же готическом стиле, как и всё вокруг. Только без окон. И наполовину утопленный под землёй. В течение года он не использовался – разве что плющ и крапива избрали его местом своего произрастания и оплели все стены в манере профессиональных и очень энергичных пауков.

Перед корпусом раскинулась очаровательная полянка – сейчас её заставили рядами плетёных кресел, украсили гирляндами, огромными кадками с живыми цветами (радость для людей) и карпами в аквариумах (лакомство для Безликих).

На полянке расположились зрители – младшие студенты и полсотни хихикающих фрейлин. Официанты из Сироппинга кормили и поили их в лучших традициях «лужайковых» фуршетов. В центре сидели, конечно же, королева и дракон Ойгонхарт.

Преподаватели и Младшие Мёрклые во время экзамена дежурили внутри Стылого флигеля.

Они следили за тем, чтобы никто из пятикурсников не погиб в процессе, и были готовы, если что, вытащить их на закорках. Открывать телепорты в корпусе было невозможно: его специально зачаровали против этого, иначе абсолютное большинство студентов сокращало бы себе путь в лабиринте.

Пятикурсников впускали в здание через дверь на самом нижнем уровне – туда вёл смешной дребезжащий лифт. Целью было добраться до балкона главной башни. Там студентов встречали приставные лесенки и оценки. Все другие выходы давным-давно замуровали – экзамены тут проводили не первый год.

Уже знакомый мне экзаменатор-Безликий привычно приподнялся из бассейна и похлопал своими желейными ладошками.

– Удачи! – сказал он, явно устав от долгих речей. – Пусть сегодня вечером у всех нас будет праздник.

Вместе с другими студентами мы спустились на нижний уровень, и преподаватели распределили нас по разным коридорам. Мы с Артуром нырнули в указанный нам проход, и каменная стена за нами с жутким скрипом закрылась. Наступила кромешная темнота.

– Ну что, повеселимся напоследок? – бодро предложил Артур.

– Давай! – откликнулась я.

Он зажёл свет на ладони, и мы тотчас ввязались в бой с отрядом зелёных призраков, хлынувших из стен, как вода из сорванного крана...

* * *

Лабиринт был набит препятствиями, как ящик Пандоры – бедами.

Прошло уже целых два часа с начала испытания, а мы с Артуром продвинулись всего на три уровня вверх. Карты у нас не было, приходилось идти наугад, прощупывая пространство поисковыми импульсами, то и дело указывавшими нам на всё новых и новых врагов. Один

раз мы встретили другую пару из студента и фамильяра, и, вместе уложив какого-то странного слизня, с миром разошлись: мы думали, что следует идти на север, а они считали – на юг.

– Я устала, – призналась я, когда мы кое-как добрались до очередной лестницы и присели отдохнуть на ступеньках.

Артур ободряюще приобнял меня. Я положила голову ему на плечо. Поцеловав меня в висок, колдун тихонько – чтобы не выдать врагам наше временное укрытие – прошептал мне на ухо:

– Если бы в день твоего появления кто-то сказал мне, что вот эта колкая, острая, вредная девица может быть такой нежной, я бы усомнился в его когнитивных способностях.

– Если бы мне в тот день сказали, что ты способен на романтику, я бы покрутила пальцем у виска. Или у обоих висков сразу. Дабы продемонстрировать всю степень своего недоверия.

Мы рассмеялись. Я будто всем телом слышала, как бьётся сердце Эдинброга – сильно, крепко, надёжно. Сердце, которому можно верить.

– Вилка, – он взял меня за подбородок и строго заглянул в глаза. Мне сладко поплохело от некоего предчувствия. – Я...

И в этот момент всё здание неслабо так трянуло. Мы даже со ступеньки скатились.

– Господи, а это ещё что такое?! – ахнула я. – Они сюда великана впихнуть умудрились?

Здание продолжало трястись... В свете маг-огонька я вдруг увидела, как кровь отхлынула от лица Эдинброга. Зрачки его расширились.

– Что происходит? – заволновалась я.

– Земля так дрожит, когда... – начал он, и тотчас же вокруг завизжали, заревели сирены.

«На университетский кампус напали», – сообщил спокойный женский голос, льющийся из ниоткуда.

«Повторяю: на Форван напали.

Прорыв на поляне перед Стылым флигелем.

Всем студентам укрыться в комнатах Защиты.

Профессуру и Младших Мёрклых мы ожидаем к бою».

... Чёрт! На поляне!

– Там же не меньше сотни зрителей! – я так и подскочила на месте. – Неподготовленных, расслабившихся, с тартелетками за щеками! А все колдуны – здесь...

– Вот именно! Мы должны помочь им! – рявкнул Эдинброг. – Вилка, создаём телепорт!

– Но здесь же нельзя телепорты...

– Это ИМ нельзя. А я великий маг! Сейчас оптимизирую!

«Ничего себе гонор прорезался», – отстранённо подумала я, глядя на то, как Артур сплетает вроде бы знакомое, но вроде бы при этом как-то модифицированное заклятье. Впрочем, за его новшествами – судя по всему, лепящимися интуитивно, импровизационно, угадывалась классическая конструкция... Я делала свою фамильярью работу, понимая, что сейчас увижу их – пресловутых Тварей.

Насколько они ужасны? Скольких они убьют?

– Готово! – выдохнул Артур, схватил меня за руку, и нас затопило лиловым светом. – Я бы оставил тебя тут, но в лабиринте тоже опасно. Так что держись у меня за спиной, слышишь? Не вздумай высовываться, – сухо, отрывисто приказал он.

– Чего нам ожидать? – напряжённо спросила я.

– Если это стандартное нападение – то просто короткого боя, – успокоил меня Эдинброг. – Не бойся.

Но когда мы телепортировались на поляну, оказалось, что он ошибся.

Это не было стандартным нападением... И никакой бой – ни короткий, ни длинный – нам не грозил.

Тварей на поляне не обнаружилось. Они уже ушли. Сами.

Студенты и фрейлины, королева и дракон возбуждённой, галдящей толпой стояли в центре лужайки. Субординация была позабыта: всех слишком волновал случившийся инцидент, первый в своём роде.

А именно тот факт, что сегодня Твари приходили всего на минутку – так, в гости заглянуть, вышвырнуть кое-кого. И теперь этот кое-кто лежал на земле галианской.

Хрупкая фигурка. Светлые волосы. Безупречное лицо.

– Аманда? – хрипло, неверяще выдохнул Артур, когда мы протолкались в первый ряд. И упал на колени рядом с девичьим телом.

«Блин, – подумала я. – Блинский блин».

42. Лишь одно лицо в фокусе

Аманда ДеБасковиц была без сознания, но определённо жива.

Более того, она выглядела достаточно свеженькой – во всяком случае, для человека, который год провёл в другом измерении в стане врага. На ней был странный костюм – что-то вроде чёрного савана, слабо пахнувшего пылью и пеплом.

– Что вы стоите? Нам нужны лекари! – надсадно закричал Артур и ткнул пальцем в какую-то случайную студентку. – Ты! В лазарет, немедленно!

– Хорошо! – придушенно пискнула та, и её как ветром сдуло.

Правильная тактика, кстати. В толпе каждый подумает, что просьбу может выполнить кто-то другой, а вот если выбрать ответственного – вряд ли он увернётся.

Остальные зрители продолжали монотонно, в классическом стиле киношной массовки шептаться, переглядываться и ужасаться, а один первокурсник даже достал фотоаппарат.

Я присела на корточки рядом с Артуром.

– Ами! – шептал он, мягко поглаживая девицу по щеке. Мне казалось, он в каком-то бреде: пальцы трясутся, движения нервные. – Ами, очнись!

– Хочешь, я принесу ей воды? – Я изо всех сил старалась, чтобы мой голос звучал участливо.

Эдинбруг вздрогнул, обратил ко мне мутный взгляд. Господи боже, он что, уже забыл обо мне? В груди мгновенно стало холодно и горько.

– Никакой воды, – сказал другой голос. Он принадлежал дракону Ойгонхарту, который третьим сел возле хрен-пойми-как-попавшего-в-Гало тела. – Сначала надо пррросканировать её медицинскими прриборами. Аманда ДеБасковиц – помню её по лекциям – может быть биологическим оружием. Или прросто лазутчицей. Или отррравлена так, что от воды умррёт, испустив какой-нибудь смертельный для нас всех пар.

Глаза Артура вспыхнули... Я уж подумала: Эдинбруг рывкнет на дракона, выплюнет что-то вроде «Она не лазутчица, она моя девушка!», но Артур лишь согласно кивнул.

Наверное, я просто накручиваю. Я очень люблю накручивать. Была бы прекрасной прядильщицей, дай мне кто-нибудь вместо пряжи нервы.

– Отойдите все! И вы, ваше величество, – властно приказал дракон Ойгонхарт. – Дальше, дальше, чёрт бы вас подрал! Господин Эдинбруг, раз вы уже всё равно коснулись потенциально опасной девушки, будьте добры...

Он не договорил, но Артур понял и так: подхватил Аманду на руки и медленно пошёл с ней в сторону главного здания Форвана.

Я пришибленно осталась стоять на месте. Но через пару шагов студент обернулся:

– Вилка? Пойдем со мной?

– А надо?.. – выдавила я.

Не психуй, не психуй. Ты всего лишь гостя. Ты знала, что все это – глупости.

– Да, – серьёзно сказал Артур. – Конечно, надо.

* * *

Из лазарета нас сразу же выгнали.

Туда набился чуть ли не весь преподавательский состав университета. Потом в Форван стали прибывать маги из столицы – в каких-то диких количествах... Университетские сторожа, тщетно сражаясь с наплывом толпы, перекрыли все основные входы в кампус, чтобы хоть как-то притормозить чужаков, но это было бессмысленно – колдуны телепортировались внутрь целыми гроздьями.

Один такой красавчик выпрыгнул прямо у меня под носом, пока я мерила лазаретный коридор шагами.

– Вы с ума сошли?! – зашипела я. – Ещё два сантиметра, и нас бы с вами расщепило!

Голос у меня был, как у настоящей гарпии. Кажется, я банально сорвалась на госте.

У него, кстати, обнаружилось что-то вроде журналистского бейджика на груди.

– А? Что? – заморгал журналист. – Да-да... А где тут лежит госпожа Избранная?

– Кто-о-о?! –

– Госпожа, спасённая из мира Тварей, которая принесёт нам свет и спасение...

Бесшумно подкрадвшийся к мужичку Артур угрожающе положил ему руку на плечо и вкрадчиво проговорил:

– Рекомендую вам покинуть территорию Форвана. Прямо сейчас.

Тот вздрогнул и послушался.

Но всем и каждому это сказать было невозможно. А потому ректорат принял непростое решение: весь Форван так же магически защитили от телепортов, как Стылый флигель. Да ещё и накрыли куполом, а то особо хитрые ведьмы и маги расчехлили свои старые метлы (в мире Гало – настоящий винтаж!) и начали атаку с воздуха.

Артур и я до поздней ночи караулили у лазарета. Сначала ходили туда-сюда, потом сидели на полу, затылками опершись о прохладные стены, молча, в тягостном, полном тоски ожидании. Потом я от усталости уснула, а проснулась уже в какой-то дурацкой позе эмбриона – лежала чуть ли не на коленках у Эдинброга, а сверху меня уютно накрывал его кардиган.

«Спасибо за заботу, – подумала я. – Вот жаль только, что твой пустой взгляд остаётся прикованным к двери, будто весь остальной мир вдруг обрушился, стал неважным, бледным, неинтересным. Лишь одно лицо в фокусе для тебя – и оно, увы, не моё...»

* * *

В какой-то момент по этажу лесным пожаром промчалась новость: «Она очнулась!», но как ни рвался Эдинброд в отдельную палату, его не пустили. Туда были вхожи лишь лекари, кое-кто из магов и парочка представителей короля. Ещё внесли огромную стопку чистой бумаги и перьевые ручки: видимо, будут записывать показания Аманды.

Один раз в коридор завернул Борис, но не стал подходить к нашему добровольному посту. Землянин застыл вдалеке – тёмный силуэт на фоне стенного светильника, – плечом навалился на угол и долго молча курил. Всем вокруг сейчас было плевать на подобное нарушение пра-

вил. Взглядом Бор даже не заклинал тревожную дверь, а профессионально буравил её... Затем Отченаш так же тихо ушёл, неопределённо махнув мне рукой на прощание.

Мэгги ближе к полуночи явилась к нам с контрабандным отчётом:

– Аманда цела и невредима, на данный момент мы выяснили, что в ней нет никакого оружия или скрытой опасности. Она уже села составлять письма с рассказом о произошедшем, а вот речь даётся ей плохо, и она в целом слаба: измерение Тварей не похоже на наш мир, а она провела там столько времени...

– В какой роли? – жёстко спросил Артур.

– Пока не до конца понятно, но, судя по всему, сначала пленницы...

– А потом?

– Узнаем завтра. Она сейчас снова спит. Будь хоть немного милосерднее, Артур, – укорила его медсестричка.

Эдинброд резко и шумно втянул воздух, потом на мгновение закрыл лицо руками. А когда он убрал ладони, Мэгги уже ушла.

– Ладно. Да. Хорошо. Может, пойдём к себе? – устало вздохнул Артур. – Сегодня явно уже ничего больше не случится.

Мы молча вернулись в спальню.

Всё время, которое я провела в душе, Артур сидел за столом, бессмысленно пялясь в окно. Я вышла из ванной и не решилась его окликнуть. Только неуверенно потопталась за спиной, погладила притихшего Уорхола – кот явно почувствовал перемены в доме и теперь бродил молчаливый, сама покладистость. А потом сделала две вещи.

Во-первых, достала из корзины для бумаг свой выброшенный туда вчера билет до столицы и разгладила его.

Во-вторых, тихо зашла в свой старый вольер и легла спать там. Узкая койка была холодной и туго заправленной.

«А ведь всё было так хорошо», – тоскливо подумала я, засыпая.

* * *

Но в ночи я проснулась.

– Эй, – Артур гладил меня по голове. – Почему ты сюда ушла? Я сначала и не заметил.

– Потому что, – голос у меня был сиплый со сна, – твоя девушка снова дома. Я не думаю, что с моей стороны будет этично и дальше играть её роль.

– Она не моя девушка. Ты моя девушка.

– Артур... – я прикусила губу, потом неохотно повернулась на другой бок, чтобы видеть его лицо. И чтобы он видел моё. – Ты сам говорил, что отпускаешь её, потому что она мертва. Если бы не её смерть – точнее, похищение, – ты бы до сих пор любил её, верно? А значит, наша с тобой история – всё же ошибка. Странный суррогат, порождённый незнанием того факта, что Аманда всё ещё жива. А я – всё ещё чужачка. Незваная гостья, которая выполнила наконец свою миссию и теперь может уходить. Отпуск в чужом мире закончился, и всё такое. Наверное, мы с тобой не зря так долго не решались открыть свои чувства – сама вселенная подсказывала нам, что не стоит спешить... Что тебе надо всего лишь подождать, и твоя старая любовь вернётся к тебе. Ну а я... Не знаю. Получила, наверное, какой-нибудь урок – и могу отчаливать.

В неверном лунном свете я видела его лицо, осунувшееся и бледное. Огромные кармально-карие глаза – всполохи осени, пока ещё прячущейся за горизонтом, но всё же упрямо приближающейся – потускнели от боли.

– Значит, так, да? – спросил он. – Ты так легко готова от нас отказаться? Забрехала единственная сложность в отношениях – и ты уже даёшь обратный ход?

– Я... Да нет же! Я не даю обратный ход. Я просто не хочу стать обузой для тебя, не хочу... – следующие слова дались с трудом, – чтобы ты отверг меня.

– И поэтому решила первой меня отвергнуть? – его брови насмешливо взлетели вверх. Чёрт. *А ведь он прав.*

Вместо ответа я вдруг разрыдалась.

Артур молча лег рядом, прижал меня к себе и уткнулся подбородком мне в макушку.

– Ну и трусиха же ты, – нежно прошептал он.

Я сглотнула.

– Я просто боюсь поступить бесчестно. Оказаться злодейкой, которая насильно удерживает тебя, мешая ступить на твой истинный путь.

– Не переживай: это невозможно, – его голос был сонным и добрым. – Когда дело касается чувств, меня нельзя удержать насильно где бы то ни было. Никого нельзя. Так что... Скажи: если убрать твой страх оказаться отвергнутой и твой ужас при мысли о том, чтобы стать тюремщиком для моего сердца, остаются ли у тебя ещё какие-то сомнения?

Я задумалась, пытаюсь распутать и проанализировать весь тот хаос из мыслей и чувств, что бурлили внутри меня. И одновременно ругая себя: Эдинброд и так весь на нервах, а я устроила сцену. Ну кто так делает?

С другой стороны... Даже несмотря на мой идиотизм, то, что мы обсуждаем это сейчас, – однозначно лучше, чем если бы мы молчали ещё несколько дней, во время которых я ходила бы всё с более траурным лицом, пока и вовсе не сделала бы какую-нибудь глупость. Говорить друг с другом открыто, а не домысливать – всегда хорошая стратегия. Жаль, что я иногда забываю об этом.

– Других сомнений у меня нет. Я хочу быть с тобой, Артур, – наконец тихо проговорила я, чувствуя, как что-то взволнованно сжимается у меня в груди при этих словах. Ведь они открывали дорогу другим, более серьёзным признаниям. – А у тебя... есть какие-нибудь сомнения?

Однако Эдинброд уже провалился в сон. Его теплое дыхание щекотало мне затылок, а приобнявшая меня рука стала очень тяжёлой. Не желая будить его, но чувствуя, как жутко у меня затекли ноги, я попыталась устроиться поудобнее. В какой-то момент сквозь шорох тканей и мое сосредоточенное сопение прорвался еле слышный шёпот:

– Я люблю тебя.

– Что? – я замерла.

Но Артур уже снова уснул.

43. Новый обряд

Утром я долго и внимательно смотрела на Эдинброга, но так и не смогла понять по его непроницаемому лицу, что это было ночью: мой мираж, его сонный бред или форменное издевательство.

Ещё несколько дней мы провели в каком-то бессмысленном нервном ожидании.

Мэгги украдкой передавала, что Аманда в лазарете постоянно что-то пишет. Какие-то письма в невероятных количествах. К ней начали приходить представители королей и ученых магов, но жителям кампуса ничего не рассказывают.

На четвёртое утро за завтраком в Сироппинге – он вновь проходил в гробовом, напряжённом молчании, кажется, затишье перед бурей должно выглядеть именно так, – к нам явился посланник от дракона.

Господин Ойгонхарт жаждал нас разделить, как и было уговорено. Несмотря на срыв экзамена, экзаменаторы уже поставили Артуру высший балл – а значит, потребность во мне как фамильяре отпала.

Своё приглашение на ритуал дракон прислал на бархатной карточке насыщенно-лазоревого цвета. На ней был выбит золотой номер этажа, затем номер комнаты в Форване, где остановился дракон.

Без этой карточки найти зачарованные покои дракона не представлялось возможным – это было одним из правил магической безопасности, окружавших фигуру столь древнего существа.

Но... Судя по всему, дракон заранее заказал в типографии кучу таких «визиток». И уже раздал их половине населения Гало – я видела такие приглашения и у Бориса, и кучи студенток, а Мэгги передала такое Аманде.

Безопасность волновала дракона меньше, чем развлечения.

Получив приглашение, мы с Эдинбродом напряжённо переглянулись, но потом всё же решили отправиться по указанным координатам. Даже если весь мир вокруг рухнет, некоторые планы лучше сохранить неизменными. А то будет совсем бардак.

* * *

Я почему-то думала, что по сравнению с тем, как меня вызывали в мир Гало, процесс разделения будет сущей безделицей.

Я ошибалась.

Ойгонхарт снова встретил нас, нежась в постели, откуда затем вылез с явной неохотой. У него в руках был бокал с какой-то зелёной жидкостью. Я удивленно посмотрела на неё, и дракон предложил:

– Желаете попробовать? Это мой любимый напиток. Пью его каждый день, очень приятный.

Он жестом указал на изумрудно мерцающий декантер.

– А из чего он?

– Ты не хочешь этого знать, – предупредил Артур.

А дракон ухмыльнулся:

– Просто есть в нашем мире такие ящерицы...

– Спасибо, откажусь, – содрогнулась я.

Дракон поставил в комнате два трюмо напротив друг друга, создав зеркальный коридор. Нас выставил между стёклами, как статуэтки.

Я смотрела в одно зеркало, Артур – в противоположное, и в уходящем во тьму туннеле наши фигурки множились и распадались, безвозвратно удаляясь друг от друга.

Дракон взял со стола какую-то чашку, плеснул в неё воды, поколдовал и заставил нас выпить это. Я смотрела на воду с большим подозрением, но надо – значит, надо.

– Сейчас будет немного холодно, – предупредил Ойгонхарт, щеголявший в пижамных штанах (и только в них одних).

И вдруг резко упал на колени, ладонями ударив об пол. От его пальцев по паркету во все стороны побежали морозные узоры – было неожиданно увидеть такое волшебство, вышедшее из-под рук огненного дракона. Ледяные рисунки потекли на нас с Эдинбродом, взобрались по ногам и выше, и, не успела я испуганно вдохнуть, как снежинки уже набились мне в рот...

– Faaga, wello, edeu! – пророкотал дракон, и я почувствовала, как что-то внутри меня порвалось...

Будто нить, натянутую прежде, вдруг перерезали острыми ножницами.

Чёрт! Нет! Только не это!

Я запаниковала, пытаюсь сдвинуться с места и развернуться к Артуру – мне вдруг показалось, что рвётся не только наша фамильярная связь, но вообще все связи между нами, что все наши чувства были не более чем побочным эффектом от колдовства...

Но я не успела: дракон хлопнул в ладоши, и по всей спальне вдруг вспыхнуло ослепительно-красное пламя. Ревущее, обжигающее, в мгновение ока превратившее мир в подобие полыхающего ада.

Кажется, я закричала от боли. А потом потеряла сознание.

* * *

Я очнулась всё там же – в комнате дракона, на уютной кушеточке у окна.

Кушетка по стилю была рекамье – то есть без спинки, но с двумя боковушками, с покрытием из бархата и изящными обводами.

Точнее, это в нашем мире такие кушетки называются рекамье – в честь знаменитой светской львицы XIX века, мадам Жюли Рекамье, хозяйки блестящего парижского салона. Пожалуй, сейчас я могла напомнить её тому, кто знаком с портретом этой дамы кисти Жака Давида:

я тоже была одета в кремовое платье. Только вот на лбу у меня была не повязка, а мокрое полотенце.

– Вы очень эмоциональны, госпожа землянка, – проговорил дракон, увидев, что я очнулась.

Артур подал мне стакан воды и забрал полотенце:

– Всё хорошо?

– Ну... Наверное. Не считая того, что мы чуть не сгорели.

– Это была иллюзия. Господин Ойгонхарт любит всякую... красоту, – сдержанно блеснул глазами Эдинбруг.

Я вдруг заметила, что он выглядит гораздо свежее, чем вчера. На щеках аж румянец проступил – да и синяки под глазами, появившиеся после Стылого флигеля, вдруг пропали.

– Вся моя магия вернулась ко мне, Вилка, – пояснил он. – Та, что раньше была в тебе.

– Вот как, – я вздохнула. – Значит, теперь я не смогу поддерживать тебя в заклинаниях?

Он молча кивнул в ответ.

– Деррржите, – Ойгонхарт протянул нам два одинаковых длинных кристалла, похожих на столбики аметистов, только гораздо тоньше. – Хотя я и разорвал вашу связь, она не пропала окончательно. Она хранится в этих камнях. Если однажды вы рррешите, что её надо веррнуть – одновременно разломите кристаллы. Это можно сделать даже голыми руками. И связь восстановится – без спецэффектов, просто вернётся. Конечно, это произойдёт только в том случае, если у господина Эдинбруга не будет нового действующего фамильяра.

Я с интересом посмотрела на кристалл в своих руках. В нём была удобная дырочка – можно повесить на цепочку и носить на шее. Артур кивнул и убрал свой камень в нагрудный карман жилета.

– Вам будет безопаснее уехать из Форвана, господин Ойгонхарт, – сказал Артур дракону на прощанье. – Пока здесь Аманда ДеБасковиц – вам рискованно тут оставаться.

– Яйцо учит курицу? Какая прррелость! – восхитился рыжий дракон. – Мальчик, я живу уже очень давно и могу позаботиться о себе. К тому же и Аманда в курсе этого – она же была моей ученицей. Даже если она воткнёт в эту грудь кинжал или меч-двуручник, – он самодовольно постучал себя по худой груди, – мне ничего не будет. Как и от боевых заклятий. Как и от стрел. Я непробиваемый – это факт.

Уходя, я не могла не подумать: а насколько он непробиваемый для обезумевшей стихии, интересно? Если на него обрушится цунами, или с головой накроет потоком лавы – он просто скажет: «Бодрр-р-ряще!» – или всё же слегка потреплется?..

* * *

Мы шли по коридорам Форвана.

Казалось, что университет просто сошёл с ума: с одной стороны, его продолжали заполнять официальные лица со всех сторон света, слетевшиеся на Аманду, будто на мёд. С другой стороны, пёстрыми пятнами вокруг носились студенты, у которых внезапно закончились экзамены, а вместе с ним и необходимость носить форму.

Студентов очень печалило, что сегодняшней выпускной отменили... И они решили устроить свой – неофициальный. Потому что Твари Тварями, а вечеринка по расписанию! И ректорат, как ни странно, одобрил это решение, выделив под мероприятие весь западный сектор Форвана.

– Хочешь сходить туда? – спросил меня Артур.

Я удивлённо вскинула бровь:

– Ты в состоянии развлекаться, пока в лазарете творится чёрт знает что?

– Вряд ли, но надо попробовать. Потому что если мы продолжим сидеть здесь, то мне кажется, я просто свихнусь, – ровно сказал он.

И мы начали собираться на выпускной.

Я надела бордовое вечернее платье с рукавами буфф и длинным разрезом сбоку. Артур выбрал тёмно-синий костюм и завязал галстук виндзорским узлом, который здесь называли «престольным». Он небрежно зачесал волосы набок, побрызгался какими-то совершенно восхитительными духами и стал выглядеть ещё более впечатляюще, чем обычно.

Эдинброд поймал мой влюблённый взгляд сквозь зеркало, и я поспешила:

а) опустить глаза;

б) буркнуть «ничего так костюмчик».

– Я просто пытаюсь хоть немного соответствовать тебе, – галантно сказал Артур.

Но не успели мы выйти из комнаты, как в дверь отчаянно замолотили кулаками.

На пороге стояла всклокоченная Мэгги – видно было, что позади у неё долгая смена.

– Артур, – сказала медсестра. – Аманда закончила свои беседы с представителями королей и теперь приглашает тебя. Говорит, вам нужно обсудить кое-что – также под грифом строгой секретности, наедине. Лазарет пуст, волшебные зеркала убраны, окна зашторены. Пойдѐшь?

Естественно, он пошѐл.

Провожая взглядом Артура и медсестру, я подумала: очень жаль, что он отправится к своей Аманде таким красивым. Надо было на прощанье чаем в него плеснуть, что ли... или хотя бы пыльной книгой причѐску примять.

Моѐ настроение тотчас упало.

Естественно, я уже не пошла ни на какой выпускной. Я честно попробовала: зачем пропадать такому шикарному платью? – но на полпути вздохнула, развернулась и двинула обратно. И даже грохот праздничных фейерверков, доносившийся с улицы, меня не радовал и не манил.

И совсем-совсем не манил дракон Ойгонхарт, которого я встретила в коридоре и который опять протянул мне адрес своей комнаты, проурчав: «Я тоже пррредпочитаю не посещать торжество. Я предлагаю вам вместо этого всё-таки попррробовать мой зелёный ящериный коктейль... Поверрьте, вы не пожалеете».

– Нет, спасибо, – отказалась я.

– Я не собиrrраюсь к вам просто так приставать, – скривился дракон. – Меня интересуют другие миры. Я, знаете ли, учёный. Люблю получать инфoррмацию из первых ррук. Это будет изысканное рразвлечение. Ну а если мы захотим пррродолжить вечер, то, конечно...

– Всё же нет, – чуть твёрже сказала я. И одновременно с этим чуть более взволнованно.

Потому что мне казалось, что дракон не из тех, кто принимает отказы всерьѐз, и сейчас, возможно, станет чересчур настойчив, чего хотелось бы избежать.

Но вдруг чья-то рука обхватила меня сзади за талию, и весѐлый голос проговорил:

– Ойгонхарт, а может, тогда меня допросите? Я тоже с Земли! И готов хлебать ящериное пойло.

Это был Бор, и Бор улыбался.

– Хоррошего вечера, – дракон внезапно счѐл за лучшее ретироваться без дальнейших объяснений.

Я повернулась к землянину.

– Кажется, ты меня спас. Спасибо.

– Нет. Это ты меня сейчас спасѐшь, Вилка, – прохиндей Борис не спешил убирать руку с моей талии, и мне пришлось ему в этом помочь. – Я просто сдохну, если не придумаю способ отвлечься. Выпускной – отстой. Мэгги дрыхнет. Ректорат психует. Пошли посидим где-нибудь и потрындим по душам. Тебе ведь это тоже надо, да?

– Надо, – признала я.

44. Самый опасный соблазн

Бор, кстати, тоже выглядел очень даже ничего: он явно принарядился к отвергнутому выпускному. Даже шейный платок нацепил! Золотистый, идеально завязанный классическим фуляром, он почти превратил его в джентльмена – который, правда, забыл побриться.

Итак, мы были одеты как в фильмах про аристократию, но по настроению получался скорее какой-то французский артхаус – было очень серенько, тоскливо и тянуло безысходной грустью.

Отченаш и я ушли в пустой класс – кажется, по алхимии, – где я села за парту, как примерная ученица, а Бор развалился прямо на кафедре в позе уставшего Диониса. Среди склянок и реторт, играющих роль чарок для вина, которое он предусмотрительно захватил с собой. Вскоре шёлковый платок был развязан, а вместе с ним развязался и язык Бора.

– Я решил вернуться на Землю, – сказал он, немало меня этим удивив.

– Это ещё с какой радости? Ты же сам заливал день за днём, как тебе тут замечательно, что здесь есть смысл в жизни и всё такое?

Он поморщился.

– Вилка, знаешь, почему я такой успешный финансист?

– А ты разве успешный?

Он швырнул в меня колбочкой. Ну, точнее, не в меня, а мимо меня, так, показать своё недовольство.

– У меня хорошая интуиция. Я чувствую, когда пахнет жареным. Сейчас пахнет.

– Бор, это стейки с первого этажа.

– Какая же ты вредина! – расхохотался он. – Но я говорю серьёзно.

– Ты же сам мне на днях втирал, как веришь в Артура, который прищучит Тварей.

– Ага. А ещё я говорил, что не зазорно менять свою точку зрения. Как ты думаешь, что случилось с Амандой за этот год?

– Понятия не имею, – честно сказала я. – У меня куча смутных догадок, но все они рваные и недоделанные. Какое-то конфетти.

– Да, у меня так же... – вздохнул Бор. – Две главные мои идеи очень полярны. Первая: Аманда же лапочка, она могла так понравиться даже Тварям, что они в итоге отпустили её,

пожалев. Вторая: она ещё и стерва, а потому могла сама этих Тварей достать – и они выкинули её, задолбавшись. Мол, пардон, забирайте свою девицу, мы от неё устали.

– Почему они вообще её просто не съели? – спросила я с каким-то неожиданно горестным вздохом.

Бор фыркнул, уловив эту ревнивую интонацию.

– На этот счёт у меня есть теория, кстати, – кивнул он. – Мы же с Эдинбругом смотрели в прошлое на днях. Помнишь, я рассказывал тебе, что большая Тварь, которая на нас выскочила, как-то странно урчала и рокотала прежде, чем напасть?

– Ну?

– В реальном времени меня меньше всего волновало, что она там булькает. Но, прокручивая ту сцену, как в кино, я подумал, что это не просто чавканье... Это язык, Вилка. Тварь говорила что-то на своем неведомом наречии.

– И? – нахмурилась я.

– Мне неведомом, – сделал акцент Бор.

– Подожди, ты хочешь сказать, Аманда знала этот язык?

– Вполне может быть! Она ведь маг-лингвист. Если не сам язык Тварей – я что-то не помню, чтобы с ними хоть кто-то когда-то болтал, – то она как минимум могла изучать что-то похожее... Я же говорил тебе, что Аманда могла уболтать любого. Вполне вероятно, что и тварюгу тоже. Брякнула там что-то типа «Я есть Аманда, я говорю твой язык! Давай общаться!» И Тварь такая: огогошеньки, еда коммуникабельная, вот это приколы! Пойду покажу другим диговинку! И утащила её с собой вместо того, чтобы слопать.

– Хм, – сказала я. – Может быть.

Мы ещё какое-то время посидели – в тишине и заодно в темноте: солнце закатилось окончательно, а свет в аудитории мы зажигать не стали.

– Интересно, о чём она сейчас говорит с Артуром, – я вздохнула.

– Да уж... – Бор нахмурился. И тотчас внезапно воодушевился: – Слушай, а давай их подслушаем?

– Не получится: Мэгги перечислила условия безопасности разговора, там даже зеркала отключили, всё ради конфиденциальности.

– Пф! Вилка! Ты опять меня недооцениваешь. К чёрту зеркала, я знаю один потайной ход, который позволит проследить за тем, что происходит внутри. Его точно не перекрыли.

– Хм. Но ведь это какая-то... не очень вежливая идея, – помявшись, вновь возразила я.

Бор спрыгнул со стола, подошёл ко мне и цепко взял меня за подбородок. В глазах его плясали дьявольские огоньки.

– Невежливая? – повторил он с прищуром. – Признайся: ты просто боишься увидеть, что они с Артуром не толкуют о судьбах мира, а делают что-нибудь более... интересное. Год люди не виделись, а ведь любили друг друга.

– Иди к чёрту, Бор! – взвилась я, вскакивая и отступая на шаг назад.

Вот умеет человек поселить в душе сомнения!

И насколько же я не уверена в себе, что эта типично манипуляторская фразочка заставила меня вновь заволноваться. Хотя Артур вроде твёрдо сказал: Аманда осталась в прошлом. Но это было до того, как он увидел её...

– Ну, ты как хочешь, а я пойду послушаю! – решительно заявил Борис Отченаш.

И, распахнув окно кабинета, энергично выбрался на карниз. Как бы я ни хотела остаться на месте, а всё же дёрнулась следом.

– Стой, Бор! Я с тобой!

– Ай, молодец, землянка!

– Даже не вздумай меня хвалить! Я собственную совесть, считай, убиваю!

– А она у тебя была? Вот это новость... Ш-ш! Больно же!

* * *

Мы достаточно долго ползли по карнизу, как пара мух-переростков, прилипших к стене. Только шагов двадцать спустя, когда заглохли мои внутренние противоречия на тему «Какого чёрта я опять предаю доверие Артура?», я вдруг поняла, что мы двигаемся на высоте пятого этажа по ооооочень узкой каёмке.

Я тотчас запаниковала, хватая ртом воздух, и немедленно вспомнила, что я ещё и на каблуках. Если бы не Бор, удовлетворённо крикнувший: «Вот мы и на месте!», я имела все шансы рухнуть со стены прямо сейчас и закончить на том своё путешествие.

Пожалуй, это был бы самый бесславный сценарий из всех возможных. И такой мальчика дидактический: не вздумайте подслушивать любимых, ибо карма не дремлет.

Но Бор уже ухватил меня за локоток. После чего вдруг взял и втащил меня... прямо в стену. Точнее, в то, что выглядело стеной – а на деле оказалось скрытым иллюзией коридором.

– Ого! – поразилась я. – А для чего этот тайный ход? Неужели на случай войны – чтобы эффективнее держать осаду?

– Да нет, это для тепла зимой. Знаешь, как в термосе – слой воздуха между стенками. Так и в Форване. Иллюзорный щит на входе не пропускает тепло и холод.

Теперь мы двигались куда-то в глубь здания. Потом наткнулись на решётку – кажется, вентиляция? – и Борис ударом ноги её выбил.

– Костюмчик придется попортить! – проворчал он, опускаясь на корточки и вползая в туннель. – Но знания – высшая благодетель.

– Скорее опаснейший соблазн...

Несколько минут пыhtения, парочка поворотов, и вот Борис замер, с трудом развернувшись в узкой трубе, и, прижав палец к губам, взглядом указал на новую решётку, внизу, под нашими ногами.

Мы находились прямо над больничным крылом. Аккурат над нужной палатой.

Мы с Бором переглянулись и чуть ли не носами прижались к этой решётке, всматриваясь и вслушиваясь в то, что происходит внизу...

45. То, что мы подсмотрели

... – Таким образом, я добила того, что мир Гало больше не будет обеденным столом для Тварей, понимаешь? – Аманда ДеБасковиц возбуждённо расхаживала по комнате туда-сюда.

Хорошо знакомая мне больничная рубаша выглядела на ней как эксклюзивное вечернее платье, что мне совсем не понравилось. Тугие светлые кудряшки были приподняты маской для сна, а на груди болтались – вместо кулонов – какие-то магические датчики.

Артур сидел на застеленной койке, опершись спиной о железное изголовье, скрестив свои длиннющие ноги и переплетя руки на груди. Он с некоторым, как мне показалось, недоверием смотрел на спасённую лингвистку.

Так-так. Я замерла, стараясь не пропустить ни слова и понять, о чём идёт речь.

– ...Отныне наш мир станет всего лишь буферной зоной, – продолжала Аманда. – Твари отринут попытки нас съесть – зачем им маленькая рыбка, когда есть огромная, уже фаршированная и поданная на стол?

Артур наклонил голову набок.

– Хм. А если у Тварей разыграется аппетит, и они захотят попробовать обеих рыбок?

– Зачем? Мы ведь приносим им пользу. Но если что, у нас есть ты, дорогой мой, – ДеБасковиц подмигнула и шаловливо упёрла руки в бока. – Ужасающий, опасный великий маг... Если Твари нарушат договор, ты заклеишь порталы, заперев их, и дело с концом. А им это невыгодно. Лучше наоборот – если они будут вести себя в Гало как паиньки, то ты создашь для них ещё врата, помимо имеющегося Большого Адронного Телепорта. Дашь им *ещё* миры для пропитания. Тварям куда интереснее дружить с нами – с тобой в частности – ведь ты ключ к огромной вселенной, Артур...

На последних словах голос ДеБасковиц приобрёл совсем уж мурлычущие интонации.

Эдинброг нахмурился, поменял положение ног и сплёл руки ещё сильнее:

– Я не понимаю одного, Аманда. С каких пор тебя волнуют желания Тварей? Я бы понял, если бы ты начала заключать с ними договоры, исходя из того, что я не смогу закрыть порталы, когда ткань бытия порвётся...

– Ты сможешь. Я верю в тебя, – горячо и страстно перебила его Аманда, положив руку на грудь в некоем, хм, патристическом порыве. И заодно выгодно подчеркнув свои округлости в вырезе рубашки.

Ух, как же она меня бесит!

– ...Спасибо. – Эдинброг не смотрел на девушку вовсе, и я мысленно поставила ему плюсики. – Но скажи, зачем вообще вступать в сотрудничество с врагом? Почему ты хочешь превратить нашу планету в коридор между мирами вместо того, чтобы просто избавиться от Тварей?

Аманда хитро прищурилась. Потом села к студенту на койку – и на колени заодно – и покровительственно положила руки юноше на плечи.

Кажется, в этот момент я явственно заскрежетала зубами, ибо Борис едва слышно шикнул на меня.

Артур без определённого выражения покосился на ладони девушки. Она игриво улыбнулась:

– Не понимаешь... М-м-м... А скажи, пожалуйста, как *ты* предлагаешь действовать, сердце моё?

Буээээ.

– Как и предполагалось, – Артур пожал плечами, заодно стряхнув руки Аманды. Она заметила это и надула губы. – У нас есть девять месяцев до того момента, пока ткань бытия не прорвётся. Я за это время изучу отцовскую формулу в Антрацитовый библиотеке, после чего зашью лопнувшую ткань обратно. Всё. Дальнейшее бытие мира Тварей нас уже не касается. Все счастливы.

– Ага. А что, согласно этому плану, будет с тобой после того, как ты зашьёшь ткань?

Эдинброг собирался ответить, но Аманда накрыла его рот ладонью – тссс!.. Надеюсь, у неё чистые руки.

– Я скажу тебе, милый, что с тобой будет. Либо тебя сделают придворным чародеем, либо тебе придётся всю жизнь провести в бегах... А вот в моём плане тебя – как и меня – ждёт куда более приятная судьба.

– Какая? – спросил Эдинброг.

Аманда торжественно раскинула руки по сторонам.

– Мы станем национальными героями! Королём и королевой! Спасителями, которым удалось невозможное – разрешить кризис двух измерений без крови и жертв. Мы будем сиять, как звёзды, для наших граждан, и люди будут любить нас за то, что мы приносим им покой и достаток, которых тут так давно не было!

– Я не заметил в твоём плане покоя и достатка.

– Я просто не успела о нём рассказать! Дело в том, что мир Тварей *удивителен*. У них очень много крайне полезных металлов, соединений и камней, которых на Гало днём с огнём не сыщешь. Те же цэйры – ими усыпаны целые пляжи!.. Но самим Тварям на них плевать, их волнует только еда, поэтому они согласны предоставить нам неограниченный доступ к этим ресурсам. Таким образом, все стороны будут в выигрыше. Эдинброг, пойми, я чёртов гений! Я добилась *идеального* соглашения. Гало получает долгожданное спокойствие, огромное богатство и – по желанию – новое измерение для изучения. Мы с тобой получаем власть и славу. Твари получают доступ к новому миру, поддержку нашей магической армии и аж восемь миллиардов человек по ту сторону в качестве канашек... Или сколько их там уже, на этой Земле? Сто девяносто три страны, помнишь, Борис хвастался?

– *Что?!* – ахнули мы с землянином хором, услышав последние фразы.

Да так громко, что Артур и Аманда задрали головы, и мы еле успели отпрянуть по сторонам от люка, чтобы нас не заметили.

Она хочет выпустить Тварей на Землю?!

– Это мыши шумят, наверное, – помолчав, сказал Эдинброг. – Их очень много в этом году в Форване.

– Прекрасно! Мышей Твари тоже едят с большим удовольствием. Попросим их устроить охоту! – рассмеялась Аманда. Настроение у этой стервы было чудеснейшее. – Ну что ты такой кислый, Артурчик? Не любишь сюрпризы, я помню. Я поэтому и сказала тебе заранее. Завтра утром будет огромная пресс-конференция, и на ней мы с тобой расскажем о нашем плане. Я знаю, тебе как раз хватит времени, чтобы всё оценить и понять, как нам повезло...

Она что-то ещё там радостно тараторила, а мы с Борисом сидели в вентиляционной трубе над светлым квадратом решётки и неверяще смотрели друг на друга.

С ума сойти.

Получается, Аманда решила спасти мир Гало ценой *нашего мира*?

Чёртова коллаборационистка!

Восемь миллиардов канапешек?!

Это вот так в её плане все стороны выигрывают?!

– Вот чокнутая сучка... – одними губами смачно выругался Бор. Впервые я видела на его лице такое растерянное и одновременно ожесточённое выражение.

Думаю, у меня физиономия была ещё хуже.

Если до этого разговора я испытывала в отношении Аманды много неприятных эмоций личного характера, то теперь готова была просто спрыгнуть вниз и удушить её голыми руками.

Кстати. А может, так и сделать?

Если она ещё никому не сказала о своем дурацком (но да, в чём-то выгодном для их мира) плане, кто мешает мне похоронить его вместе с ней?

– Аманда, – снизу вновь раздался голос Эдинброга. – Я думаю, ты проделала очень большую работу, но также я полагаю, что отдать Тварям на съедение чужую планету – это, как минимум, аморально.

– Господи, да что с тобой тут случилось, пока меня не было? – расхохоталась Аманда. – Кого и когда у нас волновала мораль? Да и подумай сам: земляне – они же полные идиоты, чего их жалеть? Вспомни Бориса – он, кстати, ещё жив? М-да? Удивительно, я думала, уже наверняка свернул себе шею где-нибудь... Хм...

Отчечаш сжал кулаки. Я, вновь приблизившись к решётке, увидела, как Артур на мгновение нахмурился, но тотчас изобразил равнодушие. Кажется, Аманда не знала, что её миленькие измены стали предметом народного достояния.

– Вряд ли твой договор одобрят, – упрямо продолжил Артур.

– Ну... На высших уровнях *уже* одобрили, – осклабилась ДеБасковиц.

Я слотнула.

– Не зря я провела столько дней в обществе политиков, Артур! Наши страны настроены благожелательно. Да, подписание договора продлится месяц или два, но... Я говорю тебе – в итоге мы с тобой станем родоначальниками новой эры. Ну что? Ты со мной, любимый?

Пауза.

Долгая пауза, за время которой моё сердце успело сделать порядка трёх сотен кульбитов.

– Это всё очень внезапно, Аманда. Мне нужно время, чтобы обдумать твои слова.

– Вот как? – В голосе девушки послышались капризные нотки. – То есть ты не хочешь быть моим королём? Повторю, если ты не расслышал: завтра состоится пресс-конференция, которую транслируют на весь мир – и я предполагала, что там мы выступим единым фронтом. Ты – моя силовая поддержка. У тебя уже есть репутация. А ещё люди любят любовь – мы вдвоём произведём куда более интересное впечатление, чем я одна, понимаешь?

– Давай утром всё это обсудим, Аманда.

Ещё пауза...

– А с каких пор ты зовёшь меня полным именем? – Маг-лингвистка опасно сощурилась. – И ещё ты ни разу не поцеловал меня. Не коснулся. Ты вообще на меня не смотришь. Что происходит?

Эдинброд аж рассмеялся. Это было весьма опрометчивым решением с его стороны.

– Тебя не было *год*, – просто сказал он.

– И что? – Её лицо окаменело. – Только не говори, что ты разлюбил меня.

– Мне надо идти. Уже поздно, Аманда... Ами. Завтра поговорим. Я рад, что ты снова с нами.

Эдинброг встал и, как-то деревянно похлопав её по плечу – как куклу, – пошёл к выходу из лазарета.

Аманда ДеБасковиц провожала его пристальным и недобрым взглядом.

46. Dorenmi

Обратный путь из вентиляционной трубы показался мне адом.

Теперь сверху давила не только древняя кладка, но и свеженькие мрачные мысли. Единственное, что меня радовало, – это явственное недовольство Артура от встречи с бывшей девушкой. Если бы он скакал перед ней зайчиком, я бы точно удавилась. А так...

– Нам надо уничтожить Большой Адронный Телепорт, – заявил Борис Отченаш, когда мы вновь оказались в разогнутом положении и на твёрдой земле. – Как можно скорее. Тогда, если Эдинброг откажется сотрудничать, план Аманды потеряет смысл – для её новых дружков не будет дороги на Землю.

– Но у разрушения телепорта есть и обратная сторона! – возразила я. – Когда наступит Пришествие, галианцы не смогут покинуть планету. Мы запрём их здесь, Борис!

– Ничего! Их спасёт Эдинброг! – отмахнулся Отченаш. – А вот у Земли нет такой палочки-выручалочки. Знаешь, я люблю фильмы-катастрофы, но только при условии, что это кино. В реальности мне совершенно не хочется, чтобы наших с тобой соотечественников жрали монстры из мрачного измерения...

Мне тоже этого не хотелось.

Но и подставлять жителей мира Гало, отрезав им единственный путь к отступлению, я считала недопустимым.

Борис уже мчался по коридору с такой скоростью, будто собирался осуществить свой план сию секунду.

– Да притормози ты, эй! – увещевала я. – Даже гипотетически: у тебя есть хоть *малейшая* идея о том, как можно уничтожить телепорт?

– Разрушать не строить, – отмахнулся Бор. – Что-нибудь придумаем. Так, если мы выйдем прямо сейчас, то в столице будем через два дня...

Не переставая говорить, он взлетел по лестнице на следующий этаж, нервно комкая в руках лацканы костюма. Я бежала следом.

– Бор, а ты *хоть что-нибудь* знаешь о Большом Адронном? – Я пыталась охладить его пыл. – Где он находится? Какая там охрана? Мы с тобой даже не колдуны! Если нас поймают, то это станет только плюсом к плану Аманды! Мол, смотрите, какие придурки эти земляне, их точно надо пустить на корм! Страсть, патриотизм и всё такое – это похвально, но расчёт тоже никто не отменял. Это не говоря уже об очевидной аморальности твоего плана!

Землянин раздосадованно крикнул и в задумчивости остановился.

– Ты права, – сказал он. – Я и впрямь знаю слишком мало...

Последнюю мою фразу он явно пропустил мимо ушей.

– Зато я знаю всё, что надо, – раздалось из темноты.

Из-за угла вышел Артур. Бледный, мрачный, сосредоточенный.

– Вам очень плохо даётся роль мышек, вы в курсе? – цокнул языком он, окидывая нас с Борисом сумрачным взглядом. – Если бы Аманда не потеряла чувство пространства, проведя столь долгое время в чужом измерении, она бы тоже поняла, что мышей таких габаритов просто не существует... Что вы смотрите? – Эдинброд вскинул брови. – *Естественно*, я на вашей стороне. И да. Вилка, я тоже считаю, что разрушить телепорт – это лучший вариант, несмотря на все риски. – Он поймал мой напряжённый взгляд и добавил: – Когда пробьёт час, я справлюсь.

Не приходилось уточнять с чем.

Борис молча сделал два шага вперёд и протянул Артуру руку. Тот замялся, но после всё-таки пожал её.

– Будем действовать последовательно, – продолжил Артур. – Сейчас расходимся, собираем вещи, заканчиваем свои дела в Форване. Завтра дожидаемся пресс-конференции Аманды – и только после этого уезжаем в столицу.

– Зачем ждать? – нахмурился Бор.

– Я всё-таки надеюсь, что для общественности её слова прозвучат так же безумно, как для нас с вами, – развел руками Эдинброд. – Есть шанс, что люди увидят просто свихнувшуюся пленницу Тварей... И всё закончится само по себе. А вот если нет, то тогда мы будем наготове и перейдём к активным действиям. А именно: сломаем телепорт, после чего все втроём запрямся в Антрацитовую библиотеку. Допуск мне уже дали. В ней есть всё необходимое для жизни – она, по сути, создана как бункер. Там я изучу плетение, созданное моим отцом для закрытия порталов...

– А нас оттуда не выкурят? – засомневалась я.

– Несколько недель у нас точно будет, – прикинул Артур.

Несколько недель вместо девяти месяцев, изначально выделенных для изучения формулы. Тот случай, когда дедлайн является действительно смертельной чертой.

Господи.

– М-м-м, подпольная жизнь втроём в интимно-закрытой библиотеке! Мне нравится, – хмыкнул Бор, но тотчас осёкся, поймав на себе два яростных взгляда.

– То, что я пожал тебе руку, не значит, что мы снова друзья, – тихо, но очень внятно сказал Артур. Борис аж моргнул. Эдинброд продолжил: – Разобравшись с формулой, я порву нашу связь с миром Тварей. После этого мы с вами прямо из библиотеки энергично свалим отсюда куда подальше. То есть в другой мир. Конец.

На словах это звучало очень просто.

Но на деле, кажется, мы втроём вот так легко и беззаботно затеяли революцию. И нам явно не хватало то ли воображения, то ли мозгов, чтобы в полной мере осознать масштаб собственной дерзости.

– Уорхола бы не забыть, – только и вздохнула я, когда мы, условившись о завтрашнем месте встречи, разошлись по комнатам.

* * *

...Аманда ДеБасковиц ещё с «прошлой жизни», как она теперь именovala своё бытие до похищения, умела идеально ходить на цыпочках, бесшумно открывать двери и, более того, использовать маскировочные чары на очень высоком уровне.

А мир Тварей только улучшил её способности.

Поведение Артура во время их душевного разговора не понравилось ей чуть более, чем полностью, поэтому девушка вышла из лазарета вслед за ним. Укрывшись сетью невидимости, она следовала за студентом на расстоянии чётко выверенных трёх метров, дыша с ним в такт и повторяя каждое движение – классический ход Охотника из племени Тварей; так можно отслеживать жертву неделями.

Когда Артур вместе с Борисом и какой-то тщедушной девицей в общипанном красном платье обсудили свой великий план, Аманда с трудом удержалась от того, чтобы не ударить кулаком по замковой стене.

Вот предатель.

А ведь она чувствовала, чувствовала, что что-то не то...

За год Аманда слегка растеряла социальные навыки и, возможно, стала чуть более резкой, эмоциональной и... искренней в своих глубинных желаниях, но она не ожидала, что Эдинброд вот так с ходу отвергнет её.

Её и её план. Созданный для них двоих, между прочим!

Ублюдок!

И кто эта баба с носом, перепачканным в мраморной крошке? Почему Артур уходит с ней за руку – в сторону своей спальни, между прочим?

Вдвойне предатель!

«Что ж, – подумала Аманда. – Значит, план придётся немного модифицировать».

И когда заговорщики разошлись, она решительно отправилась вслед за Борисом Отченашем.

* * *

...Борис тем временем неспешно и с удовольствием принимал душ.

Ванную комнату заволочло паром, махровое полотенце приятно царапало распаренную кожу, волосы вились тёмными колечками, в голове играла героическая музыка в стиле Ханса Циммера.

Землянин злился и одновременно испытывал некое приятное возбуждение: он любил, когда жизнь бурлила, и мысль об уничтожении телепорта ему нравилась. Совершенно неясно, что будет потом, но сейчас всё, как минимум, не скучно.

Бор побрызгался одеколоном, подмигнул самому себе в зеркале и, напевая под нос, вышел из ванной.

– Привет, сладкий! – помахала ему рукой Аманда ДеБасковиц, возникшая не пойми откуда и грациозно возлежащая на его диване.

Борис окаменел.

– Аманда, крошка! – практически не фальшивя, завопил он мгновение спустя. – Кто выпустил тебя из лазарета?!

– Сама вышла, – она улыбнулась и помахала бархатной карточкой, лежащей на журнальном столике. – Ты дружишь с драконом Ойгонхартом, а?

– Нет, не сказал бы. Но он всё равно приглашал меня выпить, – Борис старательно изображал радость при виде девушки.

Получалось... сносно. Но всё же: как бы вытурить её отсюда?

– Ага, он всех приглашает. И меня тоже звал, и ничто его не пугает, – рассеянно протянула Аманда. – Возле моей кровати целая стопка таких карточек. Надо будет заглянуть к нему утром... Уж кому-кому, а мастеру Ойгонхарту точно интересно узнать про языки иных миров. И кстати! Про «интересно» и «интересности».

Девушка сощурилась, намеренно соблазнительно перекинув одну длиннющую ногу через другую. Борис немедленно почувствовал себя не в своей тарелке.

– Ты подслушал мой разговор с Артуром, – почти дружелюбно оскалилась ДеБасковиц.

– Что за глупости, Ами? Какой разговор?

– О том, что я заплачу твоей планетой за счастье Гало.

Девушка лениво встала и приблизилась к Бору. Обхватила его руками за шею. Кадык Отченаша дёрнулся.

– Я *знаю*, что ты был там, Борис. Ты и какая-то девица. Кто это? Ваша новая подружка?

– Ами, я сомневаюсь, что это нормально, что ты ходишь по Форвану без сопровождения...

– Скажи, как тебе мой план? Что, если я предложу *тебе* стать моим королём вместо Артура? Я так подумала: не настолько мне и нужны его способности великого мага. Твари всё равно *уже* нацелились на землю, мы им приелись, говорят – мало гемоглобина. Так что договор и без Эдинброга заключим. А ты всегда был мне куда интереснее...

– Э-э-э-э...

– Мы будем править вместе. Тебе понравится. А твой мир... Ну не зря же ты его покинул? Чего жалеть?

– Аманда, тебе надо выспаться. Ты после своего спасения очень устала – это видно, – вроде как выкрутился Отченаш и даже утешительно погладил её по затылку.

– Поня-я-ятно, – протянула в ответ девушка и тяжело вздохнула. – Ну что ж, стоило попытаться!..

И она, чуть сместив объятия, очень технично и аккуратно провела пальчиком вдоль сонной артерии, дополнив жест старым добрым заклятьем:

– Dorenmi.

Борис мешком осел на пол.

– Хорошо, что я стала гораздо сильнее за этот год... – пробормотала Аманда, хватая бессознательного землянина под мышки и оттаскивая к гардеробу – переодевать.

47. Я боюсь

– Артур... – я следила за тем, как Эдинброг собирает чемодан.

Точнее, чемодан сам себя собирал. Он лежал в центре спальни, призывно откинув крышку, и одежда, книги и артефакты сбегались в него, как муравьи, понурой, но деятельной кавалькадой.

– Да? – Эдинброг обернулся.

Была уже глубокая ночь, и с того момента, как мы пришли в комнату, Артур всё время был чем-то занят, а на лице его застыло сосредоточенное и мрачное выражение. Я видела, как он напряжён.

– А куда мы потом денем Бориса?.. – трагически спросила я.

Не то чтобы это был самый волнующий в мире вопрос, но я уже настолько обалдела от тишины, что произнесла первое пришедшее на ум.

Вопрос повис в воздухе. Такой же актуальный, как прочие, но несоразмерно поверхностный по сравнению с ними. Мы с Артуром посмотрели друг на друга долгими взглядами. И расхохотались.

– Да уж, это и впрямь страшнейшая из грядущих проблем!.. – фыркнул Эдинброг. – Заберём с собой в другой мир, полагаю.

– Ох! Теперь я особенно надеюсь, что тебе удастся выбрать место хоть с каким-нибудь населением! – ужаснулась я. – А то остаться втроём с Борисом на необитаемой планете... Похоже на сюжет кошмара.

– Я постараюсь этого не допустить.

Мы продолжили сборы. В какой-то момент я снова тяжело вздохнула и, колебавшись, грустной морской звездой упала на застеленную кровать. И тихонько застонала.

– Что такое? – Артур посмотрел на моё печальное тело.

Я обречённо дрыгнула ногой.

– Ты боишься? – нахмурился он.

– Просто не могу поверить... – я перестала идиотничать и легла ровно, как мертвец. – Неужели всё это *реально*? Мы *действительно* устроим что-то вроде мятежа, заставим весь ваш мир ненавидеть нас за взрыв телепорта, будем держать осаду в подземной библиотеке, зашьём ткань бытия, а потом исчезнем в неизвестном направлении?

Артур оперся плечом о косяк книжного шкафа.

– Да, – твёрдо сказал он. – Так и будет.

Голос его звучал совершенно спокойно. От него исходила уверенность; колоссальная сосредоточенность плескалась на дне зрачков.

В первые дни после своего прибытия в Форван я думала, что я гораздо азартнее Артура и легче его на подъём. Что я – безбашенная землянка, которой море по колено, а Эдинброг – невыносимо скучный тип, размахивающий флагом с вышитыми на нём словами «стратегия», «порядок» и всё прочее.

Но чем дальше, тем яснее становилось: при всей своей хладнокровной невозмутимости он легко идёт на большие риски, а вот я – та еще трусишка, боящаяся серьёзных шагов. И в отношении ситуации с апокалипсисом. И в отношении любви.

– Но ведь ты ещё не умеешь открывать порталы в другие миры *для себя*, – почти неслышно пробормотала я. – Как ты всё успеешь за то время, что у нас будет? Всего несколько недель и на формулу, и на портал, и всё это при условии, что библиотека действительно так изолирована, как ты полагаешь!.. – я отчаянно всплеснула руками.

– Вилка, – серьёзно проговорил Эдинброг.

Он подошёл, сел на край кровати и крепко сжал мою ладонь в своей.

– Почему сейчас именно *ты* начала сомневаться во мне? – в его вопросе не было горечи, только искреннее желание понять. – Мэгги верит. Верит Каприз – этот упрямый олух, с какой-то стати взявший на себя роль моего «мотивирующего врага» и всегда игравший её так талантливо, что порой я всерьёз мечтал его убить. Верят преподаватели и однокурсники... Даже Борис поверил. Но не ты. Почему?

Я молчала, глядя ему в глаза. Артур ждал. Он задал чертовски важный вопрос, и я чувствовала, как моё сердце захлёбывается боем от понимания того, *каким* будет ответ.

В окно заглядывало холодное звёздное небо, а на стенах таинственно светились фрески – те самые, созданные мной в первую фамильярную ночь.

В полумраке комнаты лицо Эдинброга казалось нереалистичным – не человек, а произведение искусства: широкие мазки, отчаянная смелость демиурга... Он будто постепенно отдалялся от меня, растворяясь в неверном свете витражной лампы, вокруг которой плясал мотылёк, и, не желая терять Артура, я порывисто подалась вперёд.

– Я просто слишком боюсь, что с тобой случится что-то плохое, – очень тихо сказала я. А потом продолжила быстрее, с силой: – Я знаю, что это неправильно и эгоистично. Что излишняя тревога за кого-то – самый извращённый и пагубный вариант поддержки, приносящий лишь боль и неуверенность обоим. Я знаю, но пока не могу побороть её... Ставки слишком высоки, и всё во мне буквально сходит с ума при мысли о том, что ты можешь погибнуть. Я верю в тебя, Артур. Больше, чем в кого-либо и когда-либо, но я пока не могу избавиться от страха за тебя. Потому что прежде никто не был мне так дорог, как ты, ни к кому я не испытывала таких глубоких чувств. Никогда не встречала людей, рядом с которыми перехватывало бы дыхание оттого, насколько они прекрасны, с которыми бы хотелось быть рядом – всегда. В общем и целом... – я сглотнула. – Дело в том, что я люблю тебя, Артур Эдинброг.

Кровь словно вспыхнула в моих венах, когда я призналась. Артур, почти не моргая смотревший на меня во время всего монолога, неожиданно и до чёртиков мило покраснел. Его рука сильнее сжала мою, когда он, подавшись вперёд, глядя на меня серьёзно и прямо, сказал:

– Я тоже люблю тебя. Я люблю тебя так сильно, что сам как раз полностью перестал сомневаться: в себе и в том, что нам всё удастся. А в тебе я не сомневался с самого начала.

И когда он поцеловал меня после этих слов, я вдруг поняла, что весь мой страх ушёл.

48. Зеркальная конференция

Конференция Аманды ДеБасковиц проходила в главном зале университета.

Это было широкое, щедро залитое солнцем помещение с высоким сводчатым потолком. В нишах вдоль стен высились бронзовые фигуры знаменитых учёных, на окнах драгоценными пластинами сияли витражи. На небольшом возвышении находилась кафедра – выполненная из вишнёвого дерева, она чем-то неуловимо напоминала гроб.

За кафедрой сидела сама Аманда, а также несколько политиков, преподавателей и стражей. Все остальные места в зале занимали журналисты и зеркала: большие и маленькие, ручные и напольные, старинные и минималистичные.

То самое зеркалидение. Пусть в последние годы его и применяли очень редко, ради конференции всё-таки «растянули»: как иначе, если сегодня решится судьба мира?

Таким образом, сотни колдунов по всему Гало с самого утра поддерживали плетение. Воздух искрился от магии, пробуждённой в таких количествах. Под облаками носился лёгкий зеркальный звон... Меня то и дело шарахало током от прикосновений к Артуру (это норма) и одежде (вот тут что-то новенькое!).

– А это заклинание не порвёт ткань бытия? – подозрительно уточнила я. – Ты говорил, что глобальные вязи так же опасны, как гибель дракона.

– Опасны не вязи, а их внезапное разрушение, – покачал головой Эдинбруг. – Но его будут сворачивать со всей осторожностью, не волнуясь.

Мы решили смотреть выступление из кофейни в Сироппинге.

Ещё утром Артур написал Аманде, что не станет поддерживать её, и теперь в огромном настенном зеркале я видела, как укоряюще пустует кресло справа от девушки. Борису мы отправили сообщение, чтобы он пришёл к нам «на чашечку кофе». Если всё пойдёт плохо – умоае́м в столицу прямо отсюда.

И да.

Опуская прелюдии: всё действительно пошло плохо.

Аманда ДеБасковиц не врала, когда сказала, что короли *уже* согласны с её предложением. Сидевшие за кафедрой не дискутировали, а, скорее, торжественно оповещали население о грядущем миропорядке.

Только один из спикеров высказал некоторое сомнение. Это был крючконосый мастер Говерик.

– Позвольте, коллеги... – пробормотал он. – Но как же Земля?!

– А что Земля? Никто из нас никогда не был на Земле, – снисходительно отозвался ректор Хомхи Бавтелик. – И это очень удобно, потому что жертвовать тем, что ты знаешь, – это безнравственно, но жертвовать концептом, так сказать, конструктом – это совершенно нормально. Вы же не рыдаете всякий раз, когда слышите, что где-то во вселенной идёт война, верно? До слёз вас доводит лишь война, имеющая к вам отношение... Поэтому предлагаю о Земле в принципе не говорить.

– Но как можно не говорить о ней, если даже у нас в университете есть двое землян?! – вскрикнул ошарашенный мастер Говерик.

Его крик взметнулся под своды зала и пару секунд болтался там эхом, одинокий и неприкаянный.

Все, нахохлившись, замолчали. Кажется, волнения Говерика совсем не понравились политикам. Сквозь стрельчатые окна лились задорные солнечные лучи, и в их нежно-медовом свете переливались поджатые губы и мрачные взгляды. Шелка и бархат. Слабоумие и жадность.

– Вообще-то, – наконец проскрипел кто-то, – земляне – это очень плохо. Они могут устроить бунт. Лучше отправить их домой. Или в тюрьму.

Я аж поперхнулась и разлила кофе по блюдецке, когда стрелки вот так легко и ненавязчиво перевелись на нас с Борисом Отченашем.

И, кстати, где он?.. Часы на стене кофейни показывали полдень, и контрастные короткие тени были с ними согласны. Конференция шла уже давно, а финансист так до сих пор и не явился. Странно.

Меж тем в зеркале крупно показали Аманду ДеБасковиц. Девушка была одета в закрытое белое платье, а на груди у неё висели четыре значка: гербы государств Гало и... символ Тварей. Эдакая серая клякса с белыми зубками. Якобы она дипломат, ага.

Двуличная задница, как по мне.

– Я согласна, – грустно сказала ДеБасковиц. – Земляне действительно могут стать проблемой. И не только они... Дело в том, что вчера я обсудила наш договор с известным вам Артуром Ван Хофф Эдинбругом. И, боюсь, его реакция оказалась неадекватной.

– А поподробнее? – нахмурился ректор.

– Господин Эдинбруг крайне недоволен тем, что теперь я становлюсь спасительницей Гало, – скромно сказала Аманда. – Якобы наш договор умаляет его роль, его, так сказать, годами пестуемое *величие*... Как вы видите, он даже бойкотировал конференцию.

Зеркальная камера показала пустое кресло. За кафедрой тотчас обвинительно зароптали...

Аманда продолжила:

– Но бойкот – это не страшно. Куда хуже были бы агрессивные действия, направленные против нашего соглашения: например, принудительный разрыв ткани бытия раньше срока в попытках смешать нам карты.

– Что за ужас вы говорите, Аманда! – заблеяли политики.

– Это не ужас, а вполне рабочая тактика, – покачала головой девушка. – Господин Борис Отченаш рассказывал мне, что такая техника «предупредительного удара» очень популярна на их планете. И кстати... – она нахмурилась. – Господин Отченаш утром прислал мне странное письмо, где сказано, что «я пожалею». Видимо, Артур или его землянка-фамильярша успели рассказать Борису о договоре, а ведь Отченаш славится взрывным характером... О нет! – Взгляд Аманды вдруг обратился куда-то мимо камер и наполнился паникой. – А почему в этом зале отсутствует дракон Ойгонхарт?!

...Артур с грохотом вскочил со стула. Тот рухнул на пол и задребезжал металлическими витыми ножками.

– Чёрт! – ахнул он. – Вилка, мы идиоты!

И рванул к выходу из кафешки.

* * *

Минуту спустя мы сломя головы мчались в главное здание Форвана, на ходу перепрыгивая через многочисленные клумбы и павлинов, гуляющих между ними. Мы были единственными движущимися фигурками в деревне – все остальные замерли перед своими серебряными экранами.

Когда мы ввалились в пустынный прохладный холл, Артур ощупал карманы блейзера и застонал:

– У меня нет визитки-маршрута к Ойгонхарту! Забыл в комнате!

– Зато у меня есть! – отозвалась я.

Артур покосился на меня удивлённо, но не стал комментировать. Я же только порадовалась: в конечном счёте вышло, что дракон клеился ко мне не зря.

Сжимая зачарованное приглашение в руках, мы рванули к спальне мастера – визитка работала как игра в «горячо-холодно»: сияла ярче, если мы бежали в нужном направлении, и, напротив, тускнела, если мы сворачивали не туда.

Сегодня волшебная дверь Ойгонхарта оказалась в коридорном тупике. Мы заколотили изо всех сил. С той стороны никто не отвечал.

А потом послышалась какая-то возня и тихий мужской вскрик...

– Отойди! – приказал Артур, снимая блейзер и подворачивая рукава рубашки. Он выкрикнул заклятье, и дверь тотчас вышибло, будто ударом ноги.

Комната выглядела так, словно в ней располагался филиал старинного джентльменского клуба: сигарный дым, низкие кресла, на столе карты, закуски, три бокала и тяжелый графин с виски. Точнее, с зелёной дрянью.

Сами джентльмены тоже были тут как тут.

Один из них – дракон – лежал на ковре в неестественной позе. На бледных губах выступили изумрудные пузыри, возле выпростанной руки валялся ещё один недопитый, опрокинутый бокал.

Я поперхнулась и наткнулась на очумевший взгляд второго участника сцены. Это был Борис Отченаш собственной персоной. Обалдевший и опухший, он сидел на Ойгонхарте верхом и давил ему на грудь двумя руками.

– Гайс! – Борис выглядел растерянным. – Я понятия не имею, что я здесь делаю – очнулся только что – но *помогите!* Этот рыжий придурок вот-вот откинется!!!

Артур с размаху плюхнулся на ковёр рядом с драконом. Руки студента засветились мягким синим светом, он прижал их к шее Ойгонхарта и чуть погодя резюмировал:

– Нет. В нём ещё много энергии. Сию секунду он не умрёт.

– А сию минуту? – опешил Бор. – А сей час?!

– Я уверен, что по сценарию он *вообще* не умрёт! – процедил очень злой Артур.

– По какому сценарию?! – вскинулся Борис и тотчас болезненно схватился за голову: – Чёрт, у меня такое ощущение, будто моей башкой ступеньки пересчитали!..

– Вероятно, так всё и было: ведь Аманда как-то тебя сюда притащила. А что касается сценария... Бор, она узнала о нашем плане и хочет тебя подставить. Если тебя бросят в темницу за попытку убийства, ты не сможешь помешать ей.

– Почему меня?! А вы её не смущаете, что ли?! – не на шутку возмутился землянин.

Я ещё раз скользнула взглядом по бокалам и креслам. Тех и других было по четыре штуки. Не две. Четыре. *Нас тоже четверо.*

– Да нет, боюсь, у нас с Артуром в этом спектакле ровно такие же роли... – вздрогнула я.

Эдинброд проследил за направлением моего взгляда и выругался. Потом вскочил на ноги и теперь уже за шкуру стаскивал офигевающего финансиста с дракона.

– Подъём! Надо бежать!

– Чтоб тебя! – шипел тот, морщась. – Беру свои слова обратно: не только головой... Мной целиком считали чёровы ступеньки!

– Аннищщщ... – вдруг душераздирающе простонал дракон, заставив нас подпрыгнуть от неожиданности.

Ойгонхарта скрутило страшной судорогой. Выгнуло, как жертву экзорцизма. Я отпрянула, у Бориса дернулся кадык, Артур прикусил губу. Дракон корчился на полу, вены взбухали чёрным цветом. По его щекам из-под закрытых глаз полились слезы.

Боль Ойгонхарта, казалось, поменяла сам воздух в комнате, распространилась, как морозное поветрие. Я чувствовала всего лишь тысячную часть этой боли, и от этого меня трясло, мне хотелось умереть, хотелось вывернуть себя наизнанку – прекратить это любой ценой...

– Артур, ты можешь ему помочь? – выдавила я. – Это же... невозможно...

– Я попробую, – взгляд студента был тяжёлым. Его глаза покраснели. Боль древнего существа отдавалась во всех нас, заставляла сами стены Форвана тихонько подрагивать.

– Вилка, но ты уходишь отсюда сейчас, – Артур, закатав рукава, уже шагнул к дракону.

– Я никуда не уйду без тебя!

– Бор, уведи её.

– Легко.

Финансист сгрёб меня в охапку и потащил прочь из спальни. Как я ни вырывалась, всё было бесполезно.

Артур меж тем начал колдовать над драконом. Студент сплёл магическую сеть, укутавшую Ойгонхарта, как покрывало, и тотчас ставшую невидимой. Артур напряжённо и на ощупь двигал её нити...

Но не успели мы с Борисом шагнуть в коридор, как в дальнем конце, за углом, послышался топот и встревоженные голоса по меньшей мере двух десятков людей. Они стремительно приближались. И вместе с ними нарастало магическое напряжение – видимо, у бегущих было очень много зеркальных камер наперевес.

– Чёрт! – гаркнул Бор, бросаясь обратно в комнату. – Мы не успели!

Артур бросил своё лечебное заклинание и повернулся к нам:

– Ладно. Я скрою вас маскировочными чарами, – решил он, складывая руки в маг-позицию.

– А давай лучше я устрою тут пару взрывов?! – вдруг воодушевился Отченаш, отпуская меня и тоже хитро сплетая пальцы.

– А с презумпцией невинности в Гало совсем плохо, да? – обречённо пробормотала я.

Артур и Борис лишь одновременно кивнули в ответ. И ничего не успели сделать. В разломанный дверной проём – озябший, ощерившийся деревяшками – ворвалась толпа людей.

49. Бытие на куски

– Я знала! – тотчас обвиняющим тоном воскликнула Аманда ДеБасковиц, бежавшая, конечно же, в авангарде.

К ней будто приклеилось несколько королевских чародеев-стражников, знаменитых тем, что соблюдают пожизненный обет молчания (чтобы слушаться приказов *беспрекословно*). Дальше пестрело и волновалось неразборчивое месиво из журналистов и зеркальных камер.

– *Они отравили его, предатели!* – пронзительно взывала ДеБасковиц, заламывая руки.

– Предатели! – возбуждённой волной отозвались все.

– О нет, они собираются колдовать!

– Арестуйте их немедленно!

И стражники бросились на нас. Нам скрутили руки тюремными заклипаниями и залепили рты какой-то странной дрянью – своеобразным магическим скотчем, взявшимся из ниоткуда. Если бы не он, моя челюсть не просто отвисла бы, а провалилась на добрых пять этажей.

Серьёзно?! Вот так это происходит?!

Аманда шагнула вперёд и с размаху залепила Борису пощёчину.

– Признавайся! – патетически провыла она. – Какой яд вы использовали?!

И отлепила скотч.

– Ты охренела, Аманда?! – сразу же заорал финансист. – Это ведь... – новая пощёчина не дала ему закончить.

– Хторисцин, да?! – визжала Басковиц как чокнутая банши. – Ты рассказывал, что на Земле его любят!

– Чегоооо?! Какой хторисцин?! Когда это я рассказывал?! – взревел Бор.

– Ага! Точно хторисцин! – вывела Аманда и приклеила скотч обратно. – А ведь он проникает сквозь кожу... Вы могли испугаться запачкать руки... Вам нужно было противоядие с собой...

Бормоча это – вроде как взволнованно, но почему-то очень чётко и старательно разворачиваясь к камерам выгодной стороной – девушка похлопала по карманам Бориса. И мгновение спустя с торжествующим криком выхватила какую-то склянку.

Толпа восхищённо ахнула.

Я мысленно сделала фейспалм. *Да уж, она и впрямь неплохо подготовилась к спектаклю.*

– Я спасу дракона! – торжественно объявила Аманда.

И бросилась к Ойгонхарту, который продолжал страшно дёргаться на ковре... Журналисты жадно подались вперёд, окружая дракона и девушку. Какой-то извращённый урок анатомии доктора Тульпа под авторством Рембрандта, не иначе.

Когда Аманда отколупнула крышку противоядия, Артур рядом со мной вдруг подпрыгнул и стал яростно биться в руках чародеев.

– М-м-м-м! – мычал он. – *М-м-м-м!*

Стражник в ответ лишь больно ткнул Эдинброга под рёбра.

– *М-м-м-м!!!* – продолжал бесноваться Артур.

Я покосилась на него. Глаза студента сверкали... но даже не гневом, а паникой. Взгляд был направлен на бутылочку в руках Аманды.

Девушка уже склонилась над драконом и собиралась влить в него противоядие. Одной рукой она страстно стиснула рубашку Ойгонхарта, пытаясь зафиксировать его судороги (врачи бы сказали, что таким образом это делать совершенно бесполезно, но Аманду ракурс интересовал гораздо больше практической пользы).

И вдруг я увидела, что под пальцами девицы чуть серебрится одна из прозрачных ниточек Артурова брошенного заклинания...

Точно.

Он ведь не закончил плетение.

Меня тотчас будто ледяной водой окатили. В перепуганном мозгу возникли картинки из всех учебников по зельеварению, которые я прочитала, готовясь к экзамену. И хотя я думала, что, как в университете, сдала и забыла, кое-что, по ходу, всё-таки сохранилось в памяти...

И теперь выскочило на свет, как чёртик из табакерки.

«Хторисцин – мощный яд, вызывающий такие-то и такие эффекты... бла-бла... смертельный... Антицин – противоядие, нейтрализует хторисцин в течение получаса... бла-бла... Важно: *несовместим* с другими противоядиями и любыми лечебными заклинаниями... Вызывает у пациента приступы неконтролируемой ярости, бешенство и полную дезориентацию».

Я сглотнула.

Дезориентированный и разъярённый дракон посреди кампуса – это плохо. А учитывая, что вокруг столько зеркального телевидения... *А внезапное падение зеркальной сети прорвёт ткань бытия...*

Меня прошибло холодным потом.

– *М-м-м-м-м!!!* – тотчас присоединилась я к воплям Артура.

И, конечно же:

– М-м-м-м-м! – с готовностью и басом поддержал нас Борис. Просто так, видимо, за компанию.

Аманда, вся такая довольная и светящаяся в лучах славы и солнечных зайцах зеркал, на мгновение застыла и скривилась:

– Да уведите их уже!

Мы извивались в руках стражей, как обдолбанные стриптизёрши, и невнятно вопили на все лады. Я ногами цеплялась за дверной косяк, Борис намеренно обмяк в руках охранника (тот чуть не рухнул под его весом), но ничего не помогало.

Нас проигнорировали.

Успешно вытащили из комнаты и поволокли в темницу.

* * *

Мы шагали под конвоем в угрюмом молчании.

Никогда в жизни ещё я не чувствовала себя настолько бессмысленной. Знать, что вот-вот произойдёт нечто ужасное и не иметь ни малейшей возможности помешать этому. Мне хотелось выть и кусаться, но с кляпом во рту я даже этого не могла.

Тем временем наш путь пролегал через Зеркальный зал.

Предназначенный для уроков танцев и этикета, он также служил удобным переходом между разными корпусами. Неожиданно пышный и заполненный золотым убранством, форванский зал напоминал мне своего версальского тёзку с Земли. Ту знаменитую галерею во французском дворцовом комплексе, где был подписан мирный договор, положивший конец Второй мировой войне.

Однако магический зал был куда мрачнее.

Здесь не было окон: свет проникал в помещение сквозь узкие щели под потолком, а сами зеркала располагались по обе стороны галереи, заполняя её целиком. Высокие, мощные, настоящие атланты, подпирающие потолок, в обычные дни они бесконечно отражали друга друга, танцы, студенческие тренировки...

Но сегодня весь зал стал огромным телеэкраном.

Наши стражники переглянулись и, придя к молчаливому соглашению о некоторой степени допустимой халатности, притормозили. Им было интересно посмотреть, что происходит в спальне.

– М-м-м-м-м! – вновь попробовал привлечь их внимание Артур и вновь получил оплеуху.

Покои дракона показывали аж в тридцати версиях. Каждое огромное зеркало было как отдельный повторяющийся монитор – в лучших традициях поп-арта вообще и работ Энди Уорхола в частности.

Прошло минут пятнадцать с момента нашего плетения, и Ойгонхарт уже не бился в конвульсиях.

Дракон лежал смирно, его кожа постепенно обретала обычный цвет, люди вокруг него расслабились, думая, что все кончилось... Аманда сидела подле ног Ойгонхарта с лицом святоши и что-то втирала журналистам. Те на все лады комментировали обстановку: сходились в том, что им очень повезло «остановить злоумышленников», потому что договор договором, а внезапно прорванная ткань бытия внесёт страшную сумятицу в мир Гало. Ведь измерение Тварей тоже должно как следует подготовить своих жителей, на пальцах объяснив им, кого теперь можно, а кого нельзя жрать...

И вдруг Ойгонхарт на экране распахнул глаза.

– Вы очнулись, мастер! – с интонациями дешёвой провинциальной актрисы заумилась Аманда. – Ах, из-за яда вы не вспомните последние дни, но знайте – теперь всё хорошо... – «...шо» она произнести уже не успела.

Потому что зрачки дракона вспыхнули нестерпимо-алым, он резко сел и, по-звериному зарывчав, жёстко схватил Аманду рукой за горло. Девушка захлебнулась. Журналисты испуганно умолкли и дружно качнулись назад.

Тихо рокоча, Ойгонхарт поднялся на ноги, не выпуская горло Аманды. На лице мастера-дракона отчётливо запечатлелось безумие. Сквозь снова побледневшую кожу проступила чешуя, зубы начали заостряться, рост – увеличиваться, на спине набухли бугры – будущие крылья...

– Мастер... – хрипела ДеБасковиц, суча в воздухе ногами.

– Р-р-р-р-р-р. Я-р-р-р-рост-т-т-т-ть.

В покоех вдруг резко стало темнеть. Заискрились лампы на стенах, даже сквозь зеркало стал отчётливо слышен тихий звон – знак высокого маг-напряжения. Журналисты замерли, ошарашенные, не понимая, что делать. Аманда поскуливала, серея и краснея в хватке обезумевшего дракона.

– И вот у нас снова сенсация!!! – вдруг придурочным и азартным голосом завопил какой-то очнувшийся корреспондент. Он сунул лицо прямо в кадр, искажённое и некрасивое – так бывает, если по ошибке открыть фронтальную камеру в телефоне.

– Дракон не оценил своего спасения! – вдохновенно завыл журналиста.

И это было его последней новостью.

Во всяком случае, на сегодняшний день.

Потому что Ойгонхарт, павший жертвой лекарственной несовместимости, окончательно рассвирепел из-за такой инфосводки. Никогда папарацци ещё не подвергались подобному отпору.

Отшвырнув Аманду, как куклу, куда-то в сторону, Ойгонхарт с утробным воем крутанулся на пятках. Смена ипостаси, до того постепенная, резко завершилась в одно мгновение.

А ведь дракон размером с четверть неба.

Поверхность зеркал вокруг нас вспыхнула ярко-оранжевым светом. Заревом – будто в них отразились полыхающие костры. По ту сторону раздались крики, визг, треск, тяжёлый звериный рык и грохот... Всё это множилось бесконечно, заставив нас и наших охранников инстинктивно втянуть головы в плечи.

Мне было страшно представить, что происходит *там*, если даже *здесь* оно отражается истинным адом.

А еще пару мгновений спустя зеркала стали лопаться. Одно за другим. Все тридцать штук – в нашем зале.

И сотни и тысячи – в мире Гало...

Зеркальная сеть упала, не выдержав маг-перегрузки.

– Дьявол!.. – неверяще выдохнул мой стражник, нарушив тем самым свой вечный обет молчания.

И его можно было понять.

Потому что даже если забыть про медленно разгорающиеся снаружи костры апокалипсиса, то здесь, внутри, мы вшестером оказались в эпицентре хрустального взрыва. Осколки как пули полетели со всех сторон прямо в нас.

Я заорала даже сквозь кляп. А потом сморщилась, зажмурилась, согнулась пополам, пытаясь защитить лицо, и, кажется, даже взмолилась кому-то – неумело, но искренне.

Артур напрыгнул на меня быстрее молнии, и мы вместе тяжело упали на холодный мраморный пол.

Последнее, что я слышала, прежде чем потерять сознание, – это захлёбывающиеся крики наших охранников, омерзительный хруст стекла и далёкий, пугающе-низкий рокот – то ли Форван рушился под мощными крыльями Ойгонхарта, то ли небо падало на землю и рвалось, рвалось на куски вместе со всем бытием...

Так началось вторжение Тварей.

50. Право фамильяра

Сквозь тяжёлую, муторную дрёму я чувствовала прикосновения Артура. Сухие губы и острый нос, ткнувшийся мне в шею. Рука, обхватившая поперёк груди.

Надо же, как странно мы спим – он что, лежит прямо на мне? Тяжёлый, зараза! И какой-то неподвижный. А я... Я чуть шевельнулась и с неудовольствием обнаружила, что подо мной не кровать, а камень. И... осколки. Море зеркальных осколков.

Меня прошибло молнией воспоминаний. Я охнула, отстранённо поняв, что магического кляпа больше нет, а мои руки свободны.

– Артур! – захрипела я. – Артур!

Он не отвечал. Я с ужасом осознала, насколько ледяные у него пальцы. Увидела кровь на полу под нами. Меня колотило, когда я, не добившись от Артура ответа, выбралась из его жутко застывших объятий и, борясь с головокружением и тошнотой, огляделась.

Всё вокруг выглядело безнадежно. Непоправимо. Необратимо.

Наши охранники были мертвы, все трое. Осколки не оставили им ни малейшего шанса. Видимо, поэтому и рассыпались заклинания.

Борис Отченаш свернулся эмбрионом неподалёку, и вокруг него почему-то отсутствовали зеркала – маленькая зона отчуждения. У меня не было времени задуматься об этом странном эффекте – я пыталась заставить себя посмотреть на Эдинброга. Мне было страшно, меня трясло. Собравшись с духом, я всё-таки перевела глаза на него.

Артур лежал на боку, как изломанная кукла. Его белая рубашка алела от крови и была разорвана чуть ли не в клочья нестерпимым количеством осколков, вонзившихся в тело Эдинброга. Растрепавшиеся волосы скрывали верхнюю часть лица, и я видела только его болезненно искривлённые неподвижные губы. Из уголка рта на пол вытекала красная струйка. Пальцы выпростанной вперёд руки, которая только что так крепко прижимала меня к себе, теперь безропотно и безжизненно указывали на распахнутые двери зала, за которыми клубилась могильная тьма.

Господи...

Он накрыл меня собой, чтобы спасти от взрыва.

Он пожертвовал собой ради меня.

Я, захлёбываясь, зарыдала. Вокруг было слишком много крови.

– Артур... – как в бреду, бормотала я, тормоша его, пальцами выдёргивая из ран мелкие кривые осколки.

Можно ли трогать большие? Или я сделаю хуже? Или это уже... неважно?

– Артур! Очнись! Пожалуйста, что угодно, только очнись!

Он не отвечал. Лицо было бледным и заострившимся. Пульс отсутствовал. Я поднесла один из зеркальных осколков к его рту, проверяя дыхание. Он не запотел.

– Артур!

Такого не может быть.

Такого просто. Не должно. Случиться.

Ни здесь. Ни на Земле. Нигде и никогда.

За узкими потолочными окнами Зеркального зала сгущалась такая же колдовская темнота, как и в коридорах, хотя до заката оставалось ещё довольно много времени. Я видела странные вспышки в небе и всем телом ощущала низкий вибрирующий звук. Бесконечно выли сирены. Издалека раздавались крики и рёв дракона.

Мир Гало рушился. Долбанный карточный домик. И единственный, кто мог спасти его, уже не дышал.

– *Артур!* Пожалуйста! Пожалуйста, останься!

Когда я услышала тихий стон, моё сердце от радости замерло. Но тотчас с болью забилось вновь: я поняла, что это был голос Отченаша. Борис пошевелился, потом тяжело вздохнул и, не в силах подняться на ноги, пополз ко мне по осколкам.

– Фак, Вилка, только не говори, что чудо-парень умер, – сипло пробормотал он, приближаясь.

Я молча подняла на него заплаканные глаза.

– Почему *ты* не ранен, Бор?!

– Моего охранника убило сразу. Руки освободились, и я успел жахнуть взрывом. Это отбросило от меня летящие осколки...

Я почувствовала горькое разочарование.

Я надеялась, что Бор скажет, что на самом деле его ранило, но он знает исцеляющие заклинания и применил их. И что вообще он великий лекарь под прикрытием, или добрый бог, заблудившийся среди людей, или любой другой сюжетный рояль, мажорно выехавший из-за кустов, что сейчас было бы очень кстати.

Но Борис не оправдал эти надежды. Зато мне внезапно почудилось слабое биение пульса у Эдинброга. Затаив дыхание, я крепче сжала его запястье, пытаюсь понять: правда или нет?

Борис тем временем поднял какой-то мелкий предмет, валявшийся рядом с нагрудным карманом пиджака Эдинброга.

– А это что такое? – нахмурился Отченаш.

На его ладони лежал маленький лиловый кристалл, при виде которого я на мгновение прикрыла глаза, вознося безадресную благодарность. *Спасибо за данный мне шанс.* Ведь это был один из той пары кристаллов, что нам дал дракон, с помощью которых я могу вернуть нашу связь.

Теперь всё будет хорошо. Я знаю, как всё исправить. Артур будет жить.

Непослушными озябшими руками я выхватила из кармана второй кристалл, свой. Взяла оба и под удивлённым взглядом Отченаша разломил их.

Как и обещал Ойгонхарт, на сей раз не было никаких спецэффектов. Я просто вдруг судорожно вдохнула воздух, который продрал мои лёгкие изнутри, будто тысяча морозных иголок, а потом почувствовала, как в меня вливается сила.

– Вилка! Ты что натворила?! Вот теперь он натуральный мертвец!! – истошно заорал Отченаш.

– Жди и смотри! – резко приказала я.

Всё было правильно: ведь в первое мгновение колдун *отдаёт* фамильяру силу. Зато потом...

Мне вспомнились слова Артура, сказанные перед нашей первой тренировкой в лесу. *«Когда рана в бою смертельна, и смерть жадно дышит тебе в затылок, колдун сможет отдать последний приказ своему фамильяру. Он звучит очень просто: «Умри за меня». И фамильяр умрёт, отдав не только вложенную при обряде силу и все набежавшие проценты, но и – самое главное – всего себя заодно... Так маги нашего мира обретают вторую жизнь».*

И да, конечно, Артур не сможет сейчас отдать мне такой приказ.

Но у меня была фора перед классическим фамильяром. *Я умею говорить.* И я могу сказать это сама. Принять это решение – за нас двоих.

Подобный прецедент в мире Гало уже случался: с той самой парой, где фамильяром был эльф – я читала об этом в ночь после ангелов. И теперь не сомневалась в том, что всё получится.

– Бор, – попросила я, глядя в глаза землянина, – поклянись мне, что поможешь ему.

– Не понял? – Отченаш нахмурился.

– Поможешь ему выбраться отсюда. Что бы там ни происходило снаружи... – Снова грохот и алая молния. – ...Вы найдёте способ покинуть мир Гало. Как можно скорее. Плевать на Тварей. Плевать на Форван. Артур должен жить, ясно?

– А почему ты сама... – непонимающе начал Бор, но в этот момент я положила руки колдуну на глаза, поцеловала его в лоб и звонко сказала:

– Я умру за тебя, Артур Ван Хофф Эдинброг Третий. *Dexeo.*

На секунду стало тихо-тихо.

А потом в груди у меня как будто пробили дыру. Удивительная пустота угнездилась между лопатками, ледяным языком слизнула сердце и, прорвавшись через грудину, ухнула к Эдинброгу в объятия. Артур и я – мы будто окаменели, и вокруг нас двоих заплясали серовато-чёрные, похожие на пепел, хлопья колдовства. Я почувствовала, что теперь меня как магнитом тянет к нему – мои ладони приклеились к Артуру, и при всем желании я не смогла бы их оторвать.

Так и будет длиться, наверное, пока я не исчезну.

– Ты чего, блин!!! – заорал Борис, увидев, как мои руки стремительно выцветают: из персикового в пыльно-серый. Под истончившейся кожей стал проступать скелет, а платье начало превращаться в саван, рассыпающийся пеплом, что уносил невидимый ледяной ветер.

Отченаш схватил меня за плечи и резко дёрнул назад, пытаясь отцепить от заклятья и Эдинброга.

– Отвали, Бор! – просипела я. Голос был какой-то чужой и доносился будто издалека.

– Ещё чего! А ну отмени свой чёртов приказ! Умирать она вздумала!

– Ни за что!

– Даже если Артур выживет, он тебя не простит! И что хуже – меня не простит!

– Перебьёшься!

– Сдохнуть – это слабость! Так нормальные люди не поступают! Ты же не хочешь стать кидалой, а, Виолетта?!

Я хотела объяснить, что я так и так вскоре умру, если погибнет Артур – такова специфика бытия фамильяром, – но в этот момент Борис дёрнул меня совсем яростно. Будто репку рванул, со всем отчаянием изголодавшейся саблезубой мыши.

Чёрный пепел заклятья как-то обиженно взвился в воздух, что-то хищное покинуло меня, а мои ладони, вернувшиеся к прежнему виду, оторвались от лица Эдинброга. Я врезалась в Бора, как распрямившаяся пружина. Мы вместе опрокинулись на холодный пол.

– Ты!! Гад! Ублюдок! – орала я на Бориса, осознав, что последний приказ не сработал – ко мне возвращаются силы.

– Хватит меня колотить! Встань для начала в очередь! – кричал Бор, пытаясь поймать меня за руки.

– Мне придётся убить тебя, идиот, чтобы ты не помешал мне попробовать снова!

– Если он умирал, то он уже умер, Вилка! Смирись с этим! – рявкнул Бор, хорошенько встряхнув меня за плечи.

Я замерла. Землянин смотрел на меня, тяжело дыша. Я не могла моргнуть. Я не могла поверить.

Слёзы лились не переставая.

Смирись с этим.

Звонящая тишина повисла в разбитом Зеркальном зале.

– Кхм-кхм, Бор, а давай ты не будешь выдавать желаемое за действительное? – вдруг слабо пробормотали у меня за спиной.

51. Путь в столицу

Я вздрогнула всем телом, услышав этот голос.

Потом в глазах Отченаша, над которым я всё ещё нависала, как разъярённая тигрица, отразилась моя болезненная, какая-то кривая – от избытка чувств – улыбка. Я медленно обернулась.

– Сколько меня не было? – вскинул брови Эдинброд. – Две минуты? А вы уже в таком неприличном положении. Ну и как тут позволить себе умереть, а?

– Ты жив!!! – взвизгнула я и метнулась к нему.

Выглядел Артур ужасно – что есть, то есть: бледный, в крови, без сил.

Хотя мы все тут были похожи не столько на супергероев, сколько на хатифнаттов из книг Туве Янссон. Но ничего. Думаю, апокалипсис – уважительная причина для того, чтобы забыть припудрить носик.

Артур, морщась, нашёптывал заклинания и слабо шевелил пальцами, и сообразно этому осколки выныривали из его ран, и самые большие из них неохотно, но стягивались.

– Так мой приказ сработал? – когда с первичным лечением было закончено, на всякий случай уточнила я. И неуверенно коснулась своей груди – вдруг сердце сейчас перестанет биться?

Не то чтобы я передумала спасти Артура, но хотелось немного ясности.

– Он аннулировался, когда Бор оттащил тебя. Но мне всё равно хватило импульса, который ты успела задать, – Артур заправил мне прядку за ухо. – Так что приказ сработал ровно на столько, чтобы получился хорошенький... как у вас говорят? Хеппи-энд? Однако не вздумай делать так ещё раз, Вилка, – он посерьёзней.

– Но ведь отлично получилось! – Я развела руками.

– Ай да я! – удовлетворённо сказал Бор.

Казалось, весь Зеркальный зал осветился нашей радостью от внезапного спасения.

Но, к сожалению, это была иллюзия. За узкими потолочными окнами продолжала стучаться тьма. Мелькали какие-то вспышки, слышались крики, тяжёлый гул, вой сирен: жуткий саундтрек, к которому я уже успела – страшное дело – привыкнуть.

Меня замутило, когда я вновь сфокусировала взгляд на телах трёх мёртвых охранников.

– Да, кажется, с хеппи-эндом я поторопился... – сконфуженно пробормотал Эдинброд, посмотрев туда же. – Надо узнать, что происходит снаружи.

Он попробовал подняться, но оказался слишком слаб. Борис пренебрежительно фыркнул, но помог бывшему другу встать и даже закинул руку Артура себе на плечо.

– Пойдём, бедолага, – потом землянин повернулся ко мне и сделал приглашающий жест. – И ты двигай сюда, немочь. Хвала всем богам, что у меня есть целых два великолепных плеча.

Очень странной шатающейся троицей мы вышли из зала и добрались до ближайшего окна. Открывавшийся из него вид был, мягко говоря, неутешительным.

По всему небу до самого горизонта висели какие-то странные багровые яйца. Очень аккуратно висели, почти что в шахматном порядке, вызывая ассоциации с «Голкондой» Магритта.

Все эти яйца слабо пульсировали. По ним медленно разбегались белые трещины – пронзительно сияющие на фоне почерневшего неба.

– Что это?.. – прошептала я. – И почему их так много?..

– Порталы в измерение Тварей, – прикусил губу Артур. – И боюсь, мы видим лишь малую часть. Такие сейчас появились *по всему миру*.

– И что теперь? – это уже спросил Борис.

– И теперь они открываются, – вздохнул Эдинброг.

И, как будто в подтверждение его слов, прямо у нас на глазах одно из этих яиц треснуло окончательно. Короткая белая вспышка – и на его месте зияет тёмно-красная дыра, а из неё выползает нечто, напоминающее осьминога.

Вернее, осьминога, которого обмакнули в чернила, потом обвалили в паутине и поставили под вентилятор, чтобы всё это красочно вокруг него развевалось. И не забудьте огромные красные глаза и пасть, которой может позавидовать акула-убийца.

Так вот вы какие, Твари.

Что ж, очень неприятно познакомиться.

Я сморгнула набежавшие слёзы. Потому что помимо яиц, которые первыми привлекли моё внимание, на улице ещё многое происходило. И оно отдавалось в душе болью.

А именно: некоторые из белоснежных башен университета осыпались... Вокруг них кружил Ойгонхарт в своём драконьем обличье. Иногда он выпускал струи пламени или кидался на фигурки людей, хаотично бегающих по кампусу. Люди тщетно отбивались заклинаниями, вызывая у ящера ещё больше ярости. Другие колдуны пытались как-то замедлить созревание прото-порталов. Третьи боролись с теми Тварями, которые уже проникли в мир Гало. Чародеям помогали Безликие – экзаменаторы покинули свои бассейны и теперь плавали прямо по воздуху, как странные белёсые медузы, вступая с Тварями в рукопашные бои...

Мой любимый, дорогой мой Сироппинг полыхал. Вместе с ним пылали сосновый лес с русалочьим озером. Поднимающийся дым стоял столбом в середине неба, и я не сразу вспомнила, что весь университет сейчас находится ещё и под куполом, боже милостивый...

Который запрещает телепортацию.

– Чёрт. Нам надо срочно попасть в Антрацитовую библиотеку, – скрипнул зубами Артур. – Вилка, у тебя ведь осталось желание, которое тебе подарили Безликие?

– Да, – я продемонстрировала рисунок цветка на ладони.

– Отлично. Время его потратить.

– Но... Они сказали, что я могу попросить максимум академическую поблажку? – замешкалась я.

– Именно поблажка нам и потребуется, – кивнул Эдинброг. – А именно: ты ведь помнишь наших нойдичей? По идее, студенты имеют право летать на них только в горы, иначе лазоревые всадники просто не слушаются. Но твоё желание станет нашим скоростным билетом в столицу.

На ходу договорившись о том, с какой «вертолётной площадки» стартовать, мы разделились. Артур и я умеренно-активно поковыляли сразу на место встречи, а вот маршрут живчика Бориса удлинился – он побежал в нашу спальню.

Там нужно было взять оставшиеся кристаллы-цэйры: ведь они помогали побороть магическое истощение. На варку Тонусного зелья у нас не будет времени, но из курса зельеварения (до чего всё же полезная штука оказалась!) я помнила, что в боевых условиях их можно просто растолочь и прожевать. По ощущениям будет схоже с попыткой поесть стекловаты, но что поделаешь. В нынешнем состоянии Артур никого не спасёт, а песок в Часах Судного Дня, кажется, уже просыпался вниз до конца.

А ещё, конечно, я попросила Бора прихватить с собой моего кота.

* * *

К моему ужасу, Борис задерживался, хотя я была уверена, что уж ему-то, в силу характера, семь вёрст не крюк.

Мы с Артуром уже стояли на улице возле нойдича – синий дракончик и впрямь послушно прилетел и нормально отнёсся к идее полёта в столицу. Думаю, учитывая царящий вокруг кошмар, нойдичу и самому хотелось поскорее отсюда смыться.

– Ждём ещё минуту и улетаем вдвоём, – решил Артур.

– Блин, – сказала я. – Блин-блин-блин. Неужели правило «не разделяйтесь» из голливудских ужастиков работает неизменно?!

– М-м-м?

– Расскажу, когда выживем.

– Мне нравится твой оптимизм.

– Мне тоже. Он, правда, искусственный.

Бббах! На небе лопнуло ещё одно яйцо... Дракон разрушил ещё одну башню... Моё сердце болезненно сжалось, но...

Из бокового входа главного здания выбежал Борис. С Уорхолом, с кристаллами и... с отпечатками красной помады во всё лицо.

– Ты совсем идиот? – холодно спросил его Артур, логичным образом интерпретировав это безобразие.

– А что? – ни капельки не смутился Борис. – Вам привет от Мэгги. Точнее, «пока». Просит найти способ послать весточку из другого мира, раз мы туда уходим. И говорит, что верит в тебя, Эдинбруг. Мол, ты точно справишься. Передаёт поцелуй.

– Вижу, – с неопределяемой интонацией вздохнул колдун.

* * *

Мы забрались на спину нойдичу, и он, пару раз тяжело хлопнув крыльями (почти две сотни килограммов сверху плюхнулось, шутка ли!), вскоре взмыл над Форваном.

Я была нашим пилотом. Правильный выбор, думаю.

Ведь я хоть что-то знала о полётах, тогда как Артуру всё ещё было плохо, а Бор, как выяснилось, до ужаса боялся высоты. Про Уорхола молчу: в общем-то, кот и землянин хором орали благим матом и, кажется, проклинали меня всеми доступными способами.

Ведь я вела нойдича прямо на купол. Тараном.

Артур уверенно сказал, что мы сможем пробить его и при этом даже не повредим наш транспорт. («А себя?! Себя мы тоже не повредим?! Хотя ладно, чёрт с ним! Скажи лучше – мы при этом хотя бы с дракона не свалимся?») – стонал Бор у меня за спиной. Я сочла за лучшее счесть его вопросы риторическими.)

– Давай, малыш! – увещевала я нойдича, похлопывая его по шее. – Не бойся!

– Курлык! – отвечал дракончик.

И мы уже почти влетели в молочно-прозрачное стекло, когда нам наперерез бросилось нечто алое, огнеупорно-бронезиловое, непробиваемое и полыхающее огнём.

Мастер Ойгонхарт, давно не виделись...

Огромный ополоумевший дракон взревел, разевая пасть. Он рванулся к нам, как подожжённая с хвоста петарда. Нойдич пискнул. Я малодушно взвизгнула, но... внезапно Ойгонхарту в подмышку впиалась ледяная сапфировая стрела. Он поперхнулся пламенем и на мгновение притормозил, отсрочив наше бесславное уничтожение.

Трыньк!

Вторая стрела.

Я чуть наклонилась, чтобы увидеть как там, на земле, стоит нимфин со своим лесным луком, а рядом – огромная пума Пустыня. Каприз бросил взгляд на меня, неопределённо хмыкнул и выпустил третью стрелу.

– Рррраааа!!! – взбесился Ойгонхарт, уходя в пике. И освободил нам путь.

Трыньк! – услышала я, когда мы пробивали купол.

Мы улетели, так и не узнав, что стало с Капризом. Но я верила, что они с Пустыней нашли способ спрятаться от бешеного дракона. А может, ещё лучше – натравили его на чёрных мерзотных клякс, уже сыплющихся на землю из очередного прорванного портала...

Форван горел у нас за спиной.

«Прощай», – с болью подумала я.

52. Шшшшшшшурх

Антрацитовая библиотека и впрямь была похожа на бункер.

А ещё на серверную ферму.

Огромное подземное помещение, залитое холодным светом сотен ламп и заставленное чёрными рядами стеллажей. Тысячи, миллионы книг, переплетённых в тёмную кожу. Святая святых великих магов.

– О боги... – ахнула я, когда открылись двери старого гномьего лифта, и моим глазам предстало это мрачное, бесконечное великолепие. – И *что именно* из этого ты должен выучить?

Артур шумно сглотнул в ответ, что было красноречивее всяких слов.

Мы сбегали вниз по винтовой лестнице и рванули по библиотеке, пытаясь сориентироваться и найти хоть какие-то подсказки в монотонных линейках шкафов. Совершенно непонятно, по какому принципу их расставляли – но точно не по алфавиту.

Если бы в мире не случился фальстартный армагеддон, то Эдинброга сюда привёл бы колдун-привратник – официальный хранитель и защитник библиотеки. Он бы провёл экскурсию и выдал необходимые формулы в лучшем виде.

Но когда мы прилетели в столицу на своём нойдиче, здесь уже царили хаос и паника из-за вторжения Тварей. Нам ещё повезло, что мы вообще увидели привратника – поймали его на пороге верхнего зала, где мужчина спешно запирает все двери, готовясь присоединиться к бою, разгоравшемуся на улицах.

Сначала колдун недоумённо уставился на Артура, потом вскрикнул, поняв, *кто* к нему пришёл:

– Держите! – Он протянул студенту секретный ключ. – Но... Вы же ничего не умеете, мастер Эдинброг... Даже ваш отец учил это плетение целый год, прежде чем применить, и то... В общем-то, я боюсь, что у вас не получится, – скомканно закончил он.

– Получится. Удачи в бою, – Артур пожал ему руку. – Постарайтесь дожить до того момента, когда я выйду и зашью ткань мироздания, – и, глядя на трясущиеся пальцы хранителя, он убедительно добавил: – Это будет скоро, не переживайте.

– О, – лицо привратника просветлело. Настрой Артура, пусть и фальшивый, его определённо воодушевил. – Хорошо. Тогда я буду верить в вас, господин Эдинброг. И во что бы то ни стало доживу до вашей победы. Не подведите!

И, взбодрившись, он вприпрыжку убежал.

– «Это будет скоро, не переживайте!»! – Борис передразнил Артура, когда мы оказались перед адским скопищем бесконечных и совершенно одинаковых шкафов. – Всего-то через годик-другой при хорошем раскладе!

– Заткнись, а? – огрызнулся Эдинброг.

Его напускная самоуверенность погасла, сменившись отчаяньем.

– Нет, ну правда? Как ты будешь искать чёртову формулу? Иголка в стоге сена нервно курит в сторонке! – бубнил Отченаш.

– Чем нагнетать, лучше сам подумай над алгоритмом поиска! – процедил Артур. – Ты же умеешь работать с цифрами.

– Штааа? – Бор опешил. – Дурацкие гуманитарии, хватит грести всех образованных людей под одну гребёнку! То, что я умею считать деньги, не значит, что я умею применять формулы! У меня другие приоритеты!

– Это какие же, интересно?

– Комфортное выживание! И, может быть, забота о всяких котиках, – гордо заявил Бор, вздымая спящего Уорхола над головой, словно Симбу из диснеевского мультфильма.

– Отличные приоритеты, – неожиданно серьёзно кивнул Артур, будто пять баллов ответу поставил.

Бор глянул на него удивлённо: он-то ждал продолжения стычки.

– Нашла! – воскликнула тем временем я, прерывая их спор окончательно.

Пока эта пара взвинченных олухов препиралась, я всё-таки решила осмотреться. И обнаружила между рядами письменный стол, заваленный бумагами, книгами и артефактами. Это был стол Эрика Эдинброга. Здесь отец Артура работал вплоть до того рокового дня, когда по ошибке размножил порталы. И ушёл после этого. Жаль лишь, что не в другой мир...

Артур на мгновение оцепенел, увидев рабочее место отца. Затем медленно приблизился. В его глазах появилось странное выражение: будто бы предвкушение встречи с некими священными для него текстами боролось со страхом – *а что, если я недостоин их?*

– Так, – сглотнул он, открывая книгу с формулой. – Так. Сейчас будем разбираться. И... Лучше отойдите подальше.

Мы отступили, замерев послушными теньями, в то время как Артур Эдинброг закатал рукава, готовясь к изучению формулы.

* * *

– Это жесть. Он не справится, – глухо сказал Борис много часов спустя.

Я промолчала в ответ. Вообще-то я была согласна с землянином, но мне слишком не хотелось произносить это вслух.

Тыдыщицицици!.. Очередное заклятье схлопнулось, разбив несколько ламп и погрузив библиотеку в полумрак.

– Чёрт! – Эдинброг в ярости саданул кулаком по стене и вновь упрямо продолжил листать книгу.

У него не получалось ни-че-го. Какой-то полный провал. Он чертил в воздухе колдовские знаки, а они обжигали его, превращаясь в стрелы. Он рисовал на полу пентаграммы, но их контуры таяли и растворяли камень. Он пел формулы – и книжные шкафы вокруг обращались в пыль.

Лишь один раз мне почудился некий проблеск надежды: Артур создал нечто диковинное, фигурное, зависшее над залом, как модель галактики. Мы с Борисом затаили дыхание: получается?.. Но неведомая штука бесславно осела под собственной тяжестью и растворилась в воздухе.

Тогда Эдинброд утёр пот со лба, бросил на нас быстрый взгляд и вернулся к своим взрывчато-губительно-тоскливым экзерсисам. Совершенно бессмысленным. Абсолютно отчаянным.

Очень плохо...

И что самое страшное, время играло против нас: на улице лопалось всё больше порталов, из них вылезало всё больше Тварей, гибли люди. Артур плёл очередное неудачное заклятие, а я никак не могла перестать считать про себя: вот сейчас мы проиграли ещё немного... и ещё... и ещё... Утекающее время плюс избыточная важность – комбо, которое сносит крышу и разъедает изнутри.

Моё сердце поминутно сжималось от ужаса.

– Он не справится, – всё-таки выдохнула я, почти непроизвольно. Борис понимающе-горько усмехнулся, и даже кот, разочарованно мяукнув, отвернулся от Артура.

Тот будто почувствовал, что его маленькая армия окончательно сдалась. Эдинброд перестал колдовать и захлопнул книгу. Поднял глаза на нас. Его пальцы еле заметно тряслись от перенапряжения.

– Как дела? – тотчас фальшиво улыбнулась я. – Выглядит неплохо! – умею переобуваться в полёте, что есть, то есть.

– Да, вроде бы у тебя уже лучше выходит! – также неискренне поддакнул Борис.

– Мря! – распушив хвост, лицемерно одобрил Уорхол.

Артур молча поднялся к нам по ржавым скрипящим ступеням и долго смотрел сначала на Бориса, потом на меня.

– Так я не справлюсь, – бесстрастно сказал он наконец. – И вы это знаете. Плетение моего отца слишком сложно для того, чтобы применять его с наскока. Для него нужны заготовки, а для них – время. А его-то как раз и нет. Ну и корректировка, которую предложили королевские маги, – это, если честно, какой-то убогий бред. Как пририсовать карандашную голову к старинной картине маслом. Она не сработает, вы сами это видите. В общем, – Артур замялся и выдохнул, как в ледяную воду прыгнул, – считайте, что нет у нас формулы. Можно было и вовсе сюда не ехать.

В библиотеке надолго повисло траурное молчание.

Бор беззвучно выругался. Я закрыла лицо руками.

Конечно, никто и не обещал, что мы победим в этой битве. Нам просто хотелось в это верить, ведь надежда – первый признак человека. Она заставляет нас жить, созидать, любить, бесконечно толкает вперёд, пусть даже мы и подозреваем, что кончатся все наши сказки жирной точкой и долгой темнотой нахзаца. Очень смешная и горькая, странная штука – надежда.

Артур уселся между нами на ступеньке, и мы втроём принялись бездумно смотреть, как с потолка библиотеки сыплется каменная крошка – конец света постепенно пробивал себе путь даже сюда, в бункер.

– Но нельзя же просто взять и сдать! – неожиданно вырвалось у меня.

Эхо моих слов безнадежно и как-то жалко разнеслось по библиотеке.

– Нельзя, – спокойно согласился Эдинброд. – И поэтому я предлагаю альтернативное решение. Я хочу выйти наружу и сплести *свою* формулу. Оригинальную. С нуля, – пауза.

До меня даже не сразу дошло.

– *Чегоо?! –* взревел Бор, тогда как я просто хлопала ртом, как выброшенная на берег рыба. – Ты с дуба рухнул?! Твой отец годами тренировался, а потом облажался, а ты хочешь без подготовки мир спасти?! Ты хоть раз что-то сам сочинял вообще?! Не по мелочи, а настоящее?! – Да, – жёстко отрезал Артур.

Но в подробности вдаваться не стал. Бор всплеснул руками.

– Вилка, скажи этому придурку, что он нас всех убьёт, а!

Я посмотрела на Артура. Он был серьёзен как никогда.

– Ты действительно думаешь, что это возможно: вот так взять и создать новую формулу? – спросила я.

Он посмотрел мне в глаза и кивнул.

– Все годы учёбы в Форване я упражнялся в этом – Вилка, ты видела мой кабинет за Тучевой дверью. Я пробовал разные плетения. Сначала простые. Потом сложнее и ещё сложнее, на грани возможностей – и на грани того, чтобы меня не засекали маг-детекторы университета. Ведь все считали, что я ещё не готов. Мне и самому так казалось: я думал, что то, что создаю я, заведомо несравнимо с работами папы. Я – новичок, я – дитя. Он – умудрённый годами и опытом великий маг, знаменитость – и то оступившийся под конец. У меня и мысли не было ставить нас в один ряд. Когда я практиковался в своём кабинете, я всегда остро чувствовал, что это глупость, «не считается», топорные эксперименты юного невежды, так, «шутки ради». Я был уверен, что только после окончания учёбы я получу доступ к истинным знаниям. Что лишь здесь, в Антрацитовской библиотеке, я подойду наконец к той огромной пропасти, что разделяет меня и настоящих мастеров – и потом, годы спустя (и то если повезёт), я преодолею её. Но только что я изучил бумаги своего отца. И... В них нет ничего грандиозного. Те же сомнения, что были у меня. Те же поиски. Где-то изящные решения, где-то откровенно картонные. И комментарии королевских магов – они тоже совершенно... обычные, что ли. Как отзывы театральных зрителей: где-то есть толковые замечания, но по большей части вкусовщина из серии «а вот я бы предпочёл здесь сделать иначе, не люблю стихию воды, люблю землю, фу, ваше решение мне не нравится». В общем... – Артур замялся и прикусил губу. – Грааль оказался просто чашкой. Хорошей, добротной, но всего лишь чашкой. И я думаю, что смогу сделать такой же сам.

Тр-р-р-р-щ-щ-щ-щ...

Очередной подземный толчок расколол пол библиотеки пополам. Длинная трещина побежала от самой лестницы до дальнего конца зала. В неё, быстро наполнившуюся неведомо откуда взявшейся затхлой водой, попала одна из ножек стола Эрика Эдинброга – и по наклонной столешнице вниз покатались бумаги и перья, книги и свечи.

Я было дёрнулась, но ребята остались сидеть.

Записи утонули, канув в неизвестность...

Я посмотрела на Артура. Глаза у него были глубокие и очень печальные. И как будто виноватые.

Наверное, это не так-то легко – взять и развенчать своих кумиров. Признать, что нет никаких «великих», «знаменитых» или хотя бы «взрослых». Что все мы, по сути, одинаковы. И разница лишь в том, какую ответственность мы готовы нести: идти по чьим-то стопам или прокладывать новый путь, ведя за собой...

Для Артура это было прощанием с прежней верой. С отцом. И с юностью.

– Итак, ты предлагаешь сделать новую «чашку», – сказала я. – А если что-то пойдёт не так?

– Тогда весь наш керамический бизнес накроется медным тазом, – невесело усмехнулся Артур, и я подумала, что мы громоздим метафоры уже чисто из-за отчаянья.

Больше сюрра богу сюрра.

– Но мне кажется, что с моей новой формулой всё же больше шансов на победу, чем со старой, – закончил Эдинброд. – Вернее, с ней они в принципе есть. Хоть какие-то.

Прозвучало это как-то не слишком оптимистично.

Я посмотрела на Артура. На Бориса. На кота и на гномий лифт, который поскрипывал и постанывал на старых тросах, на пол библиотеки, испещрённый тонкой сетью трещин. Надо

же. Возможно, именно эти интерьеры – и эти люди – станут последним, что я вижу в своей жизни. Если мы сейчас выйдем наверх и там сразу же проиграем...

А мы выйдем, конечно. С тем или другим плетением. Ибо что ещё остаётся?

Что ещё остаётся, если миру – конец?..

– Эх, – сказал Борис, с хрустом почесав в затылке. – Не люблю, конечно, когда моя жизнь зависит от всяких там доморощенных гончаров, но что уж тут поделаешь. Из двух зол выбираю свежее, то есть тебя. Давай пробовать новое плетение.

– А ты что думаешь? – Артур повернулся ко мне.

– Я согласна, – сказала я. – Создавай свою формулу, Артур. Я верю, что ты справишься. Кто, если не ты?

Несмотря на то, что рядом с нами были кот и Борис, Артур наклонился и легонько поцеловал меня.

– Спасибо, – сказал он. Грустная улыбка приподняла уголки его губ. – Я рад, что ты в меня веришь.

И снова лестницу и все здание мотнуло, будто пятничного забулдыгу. Артур приобнял меня за плечи и помог сначала не рухнуть вниз, а затем встать на ноги.

– Мне кажется, пора начинать, – нахмурился Борис. – А то спасать будет нечего. И, кстати, гений: а мы-то что должны делать? Стоять подле тебя, как два секьюрити? Отмахиваться от Тварей? Фотографировать на память?

– Не совсем, – усмехнулся Эдинброг. – У вас простая и сложная роль одновременно. По сути, вам надо просто взять два артефакта, а потом набраться терпения. В процессе лично ты, Борис, пожалуйста, не забывай о своих недавно оглашённых приоритетах: про заботу и выживание.

– Вау! – хмыкнул землянин. – Ну-ну. Так и быть, подержу над тобой зонтик, если вдруг дождь польёт.

– А я? – спросила я. – Я же твой фамилляр. Мне надо применять какие-то формулы?

– Нет, – Артур покачал головой. – Как я и сказал: просто наберись терпения. Связь между нами есть – и этого вполне достаточно.

Новый подземный толчок – и трещина в полу неприятно расширилась. Уорхол высоко и испуганно мяукнул и петардой взвился Артуру на плечи. Тот попробовал отодрать кота от себя, но безуспешно.

– Ну как хочешь, котяра, – пробормотал колдун. – Так, пора выходить!.. Пока я заканчиваю подготовку, Вилка, пожалуйста, принеси вон тот череп, – он указал на один из ближайших к нам книжных шкафов. – Борис, а ты вон тот хрустальный шар.

– Зашибись, – буркнул землянин. – А сам-то ты их почему не взял с собой, пока на лестницу не поднялся?

– Я очень рассеянный, – шутливо покаялся Эдинброг. – Так что на тебя вся надежда. Не подведи!

Отченаш нахмурился этой внезапной и неуместной игривости Артура, но потом пожал плечами и покорно пошёл вниз. Я следом.

Когда я подняла череп с книжной полки, то вдруг увидела, что от него бегут едва заметные нити заклинания – тонкие паутинки, мерцающие на свету. Они разбегались по столу, спускались на пол и касались самых разных предметов в библиотеке, которые так же стали мерцать, когда я нарушила равновесие системы.

Чёрт. Кажется, это были остатки того заклинания с летающей «галактикой», которое так обнадёжило нас, а потом пропало. Или, точнее, стало невидимым...

– Артур, тут остались чары! – напряжённо крикнула я.

– И у меня! – солидарно изумился Бор, поднявший свой хрустальный шар. – Это нормально?!

– Да, – глухо сказал Эдинброг. – Вполне.

И не успела я оглянуться на него, как все-все ниточки-паутинки, опутывавшие помещение, вдруг вспыхнули, как изумрудное пламя, заполнили собой библиотеку и поглотили мир. Шшшшшшшшшурх.

* * *

Ветер.

Тёплый и сильный ветер дул откуда-то сверху, время от времени щекоча меня своими лёгкими прикосновениями. Сильно пахло хлебом, солью и краской.

Я резко открыла глаза и села.

Я оказалась посреди пшеничного поля. Точнее даже сказать – *внутри* пшеничного поля – с учётом того, что колосья были гораздо выше меня. В руках я всё ещё держала дурацкий череп. Резко выдохнув, я вскочила на ноги.

Пшеничное поле с одной стороны оканчивалось пронзительно-синим морем, с другой – зелёными холмами, на которых росли аккуратные домики с черепичными крышами. В воздухе порхали бабочки, издали доносилась мелодия чего-то вроде лютни.

– Артур! – заорала я, прижав руки рупором ко рту. – Артур!

Колосья неподалёку зашевелились, и из них поднялся Борис Отченаш с перекошенным от удивления лицом. Пару мгновений мы смотрели друг на друга, а потом уже хором начали орать:

– Артур!! Эдинброг!! Какого чёрта?! *Аааааартур!*

Но нам отвечал только тёплый хохочущий ветер, как будто какой-то оранжевый сам по себе.

– Я... я не понимаю... – начала было я, но Отченаш перебил меня:

– У тебя из кармана какая-то записка торчит, сейчас вывалится.

О.

Я трясущимися пальцами достала бумажку – раньше её там точно не было. И она могла там появиться только в момент, когда Артур приобнял меня, поднимая с лестницы.

– Читай вслух, – попросил Бор.

И я прочитала.

«Привет. Вилка, ты в другом мире. Всё верно.

Я всё-таки смог задать координаты с точностью до материка и знаю – это хорошее место, в какой бы стране ты ни оказалась. Уверен, тебе понравится. Ты упоминала этот мир в наших беседах.

Прости, что не предупредил и не получил твоего согласия на принудительную эмиграцию. Причина проста: ты бы его не дала, предпочтя остаться в Гало, а потом уйти вместе. А такой вариант... Скажем так, не оптимален. Я не хочу находить любимого человека, чтобы потом тащить его в бой. Мне не понять романтики жертвы, желания героически погибнуть вместе, красоты последнего синхронного вздоха под стопой врага.

Некоторые вещи нужно делать только в одиночестве.

Конечно, я надеюсь, что сейчас мне удастся закрыть порталы. Но если вдруг нет, если окажется, что всё это происки отчаяния и гордыни, или у моей формулы тоже будет ужасный побочный эффект, я хочу, чтобы ты была в безопасности. Я могу рискнуть миром, но я не стану рисковать тобой. И хоть это звучит, как бред романтического сумасшедшего, по сути, с моей стороны это чистый расчёт. Зная, что у тебя всё хорошо, я буду лучше бороться: я не стану оглядываться, мне не придётся бояться за тебя. И, главное, у меня появится стимул обязательно победить, а потом найти тебя в этом новом мире. Я смогу. Я найду. Ведь наша с тобой связь никуда не денется, мой фамилльяр.

*А пока наберись терпения... и... обязательно верь в меня, ладно?
Иногда это очень важно – знать, что в тебя кто-то верит.
Я люблю тебя, Вилка.
Прощай.*

Р. С. Борис, заботься о ней. Но не слишком. А то убью. Найду и убью, честное слово».

– Какой идиот, – дочитав и выдержав паузу, трясущимися губами начала я. – Какой долбаный идиот заканчивает такое письмо словом «прощай»?!

– Да уж. У него, по ходу, совсем нет чувства языка... – пробормотал ошарашенный Борис. – Потому что последняя фраза так и подмывает, напротив, переборщить с заботой о тебе: чисто чтобы вновь увидеть его самовлюблённую рожу – пообещал же, ну... Эй. Да не плачь ты, Вилка. Всё будет хорошо.

Но я плакала.

Я опустила обратно в пшеницу и плакала долго-долго.

Прощай. Вот козлина. Прощай!..

Борис сначала сидел рядом, потом наматывал вокруг меня угрюмые круги, как сторожевой пёс, потом сходил к столбу-указателю неподалёку и вернулся в большой растерянности.

– Что? – всхлипнула я. – Что ещё?

– Ну... – протянул землянин. – География тут забавная. На столбе есть указатели на «Коххо-Пьоджере, Тилирию, Лайонассу» и «Восточный Хейлонд, Лайонассу». Я же правильно помню, что это названия из фэнтези-книжек о Шолохе?

Он помнил правильно.

Я издала странный хлюпающий смешок, затем упала на спину и заорала в розовеющее вечернее небо:

– Я ненавижу тебя, Эдинброг!!! Я ненавижу тебя за то, что ты не здесь!

С полей взвились птицы. Испуганно вздрогнуло пугало. На далёкой ферме захлебнулась лютия, а Бор покосился на меня, как на больную, и тяжело вздохнул.

Это были не просто названия из книжек, а города из книг, которые всегда грели моё сердце. О которых я действительно говорила Артуру. Какое странное чувство: попасть в любимую сказку, но без любимого человека.

– Ладно, – ещё чуть погодя я вытерла слёзы и поднялась. – Давай попробуем найти какое-то место, где сможем дождаться Артура. Только, Бор, никому не говори, что мы с другой планеты. Тут таким никто не промышляет.

– Да без проблем. Я смотрю, ты приободрилась?

– Просто раз уж он смог настолько чётко направить нас сквозь вселенную, то и с формулой разберётся, – сказала я скорее для себя, чем для Бориса.

– Ммм. Формальная логика не согласна с твоим утверждением, – прищурился финансист. – Но вот сердце целиком и полностью «за».

И мы двумя потерянными, поддерживающими друг друга фигурками зашагали по холмам. Закатное солнце подталкивало нас в спины, незнакомые земли простирались впереди. Где-то там, за горизонтом мира, Артур держал свой бой. А нам оставалось лишь ждать. И, наверное, верить в лучшее.

Гад он всё-таки, этот Эдинброг.

Упёртый и одинокий гад...

Эпилог

Прошло три месяца.

Вера в лучшее таяла день ото дня, и теперь, когда на пшеничных полях закончилась жатва, мои надежды бродили среди стогов белоснежными грустными привидениями. Я видела их блеклые тени всякий раз, когда выглядывала в кухонное окно на ферме «Медовая Патока», где жили мы с Борисом.

Это вышло случайно.

Мы пришли на ферму просто потому, что она располагалась ближе всего к месту нашей телепортации. Там мы познакомились с госпожой Илаей Чентри – взбалмошной, но весёлой молодой вдовой, хозяйкой огромного поместья, где она скучала среди слуг после гибели мужа (какого-то тилирийского криминального авторитета: подробности мы предпочли не знать).

Для нас Илая Чентри стала спасением. Мы для неё – отдушиной.

Наша наспех сочинённая легенда – что мы, дескать, чужеземцы, путешествовали в дилижансе, на нас напали разбойники, и теперь мы ждём потерянного друга, – была шита белыми нитками, но Илая не допрашивала нас и не пыталась уличить во лжи.

– Если мой муж чему-то меня и успел научить, пока не умер, – говорила она, высоко вскинув точёные брови, – так это тому, что в чужие секреты лучше не лезть. Мне приятно ваше общество, господа: я ещё не встречала настолько забавных чужестранцев. Поэтому, хранителей ради, спокойно живите на ферме – пустых комнат у нас полно. Но помните: я неплохо владею мечом, а мои слуги верны мне и по тилирийским законам чести будут мстить за меня и вам, и вашим родным до седьмого колена. Так что будьте паиньками, – подмигивала Илая.

– Горячая штучка! – восхищался Бор. И иногда по ночам на цыпочках уходил в хозяйскую спальню.

Впрочем, помимо «забавности», мы оказались ещё и полезными.

Борис консультировал хозяйку по финансовым вопросам, а к концу второго месяца начал продавать свои советы и жителям соседних имений тоже. Я же чувствовала себя нелепой и бессмысленной ровно до тех пор, пока не наткнулась на комнату со старыми, запylёнными картинами, завешанными простынями. Из-за неподходящих условий хранения они были в жутком состоянии, хотя свет и цвет, сюжеты и композиции намекали на то, что это были работы настоящих мастеров.

– А, – сказала Илая. – Мой муж иногда получал холсты в качестве оплаты за некоторые... ммм... неофициальные дела. Но он не оставил распоряжений о том, как быть с картинами дальше. А мне самой не хватает знаний и связей, чтобы разобраться ещё и с этим вопросом. У тебя есть идеи, Вилка? – у неё был забавный акцент.

– Для начала стоит их отреставрировать, – прикинула я, глядя на полотна. – Я не большой мастер, но если вы разрешите – я могу попытаться.

– Развлекайся! – улыбнулась Илая.

Развлечения были её религией.

Так я начала заниматься реставрацией картин. А потом внезапно начала рисовать сама.

Артура. Снова и снова. По памяти. Илая говорила, что мне удавалось как-то особенно изображать глаза колдуна. Будто портрет на тебя действительно смотрит, куда бы ты ни шёл.

Думаю, причина этому была простая.

Я рисовала глаза Артура со всем возможным тщанием по той единственной причине, что пыталась в них, нарисованных, найти ответ: как? Как ты мог это сделать? Если верил в себя, почему же всё-таки не позволил мне помочь с порталами, чтобы затем уйти вместе? Если не верил... Здесь я обычно переставала спрашивать и начинала плакать.

Каждый вечер на закате я выходила в поле и долго, пристально смотрела на блестящую кромку Жемчужного моря. Иногда мне чудилась мужская фигура вдали, и тогда я вскрикивала и неверяще бросалась вперёд. Но раз за разом это оказывался то мираж, то какой-нибудь из заблудших селян.

– Он не вернётся, – с этими словами я скреблась в комнату к Борису. – Слишком много времени прошло. Он не вернётся...

Финансист шумно вздыхал, швырял в меня шерстяным пледом и до утра сидел со мной, болтая какую-нибудь оптимистично-зажигательную чушь.

– Вернётся. Он просто держит паузу, чтобы получилось эффектнее. Ты же знаешь: он тот ещё выпендрёжник.

– Но что он может делать так долго, если победил Тварей?.. Он же знает, в каком мы мире. Почему... – я сглатывала слёзы. – Почему он не приходит, Бор, если жив?

– В этом мире около двух десятков стран, как я выяснил из энциклопедии. Поди каждую обойди.

– Тоже верно... Но... Чёрт! Всё-таки нет ничего хуже незнания!..

– М-да? То есть ты бы предпочла сейчас выяснить, что он мёртв, а не жить с надеждой? – беспощадно предлагал землянин, и меня передёргивало. – Ну, Вилка, прекращай уже. Он же сказал: наберитесь терпения. Да и вообще: у него ведь кот! А те, кто с котиками, не гибнут. Это же аксиома, м-м? Если не Артур, то сам Уорхол там всех уже раскидал, зуб даю. Правой лапкой... Потом левой... И хвостом по щам. Ну что ты, Вилка... Будет. Не плачь.

Но я всё-таки плакала. Постепенно от веры моей не осталось ни долбаного гроша.

* * *

Однажды после очередного такого разговора, когда Бор, устав играть в няньку, уютно вырубился прямо на полу возле Скорбного Кресла, я тихонько пошла на кухню.

Рассвет ещё только примеривался и разминался: солнце пока не вышло из-за холмов, но красная кромка уже подсветила изумрудную синусоиду холмистого горизонта. Я босыми ногами прошлёпала к холодильнику (на магической тяге) и вытащила оттуда крынку с местным аналогом кефира. А потом вместе со своей нехитрой тарой решила пойти на улицу – сесть под деревом и смотреть, как вновь рождается день.

Наш девяносто третий день в Лайонассе.

В груди у меня что-то горестно ёкнуло... Я старалась не слушать подобных ударов своего печального сердца: я боялась, что у меня всё-таки есть пресловутая интуиция, и эти провалы ритма сердечной мышцы означают что-нибудь плохое. Например, что мой, фамильярный, хозяин мёртв.

А в этот раз сердце совсем уж бесчинствовало. Трепыхалось, как птица, свихнувшаяся по весне. Плохой знак.

Тревожный.

– Чёрт, – прикусила губу я, потёрла грудь и распахнула дверь из кухни во двор.

И в следующий момент сердце ударилось одновременно со всей мной: оно об груди, а я – об косяк. Потому что стоило двери открыться, как мне под ноги бросилось что-то серое и пушистое.

Я охнула, пытаюсь вернуть потерянное равновесие. Я ещё не выучила все виды местных животных, и в первый момент мне показалось, что на меня кинулось эдакое ожившее перекаати-поле.

Но потом перекаати-поле сказала:

– Мяууу!!!!

И тогда я выронила крынку.

Потому что я слышала эти самоуверенные «мявы» очень много раз. Аж в двух мирах – узнаваемы до неприличия.

Ту-дух. Ту-дух. Ту-дух.

– Уорхол!! – взвизгнула я, падая на колени, стискивая кота в руках и вертя его туда-сюда, чтобы окончательно убедиться в его реальности.

– Мррр! – возмутился Уор, которого я интересовала куда меньше аппетитной лужицы кефира.

А до меня вдруг дошло, что сам по себе мой котик точно не умеет ходить между мирами. Хотя что-то – а лучше *кто-то* (тут всё внутри околело, испугавшись ложной надежды) – должно было ему помочь.

Я выпустила кота и, выбежав на крыльцо, завертела головой, шурясь и ёжась на прохладном рассветном ветру. Ферма была безмолвна и спокойна, пугало на пшеничном поле улыбалось слегка жутковатой улыбкой, а розоватое, пока ещё тёмное море на западе чинно белело пеной.

– Артур?.. – шёпотом спросила я.

Но так меня не услышал бы даже кот.

– Артур? – погромче, но всё равно недостаточно убедительно.

И тут что-то буквально заставило меня резко повернуться направо, туда, где над бесконечными тилирийскими холмами разгоралось алое зарево. И в его тревожном свечении чётко виднелся силуэт – пижонски приодетый молодой мужчина с встрёпанными волосами, которые он то и дело машинально поправлял.

– Артур! – взвизгнула я во весь голос и побежала навстречу – босиком по ледяной росистой траве, вместе с ветром и отступающим в ночь туманом.

Он обернулся на крик.

На мгновение он будто бы засомневался, не уверенный в том, что это действительно я, а если я, то не убью ли я его, часом? Но потом тоже сорвался мне навстречу, уже улыбаясь и чуть виновато – и одновременно гордо – вскинув брови: *ну? Я же говорил, что справлюсь, не правда ли?*

Он бежал всё быстрее.

Быстрее.

Быстрее.

Быстрее.

Привет.

Мы не то чтобы встретились – мы буквально столкнулись на гребне холма, заросшем клевером и ромашками. Я с разбегу врезалась Эдинбругу в грудь, и он от неожиданности закашлялся, а потом приподнял меня и закружил в лучших традициях голливудских фильмов – это так глупо смотрелось в кино, но оказалось так радостно в жизни.

– Как ты мог?! – бормотала я, боясь расцепить объятия – а вдруг он снова исчезнет? – Как ты мог нас бросить?!

– Я же сказал, – его медовые глаза улыбались. – Есть вещи, которые надо делать только в одиночку... Так получается намного лучше.

– Тогда будь добр огласить весь список, чтобы я была готова, знаешь ли! – Я захлёбывалась возмущением. – А то завтра утром проснусь, а ты опять свалил – дескать, завтракать тоже надо только в одиночестве...

Он рассмеялся. Господи, я и забыла, какой у него восхитительный смех.

– Нет, – сощурился Эдинбруг. – Думаю, спасением мира тот список, в принципе, и заканчивается.

– Значит, ты спас их?

– Конечно, спас. Мы же вроде расстались на том, что ты в этом и не сомневалась, а?

– Ага, вот только мы расстались три месяца назад! Чем ты вообще занимался всё это время?!

– Сначала выздоравливал после битвы – меня всё-таки потрепали... Нет! Не делай такие страшные глаза, Вилка: я рад, что тебя не было рядом во время боя, потому что иначе я бы спасал тебя, а не себя, и сам точно окочурился бы в процессе. А так – сплёл формулу, получил комплект боевых ранений, мирно полежал в догорающих развалинах столицы... Там меня нашел Ойгонхарт – его привели в чувство стрелы Каприза, пропитанные транквилизаторами, и, оклемавшись, мастер-дракон поспешил на помощь. Он доставил меня в Форван, и там меня после некоторых трудностей смогли привести в чувство. Каприз тоже остался жив, здоров и потом даже умудрился прийти ко мне в лазарет с целью от души меня обругать – без особой причины, просто по усвоенной некогда привычке. Мы чуть не подрались, но потом вполне мило попрощались. Ну, если фразы вроде «Эдинбруг, катись в свою преисподнюю поскорее, пока тебя не взяли под стражу» и «Надеюсь, однажды кто-нибудь всё-таки вправит тебе мозги, раз мне это так и не удалось» можно считать милыми.

Я сначала рассмеялась, а потом нахмурилась.

– А что стало с Амандой?

Артур развёл руками.

– Не знаю. Её никто так и не видел после обрушения зеркальной сети. Возможно, она нырнула в портал вместе со своими новыми друзьями: успела до того, как я зашил ткань бытия.

– Ну и чёрт с ней, – великодушно объявила я. – А ты? Что было с тобой дальше?

– Как только с меня сняли швы, я вновь попрощался с Мэгги (кажется, на сей раз она даже не поверила, мол, опять наверняка вернёшься) и отправился искать вас, – улыбнулся Артур. – Признаться, я довольно долго вспоминал, что именно я изобрёл, чтобы переместить вас в Лайонассу... Тогда я действовал по вдохновению, и в трезвом уме, не обременённом героикой, повторить это оказалось непросто. Но мне всё-таки удалось. А здесь... – он пожал плечами и оглянулся. – А здесь ощущение нашей связи привело меня в Тилирию. Но в рамках страны уже пришлось прибегнуть к вербальным поискам: я долго ходил по городам и сёлам и везде спрашивал, не видел ли кто двух слегка эксцентричных, но обаятельных чужаков с непонятным акцентом? Один из которых злостный прохиндей, а вторая – самая прекрасная девушка во вселенной.

– М-да. Неудивительно, что с таким описанием ты долго не мог нас найти.

– Да ну тебя. Всего-то полтора месяца потратил.

– Ты здесь уже полтора месяца?!

– Ага. И, кстати, по дороге на вашу ферму я видел столько красивых мест... – Глаза его затянула мечтательная дымка. – Ты ещё не успела попутешествовать по материке?

– Издеваешься?! Я тебя ждала! Я вообще боялась отойти от этого дурацкого поля, всё надеясь, что однажды ты вывалишься над пшеницей, как дурацкое и бессовестное НЛО!.. Да ты хоть понимаешь, Ван Хофф Чокнутый, как я... как я... – я задохнулась от чувств.

– «Люблю тебя»? – с вежливым лукавством подсказал Артур.

И, не успев я ответить, вновь меня поцеловал.

Корица и мёд. Цветы и кофе...

– Потому что я-то тебя люблю и надеюсь, что это всё ещё взаимно, – серьёзно сказал он после.

– Надейся, наглый великий маг, – сурово буркнула я, но произвольная улыбка всё же разъехалась по моему лицу. – Трепещи и надейся!

Он рассмеялся. И мы пошли обратно на ферму, где, судя по пронзительным воплям кур, кот уже начал инспекцию птичника.

– И, кстати, Вилка... – пару мгновений погода не вытерпел всё-таки Ван Хофф Любопытный. – А что такое НЛО?

Иллюстрации к книге

